E41
948

Е41
948
ЖЕ
К36

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ

335.5-4

ЛЕНИНИЗМ

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА

С предисловием Н. К. КРУПСКОЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 65969
8°

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ
(51 — 100 тысяча)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1925

Гиз. № 9196. Ленинградский Гублит № 5495. АП № 142. 19 л. Тираж 50.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

к 1-му изданию.

В своей брошюре «Что такое друзья народа?» Владимир Ильич сочувственно цитирует стихотворение Лессинга:

„Всякий хвалит Клопштока,
Но кто станет его читать?
Мы хотели бы, чтоб нас поменьше прославляли
И побольше бы читали".

Ленина теперь очень усердно читают. Спрос на его сочинения громадный. Его не только читают,—его изучают.

Тем товарищам, которые берутся за изучение сочинений Ленина, книжка Керженцева окажет большую услугу.

Автор постарался охватить всю сумму вопросов, которые освещает в своих речах и статьях Ленин. Он постарался сжато формулировать то самое существенное, что сказано Лениным по каждому из затронутых вопросов. При чем автор дает не свои формулировки, а приводит наиболее характерные цитаты из самого Ленина, лишь связывая их между собою общей нитью.

Благодаря этому книжка является очень хорошим пособием при изучении Ленина. Желающий изучить отношение Ленина к тому или иному вопросу сразу ориентируется в нем, его внимание сразу приковывается к наиболее существенному. Это—своеобразный «путеводитель по Ленину».

Изучать Ленина надо, конечно, по Ленину, а не по Керженцеву, но Керженцев очень существенно этому делу поможет.

Написана книжка очень заботливо; видно, что затрачено на нее много труда; сделана работа очень добросовестно и является, несомненно. важным вкладом в дело изучения ленинизма.

Н. Крупская.

ОТ АВТОРА.

Настоящая работа имеет задачей помочь новым и молодым членам партии в изучении ленинизма.

Я старался представить в сжатой форме основные идеи большевизма-ленинизма в их динамике, в их диалектическом развитии в связи с исторической обстановкой.

Это „введение“ быть может несколько облегчит начинающим изучение подлинных работ Ленина. Ссылки в тексте и биография в конце книги укажут читателю, к какой работе Ленина обратиться по тому или другому вопросу. Для облегчения читателя к настоящему изданию добавлен также предметный указатель.

Глава I.

Историческая обстановка.

1. Ленин—вождь миллионов.

В период первой революции 1905—1906 гг. имя Ленина было хорошо известно лишь нескольким десяткам тысяч организованных рабочих, и идеи большевизма еще не завоевали неоспоримого большинства пролетариата Российской империи. Когда 3-го апреля 1917 г. Ленин выступил в Петрограде с лозунгом социалистической революции, многие миллионы рабочих, крестьян и солдат впервые услыхали это имя. И только тогда европейская и американская буржуазная печать в первый раз обратила внимание на своего врага. Когда в 1924 г. мы хоронили Ленина, он был уже признанным и бесспорным вождем мирового пролетариата, беднейшего крестьянства и угнетенных национальностей. Сотни миллионов тружеников всего мира пролили слезы по ушедшем вожде и поклялись упорно продолжать его дело. Идеи большевизма - ленинизма объединяют сейчас многие миллионы рабочих и крестьян.

Почему организатор русского пролетариата стал мировым вождем? Почему именно из нашей отсталой страны выделился руководитель мировой революции? Почему идеи большевизма стали близкими и дорогими миллионам американцев, французов, индусов, японцев, англичан, чехов, немцев? Как случилось, что именно в России сложилась революционная идеология, продолжавшая дело Маркса?

Исключительная одаренность Ленина, железная воля, широкое марксистское образование, глубочайшая преданность пролетариату, изумительная энергия и вера в свое дело

только отчасти разъясняют поставленные вопросы. Лишь рассматривая историческую обстановку, в которой протекала работа Ленина, мы сможем уяснить себе, почему именно русский пролетариат в начале XX века выделил и создал вождя, перевернувшего весь мир.

2. Пролетариат в России.

Ленин—сгусток российского пролетариата. Пролетариату теперешнего Союза ССР пришлось создавать свою партию и захватить власть при условиях, во многом отличающихся от европейских. В Европе к началу XX века уже были забыты революционные бури. Центральная Европа (Германия, Австрия, Италия и др.) и Англия видели революционные восстания в последний раз в середине XIX века. Во Франции красный флаг Коммуны 1871 г. развевался лишь несколько недель, и героическое парижское восстание не получило поддержки вне Франции.

На Западе эпоха буржуазных революций была закончена. Буржуазия стояла у власти, хотя кое-где и с разными ограничениями, вызываемыми пережитками феодального строя. Пролетариат обладал уже некоторыми элементарными политическими правами. В России же, быстро развивавшейся экономически, еще предстояло совершить политическую революцию для свержения устаревшего царского режима. Самодержавие все еще высилось над страной на своих полуистлевших опорах. Оно разлагалось заживо, отравляя окружающее. На очереди была политическая революция буржуазного характера.

Европейское рабочее движение развивалось в рамках легальной парламентской и профессиональной борьбы. Оно умножало число своих газет, наращивало капиталы профессиональных союзов, увеличивало количество своих депутатов в парламенте и цифру избирателей. Пролетариат отвыкал пользоваться революционным оружием, даже таким несложным, как нелегальная, свободная печать. Руководители рабочего класса превратились в чиновников. Революционное учение марксизма становилось благонамеренным размышлением о том, как социализм мирным образом «врастает» в капитализм, как рабочий класс побеждает буржуазию не на

баррикадах с оружием в руках, а на выборах своим бумажным избирательным бюллетенем.

Мы увидим дальше (в главе о III Интернационале), к какому упадку и разврату пришла европейская социал-демократия в этой обстановке мирного жития.

Российское рабочее движение развивалось в обстановке резко противоположной. Недаром Россия в какие-нибудь 15 лет пережила две войны и три революции. Конец XIX и начало XX века в России отмечены чрезвычайно быстрым темпом развития капитализма. Наша индустрия, при энергичном участии иностранного капитала, лихорадочно растет. Ее производство равнялось 1.800 милл. зол. рублей в 1897 г., а через 15 лет (в 1912 г.) возросло в 2½ раза — до 4½ миллиардов. Добыча нефти увеличилась за десятилетие 1889—1899 гг. на 132%, а в Соединенных Штатах—на 9%, добыча угля—на 131%, а в Соединенных Штатах—на 61%, выплавка чугуна—на 190%, а в Соединенных Штатах—на 50%, в Германии—на 72%. Надо отметить, что во многих случаях наши предприятия (например, текстильные фабрики, металлургические заводы, железные дороги) стояли на высоком техническом уровне.

Этот рост индустрии и увеличение численности рабочего класса происходили в обстановке царского самодержавия, стеснявшего своими железными обручами развитие производительных сил страны.

Конечно, этот гнет больше всего чувствовал пролетариат. Русский пролетарий—это вчерашний крестьянин. В деревне он сталкивался с царским режимом в лице помещика и урядника. В городе он боролся против капиталиста и его защитника—полицейского. Царское правительство не разрешало рабочему даже профессиональных союзов. Рабочая кооперация и кассы взаимопомощи едва дышали под полицейским кулаком. Всякий шаг пролетариата, направленный в сторону классового объединения, приходилось брать с боя. Мирная стачка, как правило, заканчивалась диким полицейским избиением.

Рабочий класс, сдавленный этими полицейскими тисками, неизбежно должен был прибегнуть к решительным революционным действиям. Он мог объединяться только в нелегальные организации. Он мог высказываться лишь в под-

польных листках и газетах. Он имел в руках только революционные средства для борьбы.

И в эти годы пробуждения самосознания пролетариат России, к счастью, был избавлен от буржуазного влияния в большей мере, чем пролетариат Европы.

Когда пролетариат стран Запада стал строить свои партии, политическая арена уже была занята буржуазными партиями, часто имевшими большой государственный опыт. Вспомним, что английские рабочие впервые создали массовую партию и самостоятельно выступили на выборах на переломе XIX—XX вв., когда буржуазия насчитывала два с половиной века своей оформленной партийной борьбы (после буржуазной революции середины XVII в.). Германские рабочие создали свою партию через 20 лет после революции, в которой они героически боролись. В России социал-демократическая рабочая партия формально создалась на несколько лет раньше, чем первое политическое буржуазное объединение («Союз Освобождения»), и в период революции рабочая партия была, несомненно, более организована и политически сознательна, чем буржуазные партии. Во всяком случае, российская буржуазия была таким же новичком в политической борьбе, путалась в конституционной терминологии (недоумевая, например, что такое п р я м о е избирательное право, которого добивались с.-д.) и абсолютно не сумела подчинить своему влиянию рабочую массу, хоть сколько-нибудь в такой мере, как это было на Западе *).

Английский рабочий с колыбели окружен искусно организованным буржуазным влиянием. В школе его учат почтению к английским столетним традициям. В церкви ему проповедуют на политические темы. Недаром английская аристократия, по традиции, младших сыновей делает священниками в городах и деревнях. Английские клерджимены (священники)—очень образованные люди. В церкви английские имущие классы имеют своего рода «агитпроп» для систематической пропаганды среди пролетариата. Рабочие клубы Англии в своей значительной части организованы и со-

*) Конечно, существование меньшевизма свидетельствовало о наличии буржуазного влияния в рабочем классе. Но это было лишь косвенное влияние, к тому же лишь частично захватывавшее пролетариат.

держатся буржуазными партиями. Газета, которую читает рабочий (а в Англии всякий читает газету),—буржуазная газета, изо дня в день развращающая рабочего. Достаточно напомнить, что первую ежедневную рабочую газету английский пролетариат (пролетариат, имеющий миллионные капиталы и насчитывающий полуторавековую историю профессионального движения) создал в том же самом апреле 1912 г., когда русские пролетарии на свои крохи начали издавать «Правду». Вторая газета—орган трэд-юнионов—возникла в том же году. Через 1½ г. обе газеты уже прекратили свое существование «за отсутствием средств», а наша «Правда» была закрыта царским правительством. Оказалось, что богатый английский пролетариат не сознавал (и не сознает еще) важности иметь свою собственную ежедневную печать. Он целиком полагается на газеты буржуазии.

Эта слабость русской буржуазии и отсутствие заметного буржуазного влияния на пролетариат были очень важным обстоятельством. Российский пролетариат не попал под руководство буржуазии. Свергнув царизм, он встретил перед собой не искушенного в политике и хорошо организованного противника, в роде английской или французской буржуазии, а буржуазию слабую, дряблую, трусливую, политически малограмотную, не имевшую опыта руководства массами, не искушенную в политических боях, особенно если они носят революционный характер.

Кроме того, эта слабость нашей буржуазии сказалась и на том, что известная часть интеллигенции стала на сторону рабочего класса, и наш молодой пролетариат получил с самого начала довольно видные теоретические и организационные силы. На Западе наиболее одаренная интеллигенция систематически всасывалась в ряды буржуазии.

Таковы некоторые наиболее существенные особенности развития российского пролетариата, которые сделали его носителем революционной энергии.

В России, в отличие от Запада, мы видим, таким образом, молодой, полный сил, быстро растущий пролетариат, создающий свою собственную с.-д. партию, слабую, не имеющую политического опыта буржуазию и разлагающееся, но еще сильное самодержавие, стоящее на пути общественного развития. Уже соотношение этих трех сил давало со-

вершенно иную картину, чем тогдашняя действительность Запада. Еще больше своеобразия придавали этой революционной ситуации роль крестьянства и положение угнетенных национальностей.

3. Крестьянство и национальный вопрос в России.

Россия была типичной крестьянской страной в группе европейских держав. Из ее 130-миллионного населения лишь 14% жило в городах. Основным занятием 80% населения было земледелие. И хотя промышленная продукция быстро росла, перегоняя по своей ценности продукцию сельского хозяйства, все же Россия в начале XX века являлась главнейшим поставщиком хлеба в Европе.

В других странах Европы роль крестьянства была мало заметна. В Англии все сельское население не превышало по своей численности населения одного Лондона, и сельскохоз. продукции хватало стране только на 1½ месяца: 10½ месяцев страна жила привозным хлебом. Во Франции население, жившее сельским хозяйством, было приблизительно такой же численности, как и население городское, промышленное. В Германии оно было несколько ниже половины населения. Но во всех этих странах продукция промышленности в несколько раз превышала по ценности продукцию сельского хозяйства.

Но еще важнее другая особенность. На Западе пережитки феодальной эпохи в деревне были уже более или менее ликвидированы. Там крестьянин был мелким земельным собственником или арендатором, работавшим на чисто-капиталистической основе. Уцелевшее крупное помещичье землевладение (напр., в Германии) велось чаще всего на основе широкого применения машин и наемного труда,— это были своего рода сельскохозяйственные фабрики. Крестьянин и фермер в политическом отношении были на равных правах с горожанином.

Совершенно иными были русские условия. Помещичий класс, дворянство, являвшееся главной опорой царизма и исконным поставщиком губернаторов, генералов, чиновников всех сортов и видов, владело большими поместьями и фактически управляло крестьянством (через земских началь-

ников, через земство и проч.). Крепостнические отношения далеко еще не были ликвидированы. Крестьянское сословие признавалось «низшим», не имевшим таких же прав, как другие царские подданные. Крестьяне были скованы в общину, которая являлась средством для подчинения их государству и помещику.

В тисках тяжелой эксплоатации со стороны помещиков и государства крестьянство разорялось, выделяя миллионы пролетариев.

Таким образом, условия крестьянского хозяйства настойчиво толкали крестьянство к борьбе против помещиков и тем самым против царского трона, опиравшегося, в первую очередь, на землевладельцев-дворян.

С другой стороны, существовала тесная связь крестьянства с пролетариатом (русский пролетарий часто еще вчера был крестьянином) и общность их интересов в деле борьбы против царизма.

Крестьянство России всей обстановкой толкалось к революционной борьбе. На Западе сельское население было, наоборот, самой верной опорой существовавшего режима, самой реакционной политической силой.

Эта своеобразная роль крестьянства, делавшая его союзником пролетариата, заставляла совсем иначе относиться к роли и значению деревни в деле борьбы пролетариата.

В области национальных отношений Россия отличалась таким же своеобразием. Больше половины населения ее (57%) не принадлежало к господствовавшему великорусскому племени. Наиболее культурные части страны (Финляндия, Польша, Латвия) были целиком заселены иными национальностями. Царское правительство усиленно проводило политику угнетения национальностей и стремилось к их обрусению. Русский язык был единственным официальным языком. Изучение родного языка, издание книг на нем, преподавание в школе начал национальной культуры были фактически невозможны для большинства нерусских национальностей. Дикие еврейские погромы перед всем миром демонстрировали националистическое изуверство царского режима.

В главнейших странах Европы национальный вопрос совсем не стоял в такой острой форме. Кое-где государства целиком состояли из одной нации (Франция, Италия), кое-где

господствующие национальности были в ничтожном меньшинстве (Германия) или находились преимущественно в колониях (Англия). Только в одной Австро-Венгрии мы наблюдали национальную пестроту (Соединенные Штаты—в особых условиях).

Поэтому для европейского социалиста национальный вопрос по большей части не играл роли. Недаром почти только одни австрийские социал-демократы писали статьи и книги на эти темы.

В России угнетенные окраины были на-ряду со столицами и промышленными районами главнейшими очагами революции. Во время первой революции финский пролетариат дал пример того, как надо организовывать «красную гвардию» (оттуда и пошло это слово), польский выявил чудеса героизма в вооруженной борьбе против царизма, Латвия дала образец организованной борьбы городского и сельского пролетариата, действовавшего совместно, Кавказ (Баку) выявил революционное единство пролетариев различных национальностей.

Национальный вопрос был, таким образом, острым и важным вопросом в России. Революционерам приходилось внимательно изучать его, чтобы использовать национальные особенности в России в деле борьбы пролетариата за освобождение.

Вопрос об освобождении национальностей от великорусского гнета стоял в тесной связи с проблемой свержения самодержавия и объединения пролетариата в единую партию.

4. Россия и Восток.

Географически Россия соединяет Европу с Азией, с Востоком. Это промежуточное положение не ограничивается, однако, только географией. В экономическом отношении Россия есть оевропеизировавшийся Восток, или обазиатившийся Запад. Страны Востока (Китай, Персия, Турция, Афганистан, Индия и др.) европейцу напоминают давно пройденные стадии экономического развития. Для России дореволюционного периода они были ее недавним прошлым, частью даже настоящим. В них было то же преобладание крестьянского населения, наличие сельской общины (Индия), слабая тех-

ника сельского хозяйства, господство феодальных отношений, деспотические монархии, национальная пестрота, низкий культурный уровень, религиозное одурманивание народа.

В течение многих столетий мы находились в торговых сношениях с крупнейшими странами Востока (Китай, Персия, Турция). С некоторыми из этих стран мы не один раз воевали. Большая часть нашей сухопутной границы смыкала нас именно с Азией. Поэтому хозяйственный товарообмен, взаимодействие культур, тесное общение между Россией и странами Востока не прекращались ни на один год.

Эта близость и к Европе, и к Азии создавала для нас положение передаточной инстанции между группами европейских и восточных стран.

Кроме того, Россия, как и страны Востока, если и не была целиком колонией европейских государств, то все же подвергалась интенсивной эксплоатации со стороны иностранного капитала, а кичливое царское правительство было фактически на положении полувассала европейских банкиров.

Мы на своей шкуре испытывали «ценность» услуг, которые оказывали французские банкиры царю, снабжая его займами для борьбы против революции. Для Европы мы, как и Азия, были объектом грабежа и эксплоатации. Мы тоже принадлежали к «низшей», некультурной (с точки зрения европейского буржуа) расе, нуждавшейся в наставлении, опеке, поучении.

Это экономическое, политическое и культурное положение сближало нас со странами Востока и давало нам возможность лучше понимать внутренние отношения на Востоке и в колониях, чем это удавалось европейцам. Азию европеец изучал, как историческое прошлое, мы—как близкое и понятное настоящее или недавно прошедшее.

Наша тесная связь с Востоком резко выявилась после первой революции. Именно наш 1905 г. вызвал революции в странах Востока—Персии, Турции, Китае.

Мы, таким образом, являлись тем географическим пунктом, где мировой империализм завязывал узлом европейские и азиатские интересы, где революция грозила опасностью и для Востока, и для Запада, где переплетались многие нити хозяйственных, политических, национальных, культурных интересов.

Каутский совершенно справедливо писал в 1902 г. (когда он еще был революционером): «В настоящее время можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 году Германия вступила в ряды революционных наций... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть-может, сама готова послужить для него источником революционной энергии... В 1848 году славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть-может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет новую, счастливую весну для народов» (цитирую по Ленину, XVII т., 111 стр.).

Эти слова оправдались буквально.

5. Марксизм в России.

Молодое рабочее движение России нуждалось в теории, и ее дал марксизм. Первый язык, на который перевели I том «Капитала» был русский. Ряд публицистов России излагал, защищал или опровергал идеи Маркса. Группа русских эмигрантов, во главе с Плехановым, систематически пропагандировала марксизм в России (группа «Освобождение Труда» с 1883 г.). В самом начале 90-х гг., когда складывалось мировоззрение Ленина, борьба марксистов и народников была в самом разгаре.

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века,—пишет Ленин,—передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований,

проверки, сопоставления опыта Европы» (XVII т., 119 стр. «Детская болезнь „левизны“»).

Идеи марксизма (часто в извращенной форме) широко распространялись среди рабочих и интеллигенции. Снова— какая разница с Западной Европой. Английский рабочий, включая вождей, до торжества Октябрьской революции имел самое смутное представление о марксизме. В то время как в России, даже в подцензурное время, сочинения Маркса издавались и переиздавались, на английский язык многие работы даже не были переведены. Из тысячи лондонских рабочих вряд ли даже один знал, что Маркс многие годы жил и работал в Лондоне среди английского пролетариата и похоронен на лондонском кладбище.

То же самое незнакомство с Марксом и марксизмом мы могли наблюдать в Америке, Италии, Франции. Только в Германии Маркса изучали, но зато именно здесь широко распространилась подделка истинного марксизма («бернштейнианство»).

Большинство вождей западно-европейского пролетариата не прошло, таким образом, марксистской выучки. Руководители пролетарского движения в России, и Ленин в их числе, развивались в годы общего увлечения марксизмом и тщательного изучения Маркса.

Многим из них пришлось это изучение пополнить и более близким знакомством с особенностями развития капитализма и рабочего движения разных стран. Царский режим, загоняя рабочих и интеллигентов на долгие годы в тюрьму и ссылку, тем самым предоставлял досуг и возможность пополнить свои знания. Царизм заставлял революционеров бежать за границу, и это тоже расширяло их кругозор. Тяжелые, проклятые годы эмиграции, скитание из страны в страну, вызывавшееся полицейскими и материальными условиями, дали возможность русским революционерам соприкоснуться с западно-европейским рабочим движением, изучить языки, познакомиться с развитием капитализма на месте, в разных условиях.

Таким путем свой русский опыт они могли сопоставить с опытом более культурных стран. Они начинали более конкретно представлять себе условия развития капитализма и международного рабочего движения.

В этом был громадный плюс. Достаточно сказать, что не только рабочие вожди Англии, но даже многие ее буржуазные деятели (напр., Ллойд-Джордж) не только не знают иностранных языков, но имеют самое смутное представление о других странах.

«Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна мира» (XVII т., 119 стр.).

И если именно русским большевикам удалось положить начало III Интернационалу, то близкое знакомство с борьбой заграничных рабочих, несомненно, чрезвычайно помогло им в этом. Ленин писал об империализме и разложении социал-демократии не на основании одних книг и газет, а опираясь также на близкое знакомство со всей обстановкой, создавшейся в Западной Европе и России, на знание вождей рабочего движения и рядовой массы пролетариата.

6. Крах империализма.

Ленинизм возник и развивался в обстановке предреволюционных и революционных бурь. Но эти бури были лишь одним из этапов общего революционного потрясения: начало XX века было эпохой, когда явственно начался крах капиталистической системы и социалистическая революция стала в порядок дня.

Как революционная теория Маркса выковывалась в годы «бури и натиска» середины XIX в., в годы революций и восстаний рабочего класса, так теория и практика ленинизма вырабатывалась в бурную революционную эпоху капиталистического распада.

Революция в России и в странах Азии (в 1906—1908 гг.) и балканская война (1912 г.) были лишь первыми раскатами революционного грома. Мировая война (1914—1918 гг.) потрясла капиталистический мир до основания и непосредственно родила ряд гигантских революционных взрывов (Россия, Германия, Австрия и др.). Впервые в истории пролетариат стал у власти в стране, занимающей шестую часть суши.

Ленинизм явился теорией и практикой именно этой переломной эпохи. Только в связи с ней мы сможем понять основное содержание ленинизма в его теоретических построениях и практических лозунгах.

В дальнейших главах нам придется подробнее коснуться намеченной выше своеобразной исторической обстановки, среди которой жил и работал Ленин.

Что мы видели? Молодой, быстро растущий рабочий класс, полный революционной энергии, имеет союзника в своей борьбе в лице крестьянства. Самодержавный гнет не дает иного выхода для угнетенного пролетариата и эксплоатируемого помещиками крестьянства, кроме революционной борьбы. Буржуазия выступает в этой борьбе слабой и плохо организованной. Угнетенные окраины являются очагами революционных пожаров. В этой революционной обстановке широко распространяются идеи научного социализма—марксизм, и многие тысячи интеллигентов идут в ряды рабочего класса.

Революционная борьба России встречает живой отклик в странах Азии и, в свою очередь, вплетается, как составная часть, в общую революционную борьбу международного пролетариата против шатающегося капитализма. В эти годы канун социалистической революции складывается учение, продолжающее (теоретически и практически) дело Маркса, выковывается ленинизм—эта теория захвата власти, диктатуры пролетариата, республики советов, социалистической революции.

Только в свете этих исторических событий мы сможем понять сущность и развитие идей Ленина. Ленинизм создан не только гением Вл. Ильича, а всей борьбой международного пролетариата в эпоху краха империализма.

Глава II.

Некоторые элементы ленинизма.

1. Важность теории.

Революционная борьба пролетариата требует теории, которая бы давала ей научное обоснование. Когда буржуазия совершала свои революции, она уже имела научные работы и даже целую «энциклопедию», подводившую фундамент под ее политическую и экономическую программу. Эта целостная идеология была одним из могучих орудий борьбы буржуазии против феодализма.

Пролетариат находится в гораздо худших условиях, вступая в борьбу за власть. Его экономическая придавленность не дает ему возможности достигнуть высокого культурного уровня и создать крупные культурные ценности, облегчающие его борьбу. Тем более необходима ему научная революционная теория—марксизм.

Уже в одной из первых своих работ,—«Задачи русских социал-демократов» (1897 г.),—повторяя слова: «без революционной теории не может быть и революционного движения», Ленин указывал на важность разработки теоретических вопросов марксизма в применении к русской действительности. В частности он выдвигал следующие вопросы: теорию классовой борьбы, материалистическое понимание русской истории и материалистическую оценку экономического и политического положения в России, необходимость сводить революционную работу к определенным интересам определенного класса и т. д. (I т., 357 стр.).

В своих статьях в «Искре» против социалистов-революционеров (1902 г.) Ленин снова отмечал необходимость, в виду кризиса социализма, «обратить усиленное внимание на

теорию». Обращаясь к эсерам, он пророчески писал: «Отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах» («Революционный авантюризм», IV т., 120 стр.). История партии эсеров, особенно после 1917 г., наглядно показала правильность того, что говорилось в «Искре».

Особенно подробно о значении теории Ленин высказался в брошюре «Что делать?» (1902 г.). Здесь он обрушивался против «беззаботности и беспомощности в развитии теоретической мысли», против отсутствия у некоторых социал-демократов «целостной и продуманной теории», против принижения теоретического уровня партии, против каких-либо теоретических уступок. Ленин указывал, что для русской социал-демократии теория имеет особенно важное значение, потому что наша партия только складывается. «При этих условиях „неважная" на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различение оттенков. От упрочения того или другого оттенка может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет».

Это замечание целиком подтвердила вся история нашей партии. «Незаметные» оттенки между большевиками и меньшевиками оказались зародышами непримиримейших расхождений. Организационные и тактические разногласия, казавшиеся многим надуманными, знаменовали в действительности глубокое принципиальное расхождение.

Ленин указывал на необходимость теоретически изучать и претворять в России опыт других стран и особенно учитывать все национальные особенности, стоящие перед русской социал-демократией. В России «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией».

Ленин сочувственно цитировал дальше Энгельса, который признавал не две формы борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), а три, добавляя к ней борьбу теоретическую. Энгельс говорил, что «равнодушие ко всякой теории является одной из главных причин того, почему ан-

глийское рабочее движение так медленно движется вперед» («Что делать?», V т., 134—136 стр.).

Характеризуя однажды английский социализм, Ленин указывал, что практицизм, которым так хвалятся англичане, их нелюбовь к общим принципам, к теории являются лишь выражением мещанского, цехового духа в рабочем движении, типичном для рабочей аристократии, которая отрывается от своего класса (см., например, «Английские споры о либеральной рабочей политике», т. XII, ч. II, стр. 75 и следующие).

В тяжелые годы реакции (1908—1909) Ленин призывал членов партии к «усиленной теоретической работе»: «Теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается... всем объективным положением вещей в стране». «Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное миросозерцание, т.-е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня» («По поводу двух писем», XI т., ч. I, 173—174 стр.).

В своих последних статьях о рабкрине Ленин ставил одной из обязанностей членов ЦКК «занятия теорией».

Сам Ленин много сил и времени уделил на теорию и оставил нам ряд работ исключительно ценных, благодаря глубокой теоретической разработке вопросов.

2. Марксизм и ленинизм.

Теория пролетариата—марксизм. Марксизм своим учением о борьбе классов, теорией исторического материализма, анализом капиталистического строя давал в руки пролетариата могучее научное оружие. Большевизм (ленинизм) вырос на прочной основе марксизма.

В статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» Ленин так определял основную сущность работ Маркса: «Главное в учении Маркса—это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как создателя социалистического общества» (т. XII, ч. II, стр. 43).

Этот центральный пункт учения Маркса Ленин не один раз выделял и подчеркивал и в других своих работах. Так, например, сущность основной работы Маркса Ленин выразил в таком определении: «Весь „Капитал“ Маркса посвящен

выяснению той истины, что основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат. Буржуазия—как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель; пролетариат—как его могильщик, как единственная сила, способная сменить ее («Речь на VIII съезде партии о работе в деревне», XVI т., 140 стр.).

Учение Маркса указывало пролетариату пути общественного развития и давало практические лозунги для борьбы. При этом оно неизменно подчеркивало, что рабочий класс может свергнуть иго капитализма и уничтожить эксплоатацию человека человеком. Марксизм, как учение, был проникнут глубокой революционностью.

Перед русскими марксистами стояли большие задачи. Прежде всего им предстояло бороться против всех бесчисленных искажений и извращений марксизма, против канонизирования имени Маркса, сопровождавшегося «выхолащиванием содержания революционного учения». С другой стороны, им надо было применить метод Маркса к своеобразным условиям России и к новой эпохе распада капитализма и кануна социалистической революции.

Ленинизм в основном выполнил обе эти задачи. Продолжая дело Маркса, Ленин сумел дать и ряд новых теоретических построений.

Ленину пришлось главное внимание обратить на приложение революционной теории марксизма к эпохе, когда захват власти пролетариатом стал уже не академическим, а жизненным, практическим вопросом. В связи с этим надо было теоретически разработать именно те стороны марксизма, которые касались классовой борьбы в момент социалистической революции, и учесть все конкретные особенности периода захвата власти.

Ленин больше, чем кто-либо, боролся против всяческого искажения революционного марксизма. Систематическая и блестящая борьба против «критиков» Маркса чрезвычайно помогла тому, что пролетариат сохранил в своих руках острое марксистское теоретическое оружие. Эта борьба с оппортунизмом в русском и международном масштабе отсекла от пролетариата негодные и вредные элементы.

Ленин подробно разработал Марксову теорию о гегемонии и диктатуре пролетариата. Он обосновал ее как теоретически,

так и на опыте русской революции и международного рабочего движения.

В связи с вопросом о диктатуре пролетариата и социалистической революции, Ленин создал теорию пролетарского государства, которая, целиком опираясь на положения Маркса и Энгельса, дала пролетариату целостное учение о государстве.

Ленин, широко применяя взгляды Маркса к аграрному вопросу, дал конкретную картину развития капитализма в сельском хозяйстве. Именно в связи с этими работами Ленину удалось выяснить роль крестьянства в социалистической революции и совсем иначе поставить эту коренную проблему переходного периода.

Продолжая работы Маркса в области национального вопроса, Ленин дал вполне конкретную формулировку значения национального вопроса в момент краха капитализма и роли национальных движений в колониях.

Изучение развития капитализма в его новейшей империалистической фазе помогло Ленину дать ясную и точную формулировку последнего империалистического этапа мировой истории. В связи с этим изучением империализма, он имел возможность наметить целый ряд практических лозунгов для пролетарской борьбы различных стран.

По таким основным линиям шла теоретическая разработка Лениным положений марксизма. Марксу пришлось формулировать свои положения о главных боях пролетариата за власть лишь как теоретические построения. Ленину довелось эти теории воплотить в практические формулировки, стать вождем непосредственной борьбы рабочего класса за власть. Поэтому ленинизм явился, так-сказать, переводом марксизма на язык пролетарской борьбы в эпоху краха империализма и первых побед рабочего класса. Ленинизм — это марксизм периода социалистической революции.

3. Диалектический метод.

Изучение ленинизма будет пустой схоластикой, если мы не усвоим себе сущности ленинского метода. Этот метод можно кратко охарактеризовать, как метод Марксовой диалектики, блестяще примененный в сложной обстановке распада капитализма.

Основная мысль диалектики Маркса в том, что «мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении». Диалектика не признает ничего «раз навсегда установленного, безусловного, святого». Она видит во всем «непрерывный процесс возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» («Карл Маркс», XII т., 1 ч., 322—323 стр.).

С точки зрения диалектического метода Маркса, человеческое общество рассматривалось в процессе его постоянного изменения и развития, а не как механическое сцепление элементов. Изучая отдельные экономические периоды, Маркс подчеркивал, что каждая эпоха имеет свои законы, определяющие условия ее возникновения, развития и упадка.

Характеризуя сущность диалектического метода, Ленин писал: «Диалектика требует всестороннего учета соотношений (между политикой и экономикой) в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого». И дальше: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования". Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это—во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижении" (как говорил иногда Гегель), изменении... В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное „определение" предмета, и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» («Еще раз о профсоюзах», XVIII т., 1 ч., 57, 60 стр.).

Борясь против софистики Плеханова и меньшевиков, защищавших участие в войне 1914 г., как войне «оборонительной» против «зачинщика», Ленин писал, что Плеханов, как софист, выхватывает один «довод» и оперирует с ним, забывая всю конкретную обстановку. «Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося, к корен-

ным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе». «Диалектика Маркса... запрещает именно изолированное, т.-е. однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета».

Ленин пишет дальше: «„Чистых" явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может,—об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что само понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания. На свете нет и быть не может „чистого" капитализма, а всегда есть примеси то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь» («Крах II Интернационала», XIII т., 143, 160 стр.).

«Все грани в природе и обществе условны и подвижны... нет ни одного явления, которое не могло бы при известных условиях превратиться в свою противоположность. Война национальная может превратиться в войну империалистическую и обратно» («О брошюре Юниуса», XIII т., 438 стр.).

Как в своих научных работах, так и в своей политической деятельности Ленин дал немало образцов блестящего применения диалектики. В книге «Развитие капитализма в России» Ленин, изображая весь процесс развития капитализма в целом, все время опирается на тщательный анализ конкретной российской действительности. Изучая последовательно отдельные стороны вопроса (напр., разложение крестьянского хозяйства, образование капиталистического земледелия и т. д.), он стремится показать «связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства». Все стороны процесса все время изучаются в движении, в изменении.

Ленин любил говорить: «Самая суть, живая душа марксизма—в конкретном анализе конкретной ситуации».

Намечая тактику нашей партии эпохи первой революции, Ленин неоднократно повторял о необходимости конкретного анализа положения и реальных интересов отдельных борющихся классов.

Когда Плеханов и меньшевики, утверждая, что революция 1905 г. буржуазная, делали отсюда вывод, что, стало-быть, руководящая роль в ней должна принадлежать буржуазии, Ленин говорил: стремление искать ответа на конкретные во-

просы в простом логическом развитии общей истины о характере революции, есть «опошление марксизма и сплошная насмешка над историческим материализмом». Надо выяснить все конкретные особенности русской революции, ее классовую подоплеку, роль крестьянства, своеобразный характер русской буржуазии и т. д.

После роспуска первой думы в с.-д. рядах шла ожесточенная дискуссия об очередных лозунгах. Ленин писал по этому поводу, что было бы ошибочно выводить лозунги непосредственно предстоящей борьбы просто и прямо из общего лозунга известной программы чисто-формальным, логическим путем. Нет. «Надо учесть конкретную историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из предыдущих шагов и этапов движения». Анализируя именно эту обстановку, Ленин и выставлял лозунг подготовки вооруженного восстания («Роспуск думы и задачи пролетариата», VII т., 2 ч., 11 стр.).

Для правильной оценки действительности нужен, прежде всего, «точный, объективно проверенный учет соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента». Недаром Маркс и Энгельс говорили: «Наше учение—не догма, а руководство для действия».

Но будет ошибкой, если, анализируя роль классов в революции, мы ограничимся лишь определением линии их действия, не анализируя форм их борьбы. «Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы» («К оценке русской революции», XI т., 1 ч., 77 стр.).

Борясь против оппортунизма и «левого ребячества» в международном масштабе, Ленин отмечал, как сугубо важно принять во внимание конкретные особенности, которые эта борьба принимает в разных странах, сообразно оригинальным чертам их экономики, политики, культуры и пр. «Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных

подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения»—вот задача, выдвигавшаяся Лениным («Детская болезнь „левизны"», XVII т., 178 стр.).

Когда меньшевики проповедывали идею «революционного самоуправления», Ленин указывал, что оно возможно лишь как результат успешного восстания, что это лишь «кусочек» переворота, не имеющий значения, если отбросить основную особенность его—восстание. Диалектический метод требовал всестороннего охвата предмета во всей сложности его составных элементов, а оппортунисты, как с писаной торбой, носились «с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое» («Последнее слово искровской тактики», VI т., 514 стр.).

4. Реализм.

Исторический материализм Маркса явился одним из основных корней ленинизма. Материализму, как философии марксизма, Ленин посвятил одну из блестящих своих работ («Материализм и эмпириокритицизм», X т.). Понятно, что ленинизм во всех частях проникнут суровым пролетарским реализмом. Он не верит словам, пышным фразам и хорошим обещаниям,—он требует дела, фактов. Он судит только по делам. Он скептически относится к ссылкам на «хорошие качества» человека, потому что он знает, что классовый инстинкт всегда перевесит их. Он знает суровую борьбу классов и глубоко чужд всякой интеллигентской сантиментальности.

Когда меньшевики и эсеры в 1917 г. призывали пролетариат иметь доверие к Временному Правительству, заявляя, что оно искренно хочет отказаться от аннексий, Ленин писал: «Может ли взрослый человек удовлетвориться тем, что люди о себе думают, не проверяя этого тем, что они делают. Может ли марксист не отличать пожеланий и заявлений от объективной действительности? Нет. Не может» (XIV т., 1 ч., 23 стр.). А после победы Октябрьской революции Ленин говорил: «Полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества—

это вещь в политике совсем не серьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы» («Доклад ЦК на XI съезде РКП», XVIII т., 2 ч., 42 стр.).

Поэтому ленинизм призывает опираться, прежде всего, на реальные факты действительности, на анализ классовых сил. «Наша сила—полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин, и русских, и международных, а затем и проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы» («О продналоге», XVIII т., 1 ч., 231 стр.).

Уже в самых первых своих работах—в борьбе с народниками—Ленин указывал на необходимость исходить из точных фактов экономической действительности и из их анализа. «Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях» («Др. народа», I т., 206 стр.). Борьба Ленина против народничества была так успешна именно потому, что он опирался на анализ статистических данных, на учет действительных особенностей русского хозяйства, на неопровержимые факты.

Изучению фактов и документов Ленин придавал всегда особенное значение. В период обостренной фракционной борьбы большевиков и меньшевиков он советовал, напр., тщательное изучение протоколов II съезда партии. «Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности картину действительного положения дел в нашей партии... Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд, именно изучать» («Что делать?», V т., 307 стр.).

После «объединительного съезда» (1906 г.) Ленин призывал членов партии «к *изучению* документального материала». «Надо знать *факты*, точно показывающие содержание и размеры разногласий» («VII т., 1 ч., 227 стр.).

В период дискуссии о профсоюзах Ленин снова писал: «Надо, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и

величайшей честностью принялись изучать: во-первых, сущность разногласий и, во-вторых, развитие партийной борьбы». И он добавлял: «Надо изучать то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных к проверке со всех сторон. Кто верит на-слово, тот безнадежный идиот, на которого махают рукой» («Кризис партии», XVIII т., 1 ч., 29 стр.).

Заметьте, что все три раза Ленин требует не знакомства с партийными документами, а именно изучения их, и все три раза либо курсивом, либо в тексте подчеркивает это слово *).

С такой педантичностью относясь к изучению фактов, Ленин яростно боролся против всяких фраз, особенно против «революционной фразы». Ленин свирепо нападал на тех, кто «бессмысленно повторял заученную формулу, вместо изучения своеобразия новой живой действительности». «Марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня».

Даже в самые трудные, критические моменты надо уметь ясно отдавать себе отчет в происходящем. Изучение крупных революционных кризисов как-раз и дает особенно ценный материал для понимания действительности. Задача большевиков—внимательно изучать «силы, классы, обнаружившиеся в кризисе, и извлечь отсюда уроки для партии пролетариата». «Великое значение всяких кризисов состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное, поверхностное, мелкое, отметают политический сор, вскрывают истинные пружины действительно происходящей классовой борьбы» («Уроки кризиса», XIV т., 1 ч., 109 стр.).

Стихия революции есть опасность. Опасности грозят на каждом шагу, каждую минуту. Революционер должен открыто глядеть им в лицо, учитывать их, предвидеть их.

Было бы преступлением преуменьшать опасности, которые стоят перед пролетариатом в его борьбе за власть. Ленин не уставал повторять об этом: «Мы знаем эти трудности, мы знаем, что они громадны. Я не боюсь сказать, что

---

*) Кстати, всюду, где это не оговорено, курсив в цитатах принадлежит Ленину.

они необъятны. Нас это нисколько не пугает. Напротив, мы почерпаем свою силу из того, что говорим открыто рабочим и крестьянам: „Вот какие трудности перед вами лежат, вот какая опасность нам угрожает... Давайте работать и смотреть трезво на наши задачи"». («Речь у металлистов», XVIII т., 2 ч., 13 стр.).

Когда первая революция была разбита, и не оставалось никаких шансов на революционный подъем масс, Ленин открыто признал это. Он указывал, что революция не закончена, но монархически-конституционный поворот налицо, наступила пауза в революции, целый ряд призывов систематически не встречает отклика в массах, приходится начинать работать «по-будничному». Большевики бойкотировали государственную думу, а теперь вынуждены войти в нее. Что же из того? «Ежели проклятая контр-революция загнала нас в этот проклятый хлев, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но и не хвастаясь» («Против Бойкота», VIII т., 455 стр.).

В то время, как в период брестских переговоров значительная часть членов ЦК нашей партии стояла за революционную войну, Ленин указывал, что такая политика была бы «красива, эффектна и ярка», но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов, и настоял на мире.

Он открыто отмечал, что международная революция не пошла «так скоро, как мы ожидали», и это надо принять за факт и сделать отсюда выводы.

Как бы ни было тяжело положение, но «абсолютно безвыходных положений не бывает». Мы не должны падать духом. Мы обязаны учитывать опыт своей борьбы, не надеяться на случай, а лишь на свои собственные силы.

После окончания гражданской войны Ленин призывал тщательно учесть ее опыт. В основу пропаганды и агитации он предлагал положить «анализ, объяснение того, почему мы победили, почему эти жертвы гражданской войны окупились сторицей, и как надо поступать на основе этого опыта, чтобы одержать победу в другой войне, войне на фронте бескровном» («Отчет ЦК на IX съезде», XVII т., 67 стр.).

Делая свои доклады на съездах от имени Совета Народных Комиссаров, Ленин прежде всего обращал внимание на уроки, какие можно извлечь из проделанного опыта. За неумение учесть практический опыт, Ленин резко нападал на видных товарищей. По поводу дискуссий о едином хозяйственном плане, он писал: «Пустейшее говорение, литературщина. Нежелание считаться с тем, что создано в этой области делового и изучать это... Скучнейшая схоластика... то литераторская, то бюрократическая, а живого дела нет. Хуже того. Высокомерно-бюрократическое невнимание к тому живому делу, которое уже сделано и которое надо продолжать. Опять и опять простейшее „производство тезисов" или высасывание из пальца лозунгов и проектов вместо внимательного и тщательного ознакомления с нашим собственным практическим опытом» («О едином хозяйственном плане», XVIII т., 1 ч., 81—82 стр.). Поменьше прожектерства и спора о словах, побольше изучения практического опыта.

5. Самокритика.

Ленин учил смело и открыто признаваться в своих ошибках, потому что только таким путем партия пролетариата будет непобедима. В своем выступлении на XI съезде (1922 г.) Ленин ярко формулировал эту мысль: «Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем сила, они боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, а научимся преодолевать слабость» (XVIII т., 2 ч., 59 стр.).

Самообман был бы величайшим вредом для революционеров,—повторял Ленин. И в течение всей своей работы он не один раз констатировал свои ошибки или ошибки нашей партии.

Ленин был фактическим автором аграрной программы нашей партии (1903 г.), которая выставляла требование возвращения крестьянам «отрезков» (т.-е. земель, отрезанных у крестьян в 1861 г. при «освобождении»). Против этих «отрезков» вели упорную борьбу многие наши противники и некоторые члены партии. В период первой революции Ленин признал,

что лозунг «отрезков» недооценивал революционности крестьянства.

Первую государственную думу большевики бойкотировали и не принимали участия в выборах. Впоследствии Ленин заявил, что это была ошибка. Он настоял на участии во второй и третьей государственной думе.

О героическом периоде борьбы после Октябрьской революции Ленин с откровенной прямотой говорил: «Мы достаточно наглупили в период Смольного и около Смольного (в Смольном институте помещался тогда штаб революции). В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело» («Отчет ЦК на IV съезде», XVII т., 75 стр.). «В Смольном мы калякали о принципах, и, несомненно, больше, чем следовало»,—говорил он в другой раз.

Отчетный доклад Ленина о работе ЦК партии на XI съезде, главным образом, сводился к констатированию ряда ошибок, которые были сделаны ЦК. Им не были учтены трудности демобилизации, была сделана ошибка в распределении продовольственных и топливных ресурсов, не было надлежащей правильности в их учете, сделали ошибку, допустив дискуссию о профсоюзах, прозевали тезисы Рудзутака о профсоюзах и т. д., и т. д. (XVIII т., 1 ч., 107 стр. и дальше).

Защищая в 1921 году в ряде речей и статей необходимость перехода к новой экономической политике, Ленин указывал, что в предыдущие годы была сделана партией большая ошибка вследствие попытки произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы рассчитывали получить от крестьянства по разверстке хлеб, распределить его по заводам и создать таким путем коммунистическое производство и распределение. «Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализу без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической». Через государственное производство и распределение мы думали вступить в другую экономическую эпоху. Только долгий опыт показал нам ошибочность этих расчетов, и Ленин отчетливо формулировал эту ошибку. «Мы потерпели поражение в наших расчетах и должны открыто

признать это поражение» («Речь на съезде политпросветов и на московской губернской партийной конференции», XVIII т., 1 ч., 372, 390—391 стр.).

Переход к новой экономической политике подразумевал организацию товарообмена. Скоро Ленин констатировал, что мы и тут просчитались: товарообмен сорвался, и нам пришлось отступать дальше.

Да, «во время революций делается не меньше глупостей, а иногда и больше; нужно смотреть на эти глупости трезво и безбоязненно». Надо смотреть, какие ошибки допущены, и переделывать все сначала. Мы наделали много глупостей и еще наделаем их неимоверное количество, но они будут нам неопасны, если мы осознаем их и безбоязненно исправим. Ведь, «умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет ловко и быстро исправлять их».

Но, сознавая свои ошибки, мы должны правильно учитывать и наши удачи. От ошибок и неудач не падай духом, от успеха не зазнавайся. На вечере по случаю пятидесятилетия рождения Ленина он, в ответ на чествование (на котором он не присутствовал), указал, как бы наша партия «не попала в очень опасное положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное» (XVII т., 112 стр.).

6. Предвидения.

Глубокий реализм, мастерской классовый анализ, блестящая диалектика не раз помогали Ленину делать предсказания, целиком оправдывавшиеся дальнейшим ходом событий. Он был истинным провидцем судеб революции. В брошюре «Задачи русских с.-д.» (1897 г.) он предсказывал близость кризиса, который революционеры должны использовать. Этот кризис действительно скоро наступил. Конечно, это предвидение было лишь приложением марксистского учения о промышленных кризисах, но оно свидетельствовало о пристальности внимания молодого Ленина и об умении бросать свой взгляд в грядущее.

Свою первую крупную работу «Друзья народа» (1894 г.) Ленин закончил пророческими словами: «Когда передовые представители (рабочего класса) усвоят идеи научного со-

циализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». («Др. народа», I т., 210 стр.). Здесь даже в самой терминологии («коммунистической» вместо «социалистической», как тогда чаще всего говорилось) словно есть предвидение Октября.

В «Что делать?» Ленин, отметив, что «история поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны», указывал, что разрешение этой задачи (свержение абсолютизма) «сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (V т., 138 стр.). Через 15 лет эти слова осуществились буквально.

В годы перед первой революцией Ленин остро сознавал необходимость наметить ближайшие возможные этапы, по каким пойдет революционная борьба в России, и предугадать ее пути и последствия.

В «Что делать?» он писал о том, что социал-демократу надо уметь «мечтать»—не в обывательском смысле слова, а в том смысле, как разумел Писарев: «Моя мечта может обогнать естественный ход событий, или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может притти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив» («Что делать?», V т., 260 стр.).

Для Ленина «мечта—это было предвидение того будущего, когда рабочий класс, сорганизовавшись, захватит власть и начнет строительство социализма.

Библиотека института Красной профессуры

Через три года в своей статье во «Вперед» (март 1905 г.), в самые первые этапы революции, Ленин, снова возвращаясь к этой теме, написал строки о своих «мечтах», которые оправдались целиком на наших глазах. Вот этот замечательный отрывок: «Накануне революции революционный социал-демократ будет не только указывать „худой конец" ее. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца ее. Он будет мечтать,—он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер,—о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой; нам удастся, благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся, тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется, в свою очередь, и покажет нам, „как это делается"; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы еще успеем не раз поговорить о том, что мы сделаем „тогда", поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских „мужиков"» («Соц.-демократия и временное революционное правительство», VI т., 129 стр.).

Вот один из образцов блестящего революционного предвидения, сделанного в то время, когда меньшевики охали и хныкали о слишком решительных большевистских лозунгах и предвещали революции всякие беды.

В период первой революции ряд предсказаний Ленина целиком оправдался. В начале 1907 г. он указывал, что впереди либо победа революции, либо «бесславное исчезновение второй думы, как и первой, а затем отмена избира-

тельного закона и возврат к черносотенному самодержавию». Этими словами охарактеризована сущность «переворота 3 июня 1907 г.»—разгона 2-й думы и изменения избирательного закона Столыпиным.

Ленин с полной точностью предсказал роль кадетов в революции и т. д.

Но, быть-может, самым замечательным был ленинский прогноз роли и значения тех партий, которые выступали под именем социалистических,—меньшевиков и эсеров. Ожесточенная идейная борьба большевиков против других групп, именовавших себя социалистами, очень часто вызывала нападки на резкость, неуместность и проч. Слабонервные интеллигенты возмущались, когда большевики называли эсеров «авантюристами», а меньшевиков—«мелкой буржуазией» и пр.

Ленин не один раз указывал, что даже небольшие идейные разногласия могут повести к крупным расхождениям. Он предвидел, что идейные споры 1905—1906 гг. могут превратиться в будущем в вооруженную борьбу. Он предсказывал, что мелкобуржуазные тенденции в рабочем классе еще не один раз дадут себя знать. В 1908 г. в сборнике, посвященном Марксу, Ленин писал: «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу; то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,—это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу. Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX в. есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства» («Марксизм и ревизионизм», XI т., 1 ч., 61 стр.).

Еще в 1902 г. Ленин писал об эсерах, как об авантю-

ристах. Черновы, Савинковы и К-о старательно оправдали эту характеристику на наших глазах. Характеристика меньшевизма, как мелкобуржуазного течения, ясна теперь всякому.

Когда разразилась мировая война (1914 г.), среди общего шовинистического угара один Ленин верно предсказал ход событий, заявив, что начавшаяся война является началом гибели империализма, что она превратится в войну гражданскую и породит ряд революций. За это предсказание—одно из самых выдающихся—Ленина провозглашали сумасшедшим, мечтателем, ничего не знающим чудаком.

А когда произошла февральская революция, в первой же статье Ленин писал: эта революция, наверно, не будет последней. В письме к швейцарским рабочим, накануне своего отъезда из Швейцарии в Россию Ленин отмечал, что русскому пролетариату выпало на долю начать р я д революций, что русская революция будет «прологом всемирной социалистической революции». И он кончал письмо словами: «Да здравствует н а ч и н а ю щ а я с я пролетарская революция в Европе!».

В период перед Октябрем Ленин предвидел появление Корнилова: «Не Церетели или Чернов лично и даже не Керенский призван играть роль Кавеньяка,—на это найдутся иные люди, которые скажут в надлежащий момент русским Луи Бланам: „отстранитесь", но Церетели и Черновы являются вождями такой мелкобуржуазной политики, которая делает возможным и необходимым появление Кавеньяков» («Из какого классового источника придут Кавеньяки?», XIV т., 1 ч., 273 стр.).

Борясь за заключение брестского мира, Ленин предсказывал неизбежность краха германского империализма, и через 8 месяцев его предвидение оправдалось. Тогда же он указывал, что России предстоит пережить ряд войн против буржуазной интервенции: «Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что наша эпоха *),—как была эпоха наполеоновских войн,—будет эпохой освободительных в о й н (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями Советской России» («Странное и чудовищное», XV т., 115 и 120 стр.).

---

*) В „Собр. сочинений": „иная эпоха",—очевидно, опечатка.

Еще в период войны Ленин указывал, что мир, который получит Германия, будет «брестским миром, который вместо мира принесет трудящимся массам больше мучений, чем они вынесли до сих пор». Германский пролетариат до сих пор чувствует ужасы этого «мира».

Конечно, ряд предсказаний и предвидений Ленина не оправдался. Например, его предсказания о новом революционном подъеме в 1906—1907 гг. Но точных дат в таких случаях, конечно, нельзя предвидеть. Важно, что он правильно намечал общую тенденцию общественного развития.

7. Революционность.

Ленинизм—теория борющегося пролетариата—проникнут революционностью. Мы не принадлежим к числу тех, кто пишет революцию с большой буквы, как эсеры,—иронически говорил Ленин. Большевизму такая большая буква не нужна. Его программа, тактика и его практика революционны.

В эпоху, когда виднейшие вожди рабочего класса Запада и Америки на все лады твердили о реформах, которые мирным образом превратят капитализм в социалистический рай, Ленин ни на одну минуту не опускал революционного знамени. Можно сказать, что все его работы проникнуты этим призывом к революционной борьбе, хвалой революции, которая разрушает гнет капитализма и рабов делает борцами за освобождение угнетенного человечества.

Ленин указывал, что только революционным путем можно было сломить самодержавие, только через революцию кончить войну, только революционной победой свергнуть буржуазию.

В полемике с меньшевиками в 1906 г. Ленин писал: «Марксист п е р в ы й провидит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных. Поэтому марксист п е р в ы й вступает на путь прямой революционной борьбы, идет к непосредственной схватке, разоблачая примиренческие иллюзии всяких социальных и политических межеумков. Поэтому марксист п о с л е д н и й покидает путь непосредственно революционной борьбы,—покидает лишь тогда, когда исчерпаны все возможности, когда

нет и т е н и надежды на более короткий путь, когда призыв готовиться к массовым стачкам, к восстанию и т. п. явно теряет почву. Поэтому марксист отвечает презрением тем бесчисленным ренегатам революции, которые кричат ему: мы «прогрессивнее» тебя, мы раньше отказались от революции» («Кризис меньшевизма», VIII т., 41 стр.).

Революция есть война, гражданская война, обычно более разрушительная и ужасная, чем обыкновенная война, потому что она происходит на самой территории данного народа и вовлекает в борьбу все слои населения. Революция, как и война, несет смерть и разрушение, холод и голод. Но эта война—«единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплоататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия» («Революционные дни», VI т., 71 стр.).

Марксист должен не отстраняться от революции, будь она даже буржуазная, а активно, самым энергичным образом участвовать в ней. Пусть грядущее поколение описывает историю революции, мы должны сами ее делать. «Надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне». «Весело жить в такое время, когда политической жизнью начинают жить народные массы».

Революция—великий учитель масс. «За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной сонной жизни». Революция обладает громадной просвещающей силой. Она «силой вытаскивает обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляет становиться г р а ж д а н а м и. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя».

Но, быть-может, еще важнее то, что революция является величайшим организатором массы. После первой революции кадетские публицисты усиленно вопили о «разрушительных силах» революции и доказывали, будто революция разрушает организации и организованность.

«Какая вопиющая неправда!—писал Ленин.—Назовите та-

кой период русской или всемирной истории, найдите такие шесть месяцев или шесть лет, когда бы для свободных самопроизвольных организаций народных масс было сделано столько, сколько в шесть недель русского революционного вихря... Что такое была всеобщая всероссийская стачка? Это не организация, по-вашему? Она не зарегистрирована в полицейских книгах, она не постоянная организация, вы не хотите ее считать? Возьмите политические организации. Знаете ли вы, что рабочий народ, серая масса никогда не шли так охотно в политические организации, не увеличивали так гигантски состав политических союзов, не создавали самобытных полуполитических организаций, в роде совета рабочих депутатов... В России никогда не создавалось такой бездны профессиональных рабочих организаций, как в эти дни... Крестьянский союз рос со сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была действительно народная, массовая организация... Резюмируем: организаторское творчество народа, особенно пролетариата, а затем и крестьянства, проявляется в период революционных вихрей в миллионы раз сильнее, богаче, продуктивнее, чем в периоды так-называемого спокойного (гужевого) исторического прогресса» («Победа кадетов», VII т., 1 ч., 134—136 стр.).

Буржуазия, боящаяся активности и организованности масс, опасающаяся решительной ломки существующего строя даже в период чисто-буржуазных революций, хочет, чтобы необходимые преобразования совершились «медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции». Рабочему классу, напротив, выгоднее, чтобы эти преобразования шли «не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно медленного отмирания гниющих частей народного организма».

Это вовсе не значит, конечно, что мы всегда против реформ. Ничего подобного. Обстоятельства не раз вынуждали и вынудят нас прибегать к реформистскому, постепеновскому, осторожному, обходному методу действий. Когда мы были вынуждены повернуть к-нэп'у, Ленин указывал, что теперь мы идем «реформистским» путем, и было бы величайшей опасностью, если бы мы «преувеличивали революционность». Революционеры чаще всего себе ломали шею,—пи-

сал он,—когда «начинали писать „революцию" с большой буквы, возводить революцию в нечто божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому» («О значении золота», XVIII т., 1 ч., 410 стр.).

Ленин указывал, что нам пришлось уже действовать реформистски, например, заключая брестский мир. Мировая революция применяет не только революционные, но и реформистские приемы. «Реформа—это побочный продукт революции».

Революции всегда разыгрываются в исключительно сложной обстановке. «Если бы не было исключительно сложной обстановки, то не было бы и революции». Развитие революции всегда идет иначе, чем это предполагалось. Революция всегда богаче содержанием, разнообразнее, сложнее, чем это воображают самые сознательные вожди, ибо «революцию осуществляют в момент особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознания, воли, страсти, фантазии десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов».

Учитывая опыт революций, Ленин намечал те условия, которые создают революционные положения и дают шансы для победы революции.

В статье «Крах II Интернационала» (1915 г.) Ленин указывал три главных признака «революционной ситуации»: «1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов", кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов... 2) обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов; 3) значительное повышение в силу указанных причин активности масс».

Но эти объективные условия создают лишь революционное положение, но еще не вызывают революции. Революция возникает только из такой революционной ситуации, «когда к перечисленным выше объективным переменам при-

соединяется субъективная, именно присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство» («Крах II Интернационала», XIII т., 139—140 стр.).

Этих положений Ленин касался несколько раз, подробно их анализируя и разъясняя.

В книжке «Детская болезнь „левизны"» Ленин формулировал «основной закон революции», так: «Для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознавали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда „низы" не хотят старого, и когда „верхи" не могут по-старому,—лишь тогда революция может победить» (XVII т., 172 стр.).

Расшифровывая эту формулу, Ленин указывал, что революция невозможна без общенационального кризиса, который затрогивает все борющиеся классы в стране. Поэтому для революции надо добиться, чтобы большинство рабочих поняло необходимость переворота и готово было итти из-за него на смерть, и, с другой стороны, чтобы правящие классы переживали кризис, который втягивает в политику даже отсталую массу. Исход революции решает непосредственная классовая борьба пролетариата. Чтобы победить, вовсе не нужно «выявить волю большинства». Надо оказаться сильнее в решающий момент в решающем месте. История дает нам бесчисленные примеры того, как «более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывает свою волю большинству, побеждая его».

В решающий момент социалистической революции надо подумать «о размещении миллионных армий, о расстановке всех классовых сил данного общества для последнего и решительного боя». Тут уже надо считать миллионами и десятками миллионов. Решительное сражение будет вполне назревшим, когда: «1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; 2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые промежуточные элементы, т.-е. мелкая буржуазия, мелко-

буржуазная демократия, в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; 3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела» («Детская болезнь», XVII т., 180 стр.).

В следующих главах мы увидим, как умел Ленин подходить к анализу конкретных условий революционных ситуаций и определять пути пролетарской борьбы.

Глава III.

Борьба с оппортунизмом.

1. Народники и эсеры.

Большевизм создался в борьбе против всех уклонов от марксизма. Первый враг, против которого выступил Ленин уже в самые первые годы своей деятельности, были народники («В. В.»—Воронцов, С. Кривенко, Н. Михайловский и др.).

Народники отрицали господство капитализма в России и считали капитализм упадком, регрессом. Они утверждали в связи с этим, что пролетариата в России почти-что нет, и он не может играть видной роли. Они стремились всячески задержать и прекратить ломку феодальных устоев, которую совершал капитализм.

Во-вторых, народники исходили из признания самобытности русского хозяйственного строя и особенно выдвигали вперед крестьянство с его общинной артелью и т. п. Классовое расслоение крестьянства замалчивалось. Общинное землевладение считалось чем-то высшим в сравнении с капитализмом. Мужик в глазах народников был «человеком будущего», который через свою общину совершит сразу социалистический переворот, минуя буржуазные свободы. Поэтому отрицалась и политическая революция. В связи с этим народники всячески идеализировали крестьянина и прикрашивали прелести общины. Для народника «крестьянское движение было настоящим истинно-социалистическим и непосредственно-социалистическим движением». («Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», VI т., 544 стр.).

В-третьих, народники абсолютно не усваивали себе марксистских взглядов на сущность классов и на классовую

борьбу. Так, напр., самодержавие казалось им какой-то силой, стоящей вне классовых интересов, они считали, что его можно в чем-то убедить и как-то повернуть по линии «народной». Интеллигенции точно так же отводилось какое-то исключительное место, и ее интересы не объяснялись никакими материалистическими причинами.

Таковы были основные особенности народничества, против которых Ленину пришлось вести борьбу. Как в самой первой своей работе «Что такое друзья народа» (1894 г.), так и в ряде статей и книг, вышедших в конце прошлого столетия, Ленин на основании громадного и тщательно обработанного статистического материала разобрал и опроверг все эти утверждения и заблуждения. Именно в этих работах Ленин впервые применил учение Маркса о развитии капитализма и классовой борьбе к своеобразной русской обстановке.

Ленин (особенно в книге «Развитие капитализма в России», 1897 г.) показал, что «капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне, и вообще везде на Руси». При этом русское общинное крестьянство вовсе не является противником капитализма, а, напротив, есть «самая глубокая и прочная основа его». Он показал, что число фабрик быстро растет, промышленный и сельскохозяйственный пролетариат увеличивается в числе и представляет уже крупную силу, что происходит заметный рост городов и городского населения.

Характеризуя состояние земледелия, Ленин делал такие выводы: 1) Земледелие принимает все более торговый, предпринимательский характер, при чем это явление типично не только для частновладельческого хозяйства, но и для крестьянства (например, рост у него применения наемного труда). 2) Превращение земледелия в товарное производство происходит особым путем, отличным от такого же процесса в промышленности. 3) Рост торгового земледелия создает внутренний рынок для капитализма. Таким образом, для развития индустрии в России имеется твердая экономическая почва. 4) Капитализм расширяет и обостряет противоречия среди земледельческого населения, обостряет классовую борьбу в деревне.

Ленин указывал на определенную прогрессивность крупного капитализма в русских условиях, прежде всего потому, что он подготовляет почву для решительной борьбы за освобождение эксплоатируемых. Говоря о подчинении капитализмом рабочих и сравнивая его с подчинением трудящихся мелким деревенским эксплоататорам, Ленин отмечал, что подчинение капиталу, несмотря на весь ужас эксплоатации, будет все же прогрессивным, так как оно «б у д и т м ы с л ь р а б о ч е г о, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на в е р н ы й у с п е х» («Др. народа», I т., 155 стр.).

В другом месте прогрессивную историческую роль капитализма Ленин формулирует в двух положениях: «Повышение производительных сил общественного труда и обобществление его». Повышение производительных сил благодаря капитализму выразилось уже в том, что «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка». Обобществление труда капитализмом проявляется в ряде процессов: 1) Рост товарного производства разрушает раздробленность мелких хозяйственных единиц и, стягивая местные рынки в единый национальный рынок, создает производство на все общество. 2) На место прежней раздробленности производства создается невиданная раньше концентрация его. 3) Капитализм вытесняет формы личной зависимости (кабалы), которые существовали в предшествующее время. 4) Капитализм создает подвижность населения, 5) Капитализм уменьшает долю населения, занятого земледелием, и увеличивает число крупных городов. 6) Капитализм толкает население к объединению, организации. Раскалывая население на классы, он дает громадный толчок к объединению внутри классов. 7) Капитализм ведет к «изменению духовного облика населения» («Развитие капитализма в России», III т., 486—489 стр.).

Касаясь учения народников о роли крестьянства и самобытности нашего экономического развития, Ленин доказы-

вал, что и эти положения ровно ни на чем не основаны. «Особенный уклад» русской деревни есть всего-на-всего «обыкновенный мелкобуржуазный уклад». Русское крестьянство в общине вовсе не является однородным, оно резко распалось на три основных группы: пролетариев и полупролетариев, середняков и кулаков. Пролетариат отнюдь не составляет ничтожной величины в России, и его численность уже достигает десяти миллионов человек. Ленин специально доказывал, что вовсе не крестьянство, а именно пролетариат явится вождем революции: «человек будущего в России—рабочий». Ленин объяснял народникам, что путь к социализму неизбежно идет через завоевания буржуазных свобод, и что крестьянство в своей главной части, как класс мелкобуржуазный, отнюдь не является «носителем социализма».

С особой энергией Ленин восставал против сентиментальной идеализации народниками существующих условий российской действительности и их извращения учения о классовой борьбе. Затушевывание классовых противоречий (например, в деревне)—основная беда народников. Между тем, именно «теория классовой борьбы возводит социологию на степень науки». Она сводит индивидуальное к социальному (общественному), вместо отдельных людей с их волей и желаниями она ставит классы с их групповыми интересами. Теория классовой борьбы выработала понятие класса, взявши за исходный пункт способ добывания средств к жизни и учитывая отношения, складывающиеся между людьми под влиянием данных способов добывания средств к жизни. Система этих отношений («производственные отношения») является основой общества. Благодаря теории классовой борьбы, действия отдельных личностей были «обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собой по роли, которую они играют в системе производственных отношений... одним словом, к действиям классов, борьба которых определяет развитие общества» («Экономическое содержание народничества», II т., 73—74 стр.).

Корни общественных явлений надо сводить к интересам определенных классов. «Идеалы» должны выражать не благие пожелания, а те насущные интересы и задачи, какие стоят перед борющимся за освобождение классом. А в на-

родниках «сидел Манилов». Они пренебрегали реальными условиями действительности, соотношением классов, чванились старозаветными остатками «общины» и «артели», пренебрежительно относились к более совершенным организационным формам, которые дает капитализм.

Разоблачая всю неосновательность учения народников, Ленин одновременно дал точную классовую характеристику этого течения русской общественной мысли. «Сущность народничества,—писал он,—представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа». Народничество представляло из себя «мещанский социализм». Народничество отразило тот факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно противоположность интересов труда и капитала. Оно отразило этот факт через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо» (та же статья, II т., 60—61, 68 стр.).

Как мелкий буржуа, народник смотрит одним лицом в прошлое, другим в будущее. Поэтому в народнической программе на-ряду с отрицательными и вредными моментами есть и положительные. Ленин указывал, что было бы неправильно целиком и без разбора отвергать ее. Некоторые мероприятия к подъему крестьянского хозяйства они намечали, например, совершенно правильно. Критикуя мероприятия, предлагавшиеся некоторыми публицистами для поднятия крестьянского хозяйства, Ленин писал: «Народники неизмеримо правильнее понимают и представляют в этом отношении интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше» (та же статья, II т., 156 стр.).

Этими словами Ленин словно предсказывал декрет о земле 1917 г., который был составлен и проведен большевиками, но был взят в формулировке эсеров.

Борьба Ленина и др. марксистов против народничества увенчалась блестящим успехом. Идеи народничества были дискредитированы, марксизм получил твердую базу для своей работы. Но, конечно, мелкобуржуазный социализм и отра-

жение крестьянских интересов и его идеологии не могли исчезнуть. В начале нашего столетия возникла партия социалистов-революционеров, которая во многом повторяла ошибки народников.

Ленин был одним из первых, выступивших с критикой новой партии. Он поместил в «Искре» (в 1902 г.) ряд статей под заглавием «Революционный авантюризм», где резко разоблачал всю путаницу взглядов эсеров и их мелкобуржуазную сущность.

Расхождение между большевиками и эсерами (в период первой революции) можно формулировать в четырех основных пунктах.

Прежде всего, эсеры, отрицавшие марксизм (хотя на словах и клявшиеся им), не понимали необходимости строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношений и вообще обнаруживали полнейшее непонимание учения о классах и классовой борьбе (целиком повторяя ошибку народников). Они, как и народники, главную роль в борьбе за социализм отводили крестьянству и считали его наиболее революционным классом. В основу своей партии они клали троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», забывая о классовом расслоении крестьянства.

Возражая против этой путаницы, Ленин указывал, что «единственным действительно революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях». Интеллигенция, как социальный слой, является буржуазной или мелкобуржуазной, и ставить ее рядом с пролетариатом нелепо. Пролетариат «вырабатывает свою собственную интеллигенцию и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей». Сваливать в одно целое пролетариат, крестьянство и интеллигенцию вообще значит обнаруживать элементарное непонимание классовых отношений.

Во-вторых, эсеры обнаруживали путаницу между пониманием конечной цели (социализма) и уяснением пути, который ведет к этой цели, у них не было ясного разграничения программы-максимум и программы-минимум. «Максиум—это социалистическое преобразование общества, невозможное без уничтожения товарного производства. Минимум—

это преобразования, возможные еще в рамках товарного производства. Смешение того и другого неизбежно приводит ко всякого рода мелкобуржуазным и оппортунистическим или анархическим извращениям пролетарского социализма, неизбежно затемняет задачу социальной революции, осуществляемой посредством завоевания политической власти пролетариатом» («Эсеровские меньшевики», VII т., 2 ч., 65 стр.).

Между тем, эсеры (опять-таки повторяя ошибки народников) путали в своей программе требования, осуществимые при капитализме, с чисто-социалистическими и любили говорить о грядущей революции, как о социалистической, а не буржуазной.

В-третьих, эсеры проявили крайний оппортунизм в ряде вопросов, например, в аграрном или в вопросе о диктатуре пролетариата. Всякая критика марксизма охотно встречала их поддержку и сочувствие. Их лидеры (например, Чернов) в своих работах преимущественно занимались «исправлением» Маркса. В эсерстве мы встречаем отклики учения о самобытном развитии России, о положительной роли общины в борьбе за социализм и пр.

В-четвертых, эсеры признавали и широко применяли индивидуальный террор, как основной метод революционной борьбы. «Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу»,—писали эсеры. Большевики решительно восставали против индивидуального террора, как средства индивидуалистического, не вовлекающего массу в борьбу, ослабляющую классовую борьбу пролетариата. «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие» («Революционный авантюризм», IV т., 125 стр., см. также «Детская болезнь», XVII т., 126 стр.).

По этим основным линиям шла главная борьба между большевиками и эсерами. Большевики еще перед первой революцией предсказывали распадение партии с.-р. и предвидели ее контр-революционный характер в будущих этапах борьбы. В первой революции эсеры разделились на три ча-

сти: на максималистов (сюда же можно причислить и других анархистов, бывших ранее в партии с.-р.), центр (эсеры старого типа) и на правое крыло («народные социалисты» и пр.). После революции 1917 года и особенно после Октября эсеры стали одной из главных партий контр-революции, тесно сблизившейся с царскими генералами и агентами Антанты. Они перестали уже быть представителями крестьянской бедноты, а целиком стали отражать интересы зажиточного крестьянства, кулачества.

Так идеологическая борьба против народничества и эсерства превратилась в эпоху революции в вооруженную гражданскую войну между пролетариатом, поддержанным беднотой деревни и кулачеством. Ожесточенные и резкие нападки Ленина на эсеров при самом зарождении этой партии были действительно направлены против будущего яростного врага социализма.

2. Легальный марксизм.

Вместе с выдержанными марксистами—социал-демократами—в борьбе против народничества принял участие и ряд литераторов, защищавших в легальной русской прессе идеи марксизма (Струве, Булгаков, Туган-Барановский и др.). Середина девяностых годов XIX ст. была ознаменована определенным поворотом передового общественного мнения к марксизму. Ленин в «Что делать?» так охарактеризовал это время: «В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста,—внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком... В это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг» («Что делать?», V т., 128 стр.).

Группа «легальных марксистов» была в сущности вовсе не социал-демократической. Это были (как Ленин говорит в той же работе) всего-на-всего «буржуазные демократы».

Временный союз с ними, своего рода политическое соглашение, был выгоден и полезен для борьбы против народничества и для распространения вширь идей марксизма. Этот союз в этом смысле целиком оправдался. Но он совсем не связывал критики, направленной против этого течения. Легальный марксизм носил на себе яркую печать оппортунизма, бернштейнианства. А бернштейнианство «опошляло марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и „реалистической" борьбе за мелкие, постепенные реформы» (там же, 129 стр.).

Сейчас же после появления книги Струве против народничества (1894 г.) Ленин сперва в реферате, а затем и в статье резко напал на уклонение Струве от марксизма. Подзаголовок статьи Ленина гласил: «Отражение марксизма в буржуазной литературе», чем сразу определялось отношение к позиции Струве.

Струве призывал «итти на выучку к капитализму», в то время как Ленин звал к коммунистической революции (в «Друзьях народа»). Струве проявил «узкий объективизм», ограничиваясь доказательствами неизбежности для России капиталистического развития, но, не касаясь классовых антагонизмов, порождаемых капитализмом, и не делая никаких практических выводов о борьбе за социализм. В ряде вопросов (о государстве, перенаселении, внутреннем рынке и др.) Струве прямо отступал от марксизма.

Эта критика Ленина еще раз оправдала слова, что даже из небольших теоретических разногласий могут вырасти крупные расхождения и расколы. Струве, в 1898 г. писавший для нашей партии «Манифест», провозгласивший ее образование (после 1-го съезда), через три-четыре года становится вождем либералов, выступает на правом фланге буржуазии в эпоху первой революции и превращается в полного реакционера к эпохе великой русской революции. По таким же стопам пошли и другие «легальные марксисты»—Булгаков, принявший поповский сан и ударившийся в религиозное изуверство, и др.

Наступивший к концу XIX в. разрыв социал-демократов с «легальными марксистами» был своего рода самоочище-

нием молодой партии от временных попутчиков. «Легальные марксисты» своей проповедью критики Маркса мало-помалу оказались пособниками тех, против кого они боролись. Их критика марксизма явилась подмогой наследникам народничества—эсерам и тому течению, которое известно под именем «экономизма».

Покончив главные бои с народничеством и легальным марксизмом, Ленин должен был поднять оружие против нового врага, уже стоявшего у ворот—«экономизма».

3. „Экономизм".

Группа «Освобождение Труда» (1883 г.), руководившаяся Плехановым, с самого начала отчетливо поставила основную задачу для русских социал-демократов—организацию рабочего класса для борьбы за социализм, и решительно намечала, в качестве ближайшей цели, свержение самодержавия. Таким образом, политическая проблема была ясно формулирована.

Ленин продолжал развивать эти основные положения. В «Друзьях народа» Ленин писал: «Русским коммунистам, последователям марксизма, более, чем каким-либо другим, следует именовать себя социал-демократами и никогда не забывать в своей деятельности о громадной важности демократизма (к этому слову Ленин в примечании добавляет: «это очень важный пункт»). В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Зап. Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократизма» («Друзья народа», I т., 201 стр.).

Поэтому Ленин указывал, что борьба против абсолютизма — «прямая обязанность рабочего класса». Свержение самодержавия важно, как средство для расчистки дороги, ведущей к победе над капиталом.

В проекте программы партии, написанной Лениным в тюрьме в 1896 г., говорилось: «Борьба русского рабочего

класса за свое освобождение есть борьба политическая, и первой задачей ее является достижение политической свободы» (I т., 284 стр.).

В брошюре «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.) эта политическая задача подробно формулировалась. Конечно, на-ряду с политической борьбой должна итти и экономическая борьба в смысле борьбы за улучшение положения рабочего, увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и пр. Литературные работы Ленина этого периода не один раз касаются этих вопросов. Ряд его брошюр специально разъяснял рабочему именно условия экономической борьбы («О штрафах», «Новый фабричный закон» и др.). В своей практической работе Ленин и его кружок явился руководителем крупных стачек Петербурга.

Таким образом, уже в самом начале своей политической работы Ленин указал на необходимость сочетать политическую и экономическую работу социал-демократии. Он указывал, что экономическая и политическая борьба рабочего класса тесно, неразрывно связаны друг с другом, являясь как бы двумя сторонами одного и того же процесса. В это время, однако, в правом крыле социал-демократии стало складываться течение, в сущности целиком отрицавшее необходимость политической борьбы и сводившее всю работу с.-д. к борьбе экономической. Это течение получило название «экономистов». Наиболее ярко оно было выражено в документе, написанном Кусковой и названном «Credo» («Кредо»— символ веры).

«Кредо» утверждало, будто на Западе рабочий класс «не завоевал демократических учреждений, он ими пользовался», что зато рабочий класс «с средних веков привык участвовать в организациях, в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и пр.», что политический гнет никогда не заставит рабочего практически действовать, и что единственная форма борьбы, которая возможна и желательна в России,— это борьба экономическая, которая и создаст организованность рабочего класса. Поэтому на этой чисто-экономической борьбе «Кредо» и предлагало сосредоточить все внимание.

Кроме того, «Кредо» решительно высказывалось за бернштейнианство, за исправление марксизма. По мнению автора, «марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, скоро усту-

пит место «марксизму демократическому», и партия «признает общество» (буржуазное, разумеется). С.-д. партия свои «сектантские задачи расширит до общественных», а вместо стремления к захвату власти будет стремиться «к изменению, реформированию современного общества в демократическом направлении, приспособлении к современному положению вещей».

Обращаясь к специально русским условиям, «Кредо» восставало против создания самостоятельной рабочей политической партии, пренебрежительно отмахивалось от нелегальных организаций и предлагало русским марксистам, в качестве единственного исхода, «помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности».

Таким образом, рабочим предоставлялась чисто-экономическая борьба. Политическая борьба признавалась делом либеральной буржуазии и марксистской интеллигенции. Это положение было особенно подробно выражено в ряде других работ «экономистов». Здесь был подход, резко противоположный позиции Плеханова и Ленина.

Как только «Кредо» дошло до Ленина в ссылку, он написал решительную и резкую отповедь, с которой началась его полемика с «экономистами», продолжавшаяся несколько лет.

Ленин сразу охарактеризовал «Кредо», как попытку перенести на русскую почву европейский оппортунизм («бернштейнианство»), и дальше на каких-нибудь шести страничках Ленин сформулировал все основное содержание программы русских с.-д. Основная цель—«образование самостоятельной политической рабочей партии, не отделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы». Политическая и экономическая борьба пролетариата связаны в одно неразрывное целое. Единая классовая борьба соединяет и то, и другое. Профессиональные рабочие союзы — необходимое орудие борьбы пролетариата, но также необходима и политическая организация его—партия. Главная цель рабочей партии—захват власти для организации социалистического общества. Борьба за политические свободы является исторической ролью пролетариата, и отказываться от политической

борьбы, предоставляя ее буржуазии,—значит для с.-д. совершать самоубийство. Социал-демократы готовы поддерживать прогрессивные партии и классы против реакционных, защищать угнетенные расы и народности, но отнюдь не передавать буржуазии руководство политической борьбой. Нелегальные организации с высокой конспиративной техникой являются необходимыми при теперешних условиях борьбы (см. I т., 365—374 стр. Здесь напечатано полностью и «Кредо»).

Начавшаяся полемика с «экономистами» продолжалась Лениным в «Искре» (с 1900 г.) и затем особенно в брошюре «Что делать?» К этому времени экономизм имел в своих рядах несколько крупных публицистов (Мартынов, Кричевский) и руководил рядом органов печати.

Уже в № 1 «Искры» (декабрь 1900 г.) Ленин говорил о ниспровержении самодержавия, как ближайшей политической задаче русской рабочей партии, и возражал против выдвигания на первый план экономической борьбы, как основной и решающей. «Социал-демократия,—писал он,—есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача—не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий («Насущные задачи нашего движения», IV т., 12—13 стр.).

В статье «Беседа с защитниками экономизма» (1901 г.) и особенно в «Что делать?» Ленин подробно коснулся всех разногласий с «экономистами». Он указал, что они являются выразителями русского оппортунизма в рабочем движении и ответвлением международного оппортунизма.

Сущность международного оппортунизма (бернштейнианства) характеризовалось в то время стремлением превратить социал-демократию из партии социалистической революции в партию социальных реформ, не меняющих существа капитализма. Оппортунизм отрицал рост противоречий

капиталистического строя, отрицал факт растущей нищеты и противоположность между либерализмом и социализмом. Безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата и теория классовой борьбы. Экономизм смыкался в своих теоретических взглядах с «легальным марксизмом». Понятно, что эти уклоны, выявлявшиеся в экономизме в специфическом виде, вызвали суровую отповедь со стороны Ленина.

Экономизм, по словам Ленина, характеризуется «в принципиальном отношении опошлением марксизма... в политическом отношении—стремлением сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в с в о и руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавия; в тактическом—полной неустойчивостью...; в организационном отношении—непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров» («Беседа с защитниками экономизма», IV т., 77 стр.).

Ленин особенно указывал, что экономисты захвачены «стихийностью» и не отдают себе отчета о взаимоотношениях между материальными (стихийными) элементами движения и идеологическими, сознательными. Экономисты ставили «Искре» в упрек, что она слишком много места уделяет идеологии, теории, что она проникнута сектантской нетерпимостью. Ленин отвечал: «Беда нашего рабочего движения именно в том и состоит, что оно слишком стихийно и не имеет достаточно сознательности и нужных ему идеологов. Надо поднимать стихийность до сознательности». Для этого нужны идеология (теория) и идеологи. Настоящий идеолог «идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые „материальные элементы" движения стихийно наталкиваются».

Касаясь затем вопроса о социалистическом сознании у пролетариата, Ленин утверждал, что социал-демократическое сознание привносится рабочему «извне», «исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т.-е. убеждение

в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией» («Что делать?», V т., 141 стр.).

Стихийное движение рабочего класса, предоставленное самому себе, попадет в плен буржуазной идеологии, как более сильной, чем социалистическая, более разнообразной, обладающей лучшими средствами распространения. Сама экономическая борьба не дает еще рабочему классу своего политического сознания, так как это сознание он может почерпнуть не из области своих отношений с хозяином, а из области отношения всех классов и слоев к государству и правительству, из области взаимоотношений всех классов вообще.

Конечно, классовый интерес делает рабочих восприимчивыми к социализму, но он вносится в классовую борьбу пролетариата идеологами, ибо социализм, как и всякая научная идеология, требует научной работы, изучения всего материала человеческих знаний, высокого развития науки.

Эти положения Ленина, конечно, несколько перегибали палку, и в дальнейшем он сам писал (в 1905 г.), что «рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен» (VII т., I ч., 9 стр.). Но для борьбы против преклонения «экономистов» перед стихийностью необходимо было поставить вопрос с большой резкостью. Ленин правильно отметил, что «экономизм», восхваляя стихийность, в сущности, лишь содействует усилению буржуазной идеологии в рабочих рядах.

«Экономисты» полагали, что рабочие будут бороться лишь за требования, «сулящие осязательные результаты», т.-е. за лозунги о заработной плате, о сокращении рабочего дня, и восставали против всяких политических лозунгов для рабочих выступлений.

Ленин, напротив, высказывался и за энергичную политическую агитацию; только таким путем можно развить классовое сознание пролетариата. В «Что делать?» он дал яркую формулировку того, как нужно вырабатывать классовое сознание рабочего. Эта формулировка приложима к нашей ра-

боте и теперь. «Сознание рабочего класса,—писал он,—не может быть истинно-политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на все и всяческие случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, к каким бы классам ни относились эти случаи; и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения» (V т., 174 стр.).

Кроме вопроса о стихийности и сознательности, большие разногласия были по вопросу организационному, так как экономисты возражали против централизованной политической партии и организации профессиональных революционеров (об организационных взглядах большевизма будет сказано дальше).

К моменту II съезда партии (1903 г.) экономизм был почти-что разбит, как идеологическое течение. Но подобно тому, как экономизм продолжал дело «критики Маркса», начатой легальным марксизмом, так и дело «экономистов», в несколько иной форме, продолжали меньшевики, истинные наследники «экономизма».

4. Меньшевизм.

Борьба против народников, «легальных марксистов» и «экономистов» была для большевизма своего рода авангардными боями перед предстоявшим генеральным сражением против меньшевизма. Борьба с меньшевизмом продолжалась вплоть до наших дней, и именно в ней особенно остро отточилось ленинское оружие. Эта борьба происходила уже в период существования с.-д. партии, в момент революционных бурь, и поэтому имела особенно решающее значение для судеб русского рабочего движения.

Большевизм, как определенная фракция, зародился на II съезде партии (1903 г.), когда сторонники Ленина оказались в большинстве, а группа Мартова в меньшинстве. (Отсюда, как известно, и пошли сами названия фракций).

Основные разногласия между меньшевиками и большевиками, выявившиеся во время второго съезда, касались организационных вопросов. Особенно горячие споры возникли из-за § 1 устава. Ленин предлагал такую формулировку: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Таким образом, требовалось состоять членом одной из организаций партии. Меньшевистская формулировка (Мартова) этого параграфа считала членом партии: «всякого, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов партии». Поэтому вхождения в организацию партии совсем не требовалось. Понятие членства партии становилось расплывчатым. Всякий сочувствующий с.-д. мог называть себя членом партии.

В прениях на съезде Ленин указывал, что мартовская формулировка отличается «эластичностью», которая «раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма». Формулировка Мартова «неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии». Она включает в партию разных праздноболтающих, всяких «профессоров» и «гимназистов». Но «лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии». «Наша задача—оберегать твердость, выдерживать чистоту нашей партии. Мы должны поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше».

Ленин указывал далее, что его формулировка «дает стимул организоваться», а мартовская, напротив, разжижает организацию, делает ее расхлябанной, лишает партию возможности строгого контроля над членами.

Ленин стремился к прочной, крепкой пролетарской организации. Он хотел, чтобы «партия, как передовой отряд класса, представляла собой нечто возможно более о р г а н и-

зованное, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые допускают хоть минимум организованности».

Мартовская формулировка давала простор лишь «интеллигентам, пропитанным буржуазным индивидуализмом»,—ленинская носила печать истинно-пролетарской организации и дисциплины. Мартов давал возможность всякому стачечнику право назвать себя членом партии и тем «принижал социал-демократизм до стачкизма».

Эти разногласия о «первом параграфе» устава и в тот момент, и позднее многим казались совершенно несущественными и не заслуживающими того, чтобы из-за них раскалываться. История показала, что именно в этом первом расхождении по неважному, как казалось, вопросу скрывались действительно глубокие разногласия, совершенно разные подходы к пониманию сущности партии пролетариата. Большевизм стремился создать крепко сплоченную, твердую, как сталь, пролетарскую боевую организацию для захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Меньшевики стремились к какой-то парламентской партии, с большой долей интеллигенции, к партии конституционной, готовой итти на помочах у буржуазии и совсем неспособной к борьбе за власть и проведению суровой диктатуры.

Эти разные подходы (ясно тогда не сознаваемые даже самими сторонниками обеих позиций) сказались и в другом организационном вопросе. Ленин настаивал на решительном централизме, т.-е. на образовании твердого руководящего центра в виде Центрального Комитета (ЦК) и редакции центрального органа (ЦО), при чем подчеркивалась «особая роль идейно руководящего органа». По его мысли партия должна была строиться «сверху вниз, исходя из партийного съезда и из созданных им учреждений». Отсюда решительное отметание всяких идей об автономизме или федерализме при построении партии. Руководящие центры должны были обладать всей полнотой власти, строго контролировать все организации, держать партию в «ежовых руках» железной дисциплины.

Когда Ленину бросали упреки о попытке создать осадное положение в партии, он отвечал: «По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы

обязаны создавать „осадное положение", и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть. не́ что иное, ка „осадное положение" для столь многочисленных источников политической расплывчатости». (Речь на II съезде о выборах редакции, IV т., 303 стр.).

Меньшевики, на словах высказываясь за централизм, фактически все время тянули к «демократизму», стремясь создать организацию партии снизу вверх, защищали автономизм местных организаций, расширяли рамки партии включением в нее чуть ли не всех желающих, ежились при словах о железной дисциплине. Ленин не без яда указывал при этом, что это—типичная особенность оппортунизма: «Не в одной только Германии, а и во Франции и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к дезорганизации, к извращению демократического принципа в анархизм» («Шаг вперед», V т., 469 стр.).

На ворчание меньшевиков о том, что формальный устав партии и требование дисциплины являются простым бюрократизмом, Ленин иронически отвечал: «Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным для свободного „процесса" идейной борьбы». А между тем, связь партийная должна базироваться именно на формальном уставе и строгой формальной подотчетности и дисциплине.

Но, кроме организационных разногласий, на II съезде наметилось и несколько тактических, при чем по некоторым из них в то время у меньшевиков еще не было единства. Во время дебатов на съезде Плеханов (будущий яростный противник большевиков) указывал, что демократические принципы (в роде всеобщего избирательного права) не имеют для социал-демократа абсолютной (безусловной) ценности. «Гипотетически мыслим случай,—сказал он,—когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежащих к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как выс-

шие классы ограничивали когда-то его политические права». Эти слова, глубоко марксистские, вызвали и аплодисменты, и шиканье. Часть будущих меньшевиков была возмущена этим заявлением. А через несколько месяцев Мартов старался «разъяснить» Плеханова указанием, что, конечно, «нельзя представить себе такого трагического положения дел, при котором пролетариату, для укрепления своей победы, приходилось бы попирать такие политические права, как свобода печати». Будущий меньшевизм, с его борьбой против Советской власти и воплями о подавлении большевиками буржуазных свобод, целиком сказался в этих словах.

Еще более знаменательны были две резолюции по вопросу об отношении к буржуазии. Одна из них—Старовера—была типично-меньшевистская. Не давая никакого классового анализа русского либерализма, она указывала, что с.-д. партия не откажется вступить с либеральными течениями в соглашение при условии, если: «1) эти течения ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся на сторону российской соц.-демократий, 2) если они не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще и затемняющих их сознание, 3) если своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право» *).

Таким образом, резолюция Старовера не разъясняла основных задач пролетариата по отношению к буржуазным партиям, наивно полагаясь на какие-то заявления либералов, хотя опыт истории достаточно показал, что слова и обещания либералов всегда только обман. Относительно второго условия Ленин правильно писал, что «не бывало и не может быть таких либерально-демократических течений, которые бы не выставляли в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса».

Всякое либеральное течение содержит антиреволюционные и противопролетарские черты, и соц.-демократия должна разоблачать эти черты и бороться против них. С другой стороны, временные и частные соглашения с либералами

*) В приложениях к IV т. собрания сочинений, где напечатаны резолюции II съезда, почему-то пропущена эта важная резолюция.

неизбежны, но условия их нельзя предвидеть, поскольку сами либеральные партии еще не сложились, и обстановка соглашений неизвестна.

Резолюция Плеханова (поддержанная Лениным), приветствуя пробуждение политического сознания русской буржуазии, указывала, что социал-демократия будет поддерживать ее, «поскольку она является революционной или только оппозиционной», но что «социал-демократия обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии». В частности рекомендовалось «обращать в своей пропаганде внимание рабочих на антиреволюционный и противопролетарский характер» органа Струве «Освобождение», единственного в те годы нелегального журнала русских либералов.

Таким образом, плехановская резолюция предостерегала пролетариат против буржуазии и говорила больше о борьбе против буржуазии, чем о соглашениях с ней, как это делала староверовская резолюция. Плеханов говорил: «поддерживаем буржуазию, поскольку она революционна», и сейчас же указывал на ее слабую революционность и даже на ее реакционность.

В этих двух резолюциях были выражены две позиции по отношению к буржуазии, которые стали еще более резкими в формулировке революционных лет.

Сторонники Мартова, оставшись в меньшинстве на последних заседаниях съезда, повели крайне дезорганизаторскую политику. Они принялись нападать на съезд и его решения, отказались от работы в центральных учреждениях, организовали форменный саботаж решений съезда. При этом они продолжали по-интеллигентски хныкать, жаловаться и инсинуировать и перенесли принципиальные разногласия в плоскость каких-то личных обид и обывательских склок. В дальнейшем Плеханов перешел на сторону меньшевиков, и Ленин вышел из редакции ЦО—«Искры».

Раскол между двумя крыльями русской социал-демократии окончательно определился. Тогда же Ленин охарактеризовал «меньшинство», как «правое крыло», «оппортунистов». Он указывал, что оно составилось из наименее теоретически устойчивых и принципиально выдержанных членов. При

этом он пояснял, что характерная черта всякого оппортунизма—неопределенность, расплывчатость, неуловимость. «Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь „быть согласным" и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и пр., и пр.» («Шаг вперед», V т., 473 стр.).

Наличие оппортунистического уклона Ленин объяснял обилием представителей радикальной интеллигенции в рядах русской социал-демократии. А когда ему бросали упрек в якобинстве, он отвечал: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы,—это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований,—это и есть оппортунист» (та же брошюра, V т., 455 стр.).

Ленин чувствовал, что пролетариат будет стоять на его непримиримой позиции, и это делало его уверенным и сильным.

Ожесточенная борьба между «большевиками» и «меньшевиками» создала фактическое положение раскола партии на две части. Большинство старых вождей (Плеханов, Аксельрод и др.) были в рядах меньшевиков. Ленин был почти одинок с группой молодых товарищей. В это тяжелое время он продолжал борьбу за партию против оппортунизма. В своих письмах к партийным товарищам он указывает на необходимость для всех членов партии тщательно разобраться во всех разногласиях и определить свою позицию. «Дальнейшая уклончивость, хитрость и умолчание были бы не только бесцельны и презренны, но и прямо преступны».

Ленин писал, что большевики борются за партийность против кружковщины, за интересы русского рабочего движения против заграничных дрязг, борются «во имя революционно-пролетарских тенденций нашего движения против интеллигентски-оппортунистических», за выдержанное направление революционной социал-демократии против шатаний и зигзагов, за сплоченную партийную организацию про-

тив интеллигентской распущенности, дезорганизации и анархии (см., напр., «Чего мы добиваемся», V т., 494 стр.).

Начавшиеся революционные события 1905 г. полностью выявили глубокое расхождение между большевиками и меньшевиками почти-что по всем тактическим и организационным вопросам. Основное положение, вызвавшее главные разногласия, касалось оценки начавшейся революции и роли в ней различных классов. Здесь лежал коренной источник расхождений.

Начавшаяся революция есть революция буржуазная, т.-е. она не выходит из рамок буржуазного общества, она расчистит поле для капитализма, но не уничтожит его. Частная собственность на средства производства и товарное хозяйство останутся. На этот счет разногласий не было. Ни большевики, ни меньшевики не думали, что в 1905—1906 гг. произойдет социалистический переворот. Речь шла о завоевании буржуазной демократической республики.

Ленин писал, что временное революционное правительство, образованное после свержения самодержавия, не может иметь своей задачей социалистический переворот и осуществление программы-максимум, так как ни объективные условия (степень экономического развития), ни субъективные (степень сознательности и организованности широких масс) не делают это возможным: «без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи» («Две тактики», VI т., 313 стр.).

Разногласия между фракциями начались, когда приходилось определять роль пролетариата и других классов в революции. Меньшевики утверждали, что в буржуазной революции главным двигателем и руководителем должна быть буржуазия. Именно она определяет и весь размах движения, и его направление. Пролетариат же руководить буржуазной революцией не может. Он не должен стремиться к захвату власти, его роль—быть лишь крайней оппозицией: подталкивать либералов, подсоблять им и т. д. Меньшевики решительно отвергали мысль о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства.

Большевики утверждали, что из положения о буржуаз-

ности революции никак нельзя делать выводов, будто буржуазия будет играть в ней руководящую роль. Ведь, наша революция резко отличается от других буржуазных революций. Наш пролетариат (в отличие от французского в 1789 г. или немецкого в 1848 г.) уже начал сознавать себя классом и объединяться в самостоятельную политическую организацию. Поэтому всякое завоевание демократии пролетариат неизбежно направляет п р о т и в буржуазии в своих классовых интересах. Буржуазия, с своей стороны, стремится оборвать революцию, не дать ей дойти до конца, превратить в реформаторство. Классовый антагонизм заставляет буржуазию итти на соглашение со старой властью (царем), чтобы направить оружие против пролетариата. Поэтому «буржуазия стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазия неизбежно повернет в своей массе на сторону контр-революции, на сторону самодержавия против революции, против народа».

Только пролетариат способен итти до конца, поэтому именно он должен руководить революцией и вместе с крестьянством довести ее до конца.

Меньшевики считали, что буржуазная революция может дать лишь то, что выгодно буржуазии. Ленин возражал, что она даст очень много и пролетариату. В России «рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс, безусловно, заинтересован поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма». Поэтому буржуазная революция, расчищающая почву капитализму, уже тем самым выгодна пролетариату («Две тактики», VI т., 329 стр.).

Буржуазная революция дает пролетариату политическую свободу, и пролетариат схватывает чутьем, как важна для него буржуазная политическая свобода, хотя она и укрепляет буржуазию. «Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли,—этот распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья,—буржуазен. Но мы, марксисты, должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса» («Две тактики», VI т., 380 стр.).

Ленин указывал также, что острота аграрного вопроса—борьба крестьян за землю—толкает крестьян против помещиков и дает им крупное значение в революции. Меньшевики недооценили роль крестьянства (об этом см. главу VI).

Вывод большевизма был тот, что вождем революции должен быть пролетариат, поддержанный крестьянством, а не буржуазия. Пролетариат один сможет довести до конца буржуазную революцию и выполнить все демократические преобразования. Буржуазия же будет предателем революции, она при первых же успехах революционного народа перекинется на сторону царизма.

Лозунг большевиков гласил: «Во главе всего народа и в особенности крестьянства—за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику. Во главе всех трудящихся и эксплоатируемых—за социализм».

Это основное разногласие между большевиками и меньшевиками резко сказалось уже в самом начале революции, когда меньшевики выступили со своим «планом земской кампании» (осень 1904 г.). В это время земские либералы устраивали всевозможные банкеты, где выступали с политическими речами. Это была первая, робкая попытка буржуазного общества выразить вслух свои мнения на политические темы. «Искра», бывшая тогда в руках меньшевиков, предложила по этому поводу такой план. Пусть рабочие заставят либеральных буржуа предъявить правительству требования пролетариата. Рабочим предлагалось «придать либеральной буржуазии побольше храбрости и побудить ее присоединиться к требованиям с.-д.». При этом особенно рекомендовалось «не запугивать» буржуа, чтобы они не впадали в «панику». Таким образом, либералам предоставлялось выступить от имени народа с общенародными требованиями.

Большевики решительно обрушились против этого плана. Либеральная буржуазия не имеет права выступать от имени всего народа потому уже, что либерализм не идет до конца в демократических требованиях. Только пролетариат, и никто другой, может быть таким представителем общенациональных интересов. Вручать эту задачу буржуазии—значит затемнять классовое самосознание рабочих. Совершенно нелепа мысль поручать либералам выставлять наши с.-д. требования перед правительством. Либерал по своему классовому

положению враждебен этим требованиям и по природе своей неспособен их выполнить. Он не будет искренне и до конца их защищать. Если он даже к ним присоединится, он завтра же им изменит. И нечего заботиться о том, чтобы «не запугать буржуа». Либералы всегда будут бояться лозунга «демократическая республика» и призыва к всенародному вооруженному восстанию. Если мы станем соображаться с паникой трусливой буржуазии, мы будем просто глупцами. Наконец, нелепа сама постановка всего вопроса. Меньшевики предлагают «воздействовать» не на самодержавное правительство, нашего главного врага, а на нашего союзника, который «заведомо является союзником условным, проблематичным, ненадежным и половинчатым». Конечно, неразумно игнорировать буржуазную оппозицию, хотя она и колеблется между двумя борющимися сторонами, и нелепо было бы ставить себе целью ее устранение, но центральной задачей должно быть не воздействие на этого союзника, а решительная борьба с основным врагом, организация «внушительного воздействия» на самодержавие, а не на либералов («Земская кампания», VI т., 7 стр. и дальше).

В течение первой революции расхождения между большевиками и меньшевиками касались всех почти вопросов. Осенью 1905 г. царское правительство пообещало совещательный парламент—«булыгинскую думу». Большевики высказались за бойкот выборов, часть меньшевиков—за участие. Создается гос. дума (1906 г.),—то же расхождение. В первой думе большинство кадетов. Идет речь о создании ответственного буржуазного (кадетского) министерства. Меньшевики, защитники буржуазии,—за поддержку этого лозунга. Большевики—против. Они предлагают создание «исполнительного комитета левых», т.-е. с.-д. и трудовиков.

Когда 1-я дума была разогнана (июль 1906 г.), меньшевики выдвинули лозунг: «За думу, как орган власти, созывающий Учредительное Собрание», большевики—против этой либеральной вариации революционного лозунга о временном правительстве.

Начинаются выборы во 2-ю думу (начало 1907 г.),—меньшевики за блок с кадетами. Большевики—за самостоятельную кампанию с допущением блоков с левыми партиями.

Так все время и всюду меньшевики отводили пролета-

риату вторую скрипку, выдвигая вперед буржуазию. Большевики стояли за самостоятельность пролетариата, защищали союз с крестьянством, разоблачали половинчатость буржуазии, выдвигали лозунг вооруженного восстания и временного революционного правительства.

В эпоху первой революции меньшевизм, таким образом, проводил либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Его суть была в фактическом приспособлении борьбы рабочего класса к либерализму. Меньшевики являлись выразителями национально-либеральной рабочей политики. Неудивительно, что русские либералы всегда энергично поддерживали меньшевизм и так резко нападали на их противников—большевиков.

Касаясь в предисловии к сборнику своих статей «За 12 лет» периода борьбы против оппортунизма в русском марксизме, Ленин сделал такую общую оценку его: «„Легальный марксизм", „экономизм" и „меньшевизм" представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. „Легальный марксизм" г. Струве (1894 г.) и ему подобных был о т р а ж е н и е м м а р к с и з м а в б у р ж у а з н о й л и т е р а т у р е. „Экономизм", как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих годах, фактически осуществил программу б у р ж у а з н о - л и б е р а л ь н о г о „Кредо": рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба. Меньшевизм — не только литературное течение, не только направление с.-д. работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1906 гг.) особую политику, н а д е л е п о д ч и н я в ш у ю п р о л е т а р и а т буржуазному либерализму» (VIII т., 486 стр.).

В следующих главах мы более подробно коснемся ряда тактических и организационных позиций большевизма и резкого расхождения их с тем, что защищали меньшевики.

Глава IV.

Большевизм в первой революции.

1. Гегемония пролетариата.

Прежде чем переходить к характеристике организационных и тактических взглядов большевизма и важнейшего вопроса об отношении к крестьянству, мы должны более подробно выявить некоторые центральные большевистские идеи, как они сложились в период перед и во время революции 1905—6 гг.

Мы уже видели что одним из главнейших пунктов расхождения большевиков с оппортунистическими течениями (народниками, меньшевиками) был вопрос о роли пролетариата в русском революционном движении и об отношении к буржуазии и другим классам населения, также желавшим изменения самодержавного режима.

Еще группа «Освобождение Труда», руководимая Плехановым, выдвинула положение, что русское революционное движение победит, как рабочее движение, или не победит вовсе. Эта же группа первых русских марксистов не один раз повторяла, что пролетариат является гегемоном (вождем) в борьбе за демократические свободы и за социализм, так как именно он более всего заинтересован в свержении капиталистического строя и пойдет в своей борьбе до конца.

Ленин продолжал в своих работах развивать эти положения. В «Друзьях народа» мы находим заявление: «человек будущего в России—рабочий», а не крестьянин, как думают народники. «Русский рабочий—единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплоатируемого населения России» («Друзья народа», I т., 209 стр.).

Дальше говорится об «исторической роли русского рабочего» и предсказывается время, когда русский рабочий, «поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Таким образом, пролетариату отводилась роль вождя и руководителя не только в борьбе за социализм, но и в буржуазной революции—в свержении самодержавия.

В этой же брошюре (1894 г.) давались указания об отношении пролетариата к другим группам населения. Ленин писал, что «борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений—прямая обязанность рабочего класса». Он считал возможным приветствовать образование такой демократической партии, объединяющей революционные не-социал-демократические группы, как «полезный шаг вперед». Он оговаривался, что социал-демократы, конечно, не объединились бы с такой партией, но оказали бы «самую энергичную поддержку всякой борьбе демократов против реакционных учреждений» (там же, 203 стр.).

Под демократами здесь Ленин разумел именно те мелкобуржуазные слои интеллигенции и крестьянства, о двойственности которых он говорил несколько выше.

В «Задачах русских с.-д.» (1897 г.) Ленин подробно разбирал, почему именно в борьбе против самодержавия пролетариат будет передовым борцом: «Только рабочий класс является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, только между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядок назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму не безусловна, демократизм их всегда оглядывается назад». Пролетариат больше всех чувствует гнет абсолютизма, и только он может довести до конца демократизацию политического и общественного строя (I т., 350 стр.).

Поэтому Ленин решительно настаивал на полной самостоятельности рабочей партии и был против каких бы то ни было слияний и союзов с другими группами, ибо тесное

слияние отдавало бы пролетариат под руководство мелкой или крупной буржуазии.

В борьбе против «Кредо» «экономистов» Ленин (как мы видели) с большой энергией настаивал на той же самостоятельности рабочей партии в деле руководства как политической, так и экономической борьбой рабочего класса.

В брошюре «Что делать?» (1902 г.) и других работах этой эпохи Ленин особенно любил повторять, что вожди социал-демократии должны быть «настоящими политическими вождями всего народа», должны быть трибунами. «Мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря трэд-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, которым он внушил бы уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве — борьбе с политической полицией, помилуйте! это—не революционер, а какой-то жалкий кустарь!» (V т., 222 стр.).

Ленин указывал, что и в социал-демократическом движении должны выдвинуться крупные фигуры, корифеи, в роде Петра Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова. Он писал: «Идеалом социал-демократа должен быть не секретарь трэд-юниона, а народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплоатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата». Поэтому социал-демократы, по мысли Ленина, должны итти «во все классы населения» и в качестве теоретиков, и как пропагандисты, агитаторы и организаторы. Социал-демократы должны быть «впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса», ни на минуту, конечно, не забывая и не затушевывая своих социалистических целей. Социал-демократы вме-

шиваются во все области и вопросы общественной и политической жизни. «Везде они оказываются впереди всех, возбуждая политическое недовольство во всех классах, расталкивая сонных, подтягивая отсталых» (V т., 184, 186, 198 стр.).

Таким образом, еще за несколько лет до революции Ленин поставил перед социал-демократией задание быть организатором и руководителем всего народа, всех классов общества в деле борьбы против самодержавия.

Гегемонию (руководство) пролетариат и его партия получали не по какому-то соглашению и признанию, а по праву наиболее энергичного и решительного борца против царизма.

В знаменитой брошюре «Две тактики» (лето 1905 г.) Ленин особенно подробно указывал, что меньшевики отдают пролетариат под опеку буржуазии, и что единственный путь для успешной революции—это гегемония пролетариата, который ведет за собой крестьянство. Социал-демократ,—повторяет Ленин,—это народный трибун, «вождь народной революции». «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (VI т., 371 стр.).

Учение о гегемонии пролетариата, выведенное большевиками на основе марксистского анализа экономической действительности России, целиком подтвердилось в годы первой революции. Пролетариат действительно все время шел во главе революции, борьба масс шла под руководством социал-демократии, крестьянство поднималось вслед за волнами стачечного движения и рабочих восстаний. Вслед за пролетариатом стали организовываться и другие слои населения.

Учитывая этот опыт, большевики в своем проекте резолюции к Лондонскому съезду (1907 г.) указывали, что «довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат, при том условии, что он... поведет за собой массу крестьянства». Большевики отводили пролетариату роль вождя и руководителя революции. Меньшевики

в своем проекте резолюции (затем снятом) полагали, что задача пролетариата—«быть двигателем буржуазной революции» и «массовым напором поддерживать оппозиционные шаги буржуазной демократии». У большевиков—«вождь» и «руководитель», ведущий за собой, у меньшевиков—только одно из орудий революции, поддерживающее буржуазию в ее борьбе.

В период 3-й думы Ленин писал: «Социал-демократия обязана всеми силами стремиться к гегемонии над демократической массой и к развитию в этой массе революционной энергии».

Лозунг гегемонии являлся основным для большевизма. Мы увидим дальше, как был поставлен вопрос о гегемонии в обстановке, сложившейся после 1917 г.

2. Отношение к буржуазии.

В проекте программы партии (1896 г.), который не был опубликован и лишь недавно найден, Ленин писал, что социал-демократия «будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привелигированных дворян, землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности».

В брошюре «Задачи русских социал-демократов» (1897 г.) Ленин подробнее касается этого вопроса. В борьбе экономической пролетариат стоит «совершенно одиноко», имея против себя и буржуазию, и землевладельцев-дворян. В борьбе же политической рядом с ним стоят и другие оппозиционные слои населения и классы, «поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу». Среди них находятся оппозиционные элементы буржуазии, интеллигенции, мелкая буржуазия, преследуемые религии и народности.

Социал-демократия, конечно, будет поддерживать эти прогрессивные классы и группы против реакционных. «Эта поддержка не предполагает и не требует никакого компромисса с не-социал-демократическими программами и принципами,—это поддержка союзника против данного врага, при чем социал-демократы оказывают эту поддержку, чтобы ускорить падение общего врага, но они ничего не ждут для

себя от этих временных союзников и ничего не уступают им» (I т., 349 стр.).

Таким образом, социал-демократия ничем не поступается в своей программе и не делает своим союзникам никаких уступок. Нечего говорить, что организационно пролетариат остается также совершенно самостоятельным. Мало того: указывая на солидарность рабочих с теми или иными группами в тех или других вопросах, социал-демократия «всегда будет разъяснять временный и условный характер этой солидарности» и подчеркивать классовую обособленность пролетариата. Надо иметь еще в виду, что буржуазия, даже выступая против царизма, «боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата». Ленин этими словами словно предсказывал будущую роль наших либералов в революции.

Относительно мелкой буржуазии и интеллигенции Ленин указывал на ее двойственность, непоследовательность, неустойчивость. Таким образом, выяснялась с самого начала ненадежность временных союзников, и рабочий класс призывался быть на-чеку против них. Выделение рабочего класса в самостоятельную партию признавалось лучшим средством для того, чтобы «подталкивать все остальные демократические и политические оппозиционные элементы» (I т., 348—349, 351 стр.).

В объяснении ко второму проекту программы партии (1900 г.) Ленин снова указывал, что социал-демократия, поддерживая буржуазию в борьбе за политическую свободу, будет напоминать, что это—союзник временный. Поддержка должна оказываться «всем восстающим против класса привилегированных дворян-землевладельцев», в первую очередь, крестьянам.

В своих статьях в период «Искры» (1900—1903 гг.) Ленин начинает отводить социал-демократии более активную роль по отношению к оппозиции. В «Др. народа» он лишь «приветствовал» образование партии народоправцев и объединение революционно-демократических слоев. Теперь он находит, что «социал-демократия должна... руководить (курсив мой) активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их

частных и профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии» и т. д. («Беседа с защитниками экономизма», IV т., 78 стр.).

Ленин призывал поддерживать земские выступления, студенческие демонстрации («студент шел на помощь рабочему,—рабочий должен притти на помощь студенту»), но при этом требовал, чтобы рабочие «не уступали гегемонию политической борьбы» буржуазным элементам, а характер подталкивания оппозиции пояснял сравнением: «чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого». Таким образом, роль вождя и руководителя все время оставалась бы в руках рабочего класса.

Когда либералы начали организовывать свою нелегальную организацию, Ленин приветствовал этот рост сознательности в буржуазии и говорил, что мы не махнем рукой на либералов, а поддержим их в их борьбе против абсолютизма.

Социал-демократия должна поднять «общенародное знамя борьбы за свободу» и привлечь к себе всех, кого гнетет самодержавие.

На втором съезде, как мы видели, по вопросу об отношении к буржуазии наметилось резкое расхождение между двумя крыльями с.-д. партии.

В период революции главной задачей большевизма по отношению к буржуазии явилось разоблачение ее предательства и реакционности. Вместо меньшевистского лозунга демонстрации перед либеральными земцами, что считалось меньшевиками «высшим типом демонстрации» (это после ростовских событий 1902 г. и многочисленных демонстраций пролетариата против царизма!), большевики выдвигали лозунг «вооруженного восстания». В эти первые месяцы полусвобод Ленин писал: «либеральные буржуа при первом же приступе к дележу будущей шкуры (медведя), начинают уже огрызаться и рычать против „крайних партий", против „внутренних врагов"—беспощадных врагов буржуазного господства и спокойствия». Буржуазные демократы не могут быть надежными демократами,—повторял Ленин.

Во время борьбы вокруг булыгинской думы Ленин вполне точно и ясно формулировал задачу социал-демократии. «Пролетариат поднимает за собой крестьянство. Опи-

раясь на крестьянство, он парализует неустойчивость и предательство буржуазии, отстранит ее претендентов и силой раздавит самодержавие» («Пролетариат борется», VI т., 299 стр.).

Эта мысль подробно развилась в вышедшей в это время брошюре «Две тактики», основные места которой мы уже цитировали. Как мы видим, Ленин начинает все более подчеркивать, что среди буржуазных элементов только крестьянство будет союзником рабочих, либеральная же буржуазия, в сущности, уже почти не является союзником. Ее приходится уже нейтрализовать, отстранять ее претендентов и т. д. Возражая меньшевикам, Ленин писал: «Разница между нами и вами... та, что мы идем рядом с революционной и республиканской буржуазией, не сливаясь с ней, а вы идете рядом с либеральной и монархической буржуазией» («Две тактики», VI т., 326 стр.).

Таким образом, это разделение между крестьянством, как союзником большевиков, и либералами, как союзниками меньшевиков, формулировалось вполне ясно. По прогнозу большевиков, крестьянство «станет оплотом революции и республики», буржуазия же скоро отшатнется, и когда это произойдет, тогда-то и начнется настоящий размах русской революции. В то время как меньшевики считали, что без буржуазии революция погибла, Ленин находил, что именно без нее революция и пойдет наилучшим путем.

Либерализм еще не успел проявить всего своего предательства и реакционности, но Ленин уже был наготове, чувствуя, как скоро произойдет эта измена. Когда проф. Виноградов осенью 1905 г. принялся высказывать свои опасения относительно революции, Ленин сразу указал, что этот «муж алтынной науки» боится не восстаний народа, а победы народа, боится свержения реакционной власти народом. «Копните либерального российского буржуа—и найдете одетого в новенький мундир урядника». И Ленин давал общую характеристику русской буржуазии в отличие от западно-европейской, которая все же была в свое время в течение ряда десятилетий революционной. «Наши доморощенные мудрецы сразу перепрыгивают или хотят перепрыгнуть через революцию к умеренному и аккуратному господству реакционной буржуазии. Буржуазия не хочет и не может,

по классовому положению, хотеть революции. Она хочет лишь сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа» («Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа», VI т., 454 стр.).

Касаясь вопроса о том, как именно поддерживать буржуазную демократию в революционную эпоху и как на нее давить, Ленин резко возражал против тактики меньшевиков, которая сводилась к сделкам с либералами, к выставлению им каких-то условий и взиманию с них обязательств. «Действительное, а не игрушечное давление может оказать только восстание. Когда гражданская война охватила всю страну,—давление оказывают военной силой, прямым сражением, и всякие иные попытки давления—пустая и жалкая фраза» («Встреча друзей», VI т., 467 стр.).

Еще до октябрьской забастовки 1905 г. позиция большевизма по отношению к буржуазии была ясно и подробно формулирована, точно так же была выяснена и предсказана будущая роль интеллигенции. В противовес эсерам и частью меньшевикам, отводившим интеллигенции особую роль, Ленин указывал, что она распадается на три основных группы, примыкая либо к буржуазии, либо к крестьянству, либо к пролетариату. К интеллигенции, как социальной группе, Ленин всегда относился с недоверием. Ее всегда «нужно держать в ежовых рукавицах». Она склонна к анархизму, она мелкобуржуазна. Само собой понятно, что буржуазная интеллигенция не внушала никаких симпатий Ленину. По поводу адвокатского съезда 1905 г., принявшего разные революционные решения, Ленин ядовито писал: «В трехдневной болтовне съезда адвокатов отразился, как в капле воды, весь буржуазный либерализм с его блудливыми вожделениями конституции, с его заячьей боязнью борьбы, с его лакейской угодливостью перед сильным еще самодержавием, с его лицемерным и корыстным народолюбием».

Характеризуя Льва Толстого, Ленин указывал, что, наряду с сильным протестом против общественной фальши, он проявляет себя как типичный «истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом».

Октябрьская забастовка 1905 г., декабрьское восстание, крестьянские бунты очень скоро превратили либералов и

буржуазную интеллигенцию в ярко выраженных контр-революционеров. Предсказания большевиков оправдались. В ноябре Ленин уже предлагает резко размежеваться. Пора! «Направо—самодержавие и либеральная буржуазия... налево—пролетариат и революционное крестьянство».

Возникает милюковская конституционно-демократическая партия («кадеты»). Ленин внимательно следит за ней, шаг за шагом разоблачая ее противопролетарский и контр-революционный характер. Он дает классовый анализ кадетов. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравновешивающих друг-друга борющихся сил. «Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку—болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контр-революционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа» («Победа кадетов», VII т., 1-я ч., 101 стр.).

Ленин указывал, что настоящие хозяева буржуазного общества (Шиповы и Гучковы) стоят в стороне от кадетов: «историческая роль кадетов—переходная роль». Слова эти, как известно, целиком сбылись, ибо после главенствующей позиции в первой думе кадеты отошли на второй план—уступив место октябристам—господам 3 и 4 думы.

Когда кадеты оказались в большинстве в первой думе, меньшевики еще больше стали стремиться к сближению с ними. Большевики попрежнему были против этого, указывая, что кадеты идут к сделке с царизмом, что они изменяют народу и стремятся поделить власть с царем. Понятно, что меньшевистский проект поддержки кадетского министерства вызвал резкие протесты большевиков.

Только позднее стало известно, что в период 1-й думы кадеты в буквальном смысле торговались с царским палачом Треповым о вхождении в министерство, т.-е. о получении власти путем соглашения с царизмом. В период выборов во вторую думу лидер кадетов Милюков делал тайные визиты премьеру Столыпину. Когда французские банкиры ссужали царизм займом для подавления революции, кадеты отвергли предложение французских радикалов открыто протестовать против займа, что могло сорвать его заключение. Этим ка-

деты дали возможность царизму как-раз накануне созыва 1-й думы получить два миллиарда франков и спокойно разогнать думу и подавить революцию.

Целиком оправдалось предсказание большевиков, что гвоздем тактики с.-д. в буржуазной революции при русских условиях будет «вопрос о предательстве либерализма и о демократических способностях крестьянства». (Мы коснемся дальше более подробно вопроса об отношении большевиков к крестьянству).

Российский либерал оказался «пустой кишкой, полной трусости и надежды, что контр-революционный помещик сжалится». Буржуазия целиком показала всю свою шаткость и контр-революционность.

Подводя после окончания первой революции ее итоги, Ленин отмечал, что «самый неразвитой, политически-девственный, партийно-неорганизованный мужик оказался неизмеримо левее кадетов». С другой стороны, либерализм гораздо скорее стал контр-революционным, чем это наблюдалось на Западе. «Русский либерализм за три года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше тридцати лет, а во Франции—даже свыше ста лет: эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма». Ленин добавлял: «мы можем только радоваться этой идейной эволюции либерализма. Это поможет скорее изжить остатки веры в «демократизм кадетов».

Согласно оценке Ленина, историческое значение первой революции в этом случае сводится к тому, что «либерализм уже окончательно доказал свою контр-революционность, свою неспособность руководить крестьянской революцией; крестьянство еще не вполне поняло, что только на революционно-республиканском пути, под руководством социалистического пролетариата может быть завоевана настоящая победа».

Контр-революционность буржуазии в первой революции Ленин объяснял тем, что наше крестьянство создало аграрное движение гораздо более сильное и политически сознательное, чем это было в предыдущих буржуазных революциях, а пролетариат также проявил большую сознательность и организованность. Он писал дальше: «Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука-об-руку с ме-

ждународной армией социалистического переворота в Европе, крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель,—вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контр-революции» («К оценке русской революции», XI т., 1 ч., 75 стр.).

После опыта первой революции либеральная буржуазия стала определенно в ряды врагов рабочего класса. Однако, как мы увидим, даже после февральской революции меньшевики постарались создать союз с ней, т.-е. продолжали тактику подчинения пролетариата буржуазному влиянию, против него так настойчиво и безоговорочно боролся большевизм.

Большевизм, объявивший после победы Октябрьской революции кадетов врагами народа, вбил осиновый кол в труп русского либерализма.

3. Диктатура пролетариата и крестьянства.

С самого начала Ленин отчетливо ставил перед рабочей партией проблему захвата власти для организации социалистического общества (см., напр., «Задачи русских с.-д.», 1897 г.). Захват власти должен был привести к диктатуре пролетариата. Лозунг диктатуры Ленин несколько раз упоминал в своих первых работах. В частности, одно из главных его возражений Бернштейну и оппортунистам вообще сводилось к тому, что они отвергают диктатуру («Что делать?»).

Программа нашей партии (1903 г.) в отличие от многих социалистических программ того времени (напр., Эрфуртской) отчетливо формулировала идею диктатуры: «Необходимое условие социальной революции (читаем в ней) составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров».

Таким образом, до начала революции 1905 г. под диктатурой разумелась диктатура для проведения социалистического переворота. Начавшиеся революционные события заставили поставить другую проблему: диктатуру для доведения до конца демократической (буржуазной) революции. Это вы-

зывалось всем своеобразием русских условий. Маркс выдвигал лозунг диктатуры пролетариата, когда период буржуазных революций в сущности закончился,—впереди могли быть лишь социалистические перевороты. Россия же стояла перед революцией буржуазной, при чем буржуазия скоро стала контрреволюционной. В европейских буржуазных революциях (английской, французской) сама революционная буржуазия диктаторскими мерами проводила уничтожение феодального строя до конца. Русская буржуазия с самого начала обнаружила стремление к соглашению с царизмом.

Таким образом, проблема доведения до конца демократического переворота в России ставилась совершенно своеобразно. Социал-демократия добивалась свержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания. Но какая же власть образуется после свержения самодержавия? Кто же будет созывать Учредительное Собрание со всеми необходимыми для того гарантиями? Очевидно, какое-то временное революционное правительство.

Так перед социал-демократией стал вопрос об отношении к временному правительству, об его составе, об участии в нем. По этому поводу меньшевики (особенно Мартынов в брошюре «Две диктатуры») пугали социал-демократию перспективой захвата власти. Если итти за большевиками с их лозунгом «вооруженное восстание», то в случае победы восстания партия, им руководившая (т.-е. социал-демократия), естественно станет у власти. А это в глазах меньшевиков было каким-то грехопадением.

Между тем, большевики уже в начале 1905 г. выставили лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Эта диктатура в эпоху свержения самодержавия должна была иметь целью осуществление буржуазных свобод, в отличие от социалистической диктатуры рабочего класса для проведения социализма.

Учитывая характер русской буржуазии, большевики указывали, что проведение с.-д. программы-минимум абсолютно немыслимо без революционно-демократической диктатуры низших классов. Состав временного правительства большевикам мыслился именно как объединение пролетариата и крестьянства. Революционная диктатура должна «опираться на громадное большинство народа». Русский пролетариат, соста-

вляющий меньшинство в стране, может «стать громадным, подавляющим большинством лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты» («Соц.-дем. и врем. револ. правительство», VI т., 132 и след.).

Весной 1905 года на III съезде партии Ленин говорил: «После свержения самодержавия борьба не прекратится, а обострится. Реакционные силы именно тогда сорганизуются для борьбы настоящим образом. Если мы употребляем лозунг восстания, мы не должны пугать социал-демократию возможностью победы восстания. Завоевавши самодержавие народа, мы должны его отстоять,—а это и есть революционно-демократическая диктатура. Бояться ее нет никаких оснований. Завоевание республики—гигантское завоевание для пролетариата». И дальше: «Временное революционное правительство может опираться только на революционный народ, т.-е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т.-е. организацией не порядка, а „организацией войны“» (VI т., 170—171 стр.).

Резолюция о Временном Правительстве, принятая на этом съезде (чисто-большевистском по составу) указывала, что органом победоносного восстания явится Временное Революционное Правительство и признавала «допустимым участие во Временном Правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаиванья самостоятельных интересов рабочего класса».

Одновременно принятая резолюция меньшевиков (на их конференции) гласила: «Социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Временном Правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Таким образом, меньшевики и в этом случае хотели предоставить буржуазии руководящую роль в революции и подчинить ей пролетариат. Большевики, наоборот, говорили о руководящей роли пролетариата в революции, об участии во Временном Правительстве. И хотя официально еще не говорилось о «диктатуре пролетариата и крестьянства», но в комментариях печати (особенно в статьях Ленина) это положение ставилось вполне четко.

Ленин указывал, что ограничивать революционное действие давлением снизу и отказываться от давления также и сверху есть анархизм. Он отмечал, что Парижская Коммуна, которую Энгельс называл «диктатурой пролетариата», в своем составе также имела большинство не пролетарское: «сознательный пролетариат, т.-е. члены Интернационала, были в меньшинстве, большинство правительства состояло из представителей мелкобуржуазной демократии». Однако, благодаря идейно руководящей роли представителей пролетариата (которые, кстати сказать, «отнюдь не желая слиться с Коммуной, все время защищали свою особую, чисто-пролетарскую организацию»), правительство Коммуны можно назвать диктатурой пролетариата. Этот опыт должен быть учтен и русским пролетариатом.

Ленин говорил, что лозунг «Учредительное Собрание» стал уже лозунгом монархической буржуазии, лозунгом сделки между буржуазией и царизмом. Лозунг революционной борьбы есть «свержение царского правительства и замена его Временным Революционным Правительством, которое должно созвать Всенародное Учредительное Собрание».

Временное Правительство рисовалось Ленину, как «орган восстания», «орган борющегося за свободу народа».

В брошюре «Две тактики» (лето 1905 г.) идея революционной диктатуры пролетариата и крестьянства получила наиболее подробное обоснование.

Одержать решительную победу над царизмом может народ, т.-е. пролетариат и крестьянство. Решительная же победа означает не что иное, как создание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

«Такая победа будет именно диктатурой, т.-е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные „легальным", „мирным" путем созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революционные попытки невозможно». И Ленин тут же пояснял объем задачи этой диктатуры, говоря, что она будет не социалистическая, а де-

мократическая. «Она не сможет затронуть (без ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма» («Две тактики», VI т., 335 стр.).

Парируя возражения меньшевиков против вооруженного восстания и борясь против конституционных иллюзий, Ленин писал: «Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, „ставят в порядок дня штык“... А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным,— тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции, прикрытием того, как „отшатывается“ буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры» («Две тактики», VI т., 395 стр.).

Но меньшевики, боясь диктатуры, вообще боялись доведения революции до конца. Они тянулись в хвосте буржуазии. Они твердили, что пролетариату опасно победить и захватить власть. И в ответ на их сомнения—«смеем ли мы победить», Ленин говорил: да, смеем, и должны. «Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т.-е. к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» («Две тактики», VI т., 381 стр.).

В брошюре против кадетов («Победа кадетов и задачи рабочей партии») Ленин дал яркую характеристику сущности диктатуры, являющуюся целиком приложимой не только к диктатуре пролетариата и крестьянства эпохи свержения самодержавия, но и к диктатуре пролетариата в эпоху социалистического переворота. «Диктатура означает неограни-

ченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей, узурпаторов народной власти».

Период первой революции имел несколько своеобразных методов исторического творчества народа: захват народом политической свободы, создание новых органов революционной власти (советов), применение народом насилия по отношению к насильникам над народом. Советы рабочих, крестьянских и других депутатов создавались революционными слоями народа чисто-революционным путем, как продукт самобытного народного творчества. Это были органы власти, «зародыши нового, народного, революционного правительства». Эти органы власти «были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть эта и есть диктатура». Сила, на которую опиралась эта власть, была не силой денег и не силой штыка. «Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти: те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян; это были органы власти народа, рабочих и крестьян над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры над народом от диктатуры революционного народа». «Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти».

По поводу воплей о ненужности «насилий» Ленин дает кадетским публицистам «простенький примерчик». «Представьте себе, что Аврамов (казачий эсаул, истязавший Спири-

донову) увечит и истязует Спиридонову (эсерка, убившая усмирителя крестьян Луженовского). На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооруженных людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке? Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может-быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой все-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, при чем, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на позорный суд». «Когда Аврамов с казаками истязует Спиридонову,—это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым,—это есть диктатура революционного народа». «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». «Хорошо ли,—пишет Ленин дальше,—что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это высшее проявление народной борьбы за свободу» («Победа кадетов», VII т., 1 ч., 121—126 стр.).

Мы видим в этих цитатах, что Советы 1905 г. рассматривались Лениным, как зачаточные органы диктатуры. О роли Советов среди социал-демократии существовали разные мнения. Когда Советы впервые возникли (октябрь—ноябрь 1905 г.), у большевиков было известное недоверчивое отношение к ним, особенно в связи с тем, что главную роль в Советах играли меньшевики. Советы казались меньшевикам органами революционного самоуправления (т.-е. какой-то возможной заменой городских и земских самоуправлений,—они вспоминали историю французской революции). Большевики относили Советы этого периода к «зачаточным, разрознен-

ным, стихийным, а потому бессильным органам революционной власти» («Победа кадетов», VII т., 1 ч., 86 стр.).

Когда летом 1906 г. снова встал вопрос о создании Советов, большевики указывали, что создавать Советы—значит создавать «органы непосредственной борьбы пролетариата», а их создавать нельзя в любой момент, а лишь при соответствующих условиях.

Оценивая роль Советов в брошюре «Роспуск думы», Ленин указывал, что они являлись органами массовой непосредственной борьбы и неудержимо превратились в органы восстания. Их будущая роль оценивалась как роль Временного Правительства. «Советы Рабочих Депутатов и т. п. были на деле зачатками Временного Правительства; власть неизбежно досталась бы им в случае победы восстания» («Роспуск думы», VII т., 2 ч., 21 стр.).

В другом месте Ленин указывал, что при нарастании движения создание Советов, как органов восстания, желательно и неизбежно. Их задачей будет превращение в Революционное Временное Правительство. (Хотя это не исключает необходимости после победы восстания создать иные органы власти).

Таким образом, Временное Правительство пролетариата и крестьянства мыслилось большевикам также и в виде Советов, обладающих всей диктаторской полнотой власти.

Изучение большевиками опыта первой революции уже намечало ту советскую систему, которая была осуществлена впоследствии.

В борьбе с оппортунизмом в начале XX века большевизм выработал основные свои положения: марксистскую оценку буржуазной революции в России, выяснение роли пролетариата, как гегемона, роли крестьянства, как непосредственного союзника рабочего класса в борьбе против абсолютизма. Большевизм констатировал всю контр-революционность буржуазии и поставил ясно и четко вопрос о захвате власти и демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Чтобы получить полное представление о большевизме, как он сложился в 1905—1907 гг., мы должны еще познакомиться с основными организационными проблемами и тактическими принципами большевизма и его оценкой крестьянства. Этим вопросам мы посвятим особые главы.

Глава V.

Организация партии.

1. От кружковщины к партии.

Человеческое общество распадается на классы. Классами в их борьбе в капиталистическом обществе руководят политические партии. Рабочий класс должен иметь свою партию, объединяющую авангард пролетариата. Таковы положения марксизма.

Возникает вопрос: каково должно быть отношение между партией и классом? Мы знаем, что каждый класс неоднороден по составу,—в нем есть различные прослойки, различные группы: более культурные и менее культурные, более связанные экономически с другими классами и более «чистые», более типичные для класса по его роли в производстве. В пролетариате, напр., есть слои, еще не порвавшие с крестьянством (т.-е. мелкой буржуазией), есть группы высококвалифицированных рабочих и малокультурных, сознательных и несознательных и т. д.

В эпоху капитализма партия может охватить лишь меньшинство рабочего класса. Тяжелая буржуазная эксплоатация не дает возможности рабочему развить свое классовое сознание. А так как действительно сознательные рабочие находятся в меньшинстве, то партия пролетариата в эпоху капитализма объединяет лишь передовые слои, авангард рабочего класса. Но это сознательное меньшинство руководит классом и ведет его за собой. Если меньшинство не умеет руководить массами и тесно связаться с ними, оно не заслуживает названия партии.

Исходя из этих марксистских положений, Ленин еще перед первой революцией точно формулировал задачу партии по отношению к классу: «Мы—партия класса, а потому почти весь класс (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и „хвостизмом" думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии при капитализме подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей с.-д. партии» («Что делать?», V т., 351 стр.).

Партия при капитализме не ставит себе такой неосуществимой задачи, а стремится «поднимать все более и более обширные слои до этого передового уровня».

В полемике с ликвидаторами, в особенности в статье против Веры Засулич, Ленин еще раз подробно коснулся вопроса об отношении класса к партии. Ленин указывал, что волю широкого слоя населения в несколько миллионов человек никак нельзя определить, если он в какой-либо мере не организован в одну организацию. Если при наличии такой организации пытаются апеллировать к широким слоям или к массе против существующей организации, это есть чистейший анархизм. «Марксисты принципиально иначе (чем анархисты) смотрят на отношение неорганизованной (и не поддающейся организации в течение долгого времени, иногда десятилетий) массы к партии, к организации. Именно для того, чтобы масса определенного класса могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса. Чтобы обслуживать массу и выражать ее правильно сознанные интересы, передовой отряд, организация должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так, и только так, передовой отряд воспитывает и просвещает массу, выражая ее интересы, уча ее организации, направляя всю деятельность массы по пути сознательной классовой поли-

тики» («Как В. Засулич убивает ликвидаторство», XII т., 2 ч., 590—591 стр.).

Тесная связь с массами—основная задача партии. Только на почве активности масс партия пролетариата может развивать свою работу. И Ленин не один раз подчеркивал эту свою веру в творческую мощь эксплоатируемых масс. Возражая против эсеровского террора, он писал, что с.-д. стоят лишь за такие формы насилия, которые бы «рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие». Более сознательные рабочие, пионеры движения, члены партии «должны на деле потонуть в массе, т.-е. прилагать свою самоотверженную энергию в неразрывной фактической связи с восстающей массой, итти вместе с массой не в фигуральном, не в символическом смысле слова, а в буквальном».

Когда разразилась первая революция, Ленин предлагал учиться у массы ее героической революционной самодеятельности. Гигантские массы народа, поднявшиеся из страшной темени и невиданной забитости и одичалости к новой жизни, способны на величайшие жертвы и гигантское творчество. Народные силы растут. Организованность увеличивается. «Из рядов рабочих и крестьян, одетых в зипуны, пиджаки и мундиры, выдвигаются неведомые герои, которые неразрывно слиты с толпой и которые все глубже проникаются благородным фанатизмом народного освобождения». Партия должна дать массовому движению программу, ясную цель, руководство, организованность.

Мы увидим, как в эпоху после 1917 г. Ленин еще подробнее отметил всю гигантскую историческую роль массы в эпоху переворотов.

Основные положения о взаимоотношениях класса, партии, массы Ленин дал в самые первые годы своей революционной работы. Своей ближайшей очередной практической задачей он с самого начала поставил организацию партии пролетариата. Призывами к организованности буквально полны его первые легальные и нелегальные работы. Уже в «Друзьях народа» Ленин выдвигал перед социал-демократами задачу «выработать наиболее подходящую для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплочения рабочих в политическую

силу». Через два года Ленин набрасывает программу для «русской социал-демократической партии». В брошюре «Задачи русских с.-д.», говоря о создании прочной революционной организации среди фабрично-заводских городских рабочих, он намечает для первых шагов объединение крупнейших центров рабочего движения (промышленные районы, столицы и пр.) и создание революционного органа печати. Брошюра кончается лозунгом: «Объединение разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию».

В 1898 г. на первом съезде в Минске было провозглашено создание российской с.-д. рабочей партии. Но вследствие провалов фактического объединения революционных кружков в партию не произошло. Предстояло практически провести организованное объединение, наметить его формы.

Еще до своего отъезда за границу после ссылки (т.-е. до 1900 г.) Ленин наметил несколько принципов такого объединения: политическая самостоятельность партии, крепкая сплоченность и дисциплина в ее рядах, наличие руководящего органа печати. В воззвании от имени «Союза борьбы» Ленин призывал к строгой специализации революционеров на отдельных функциях, как бы мелки они ни были. Здесь была высказана мысль, которая позднее была им подробно разработана.

В период борьбы вокруг второго съезда Ленин писал о значении организации для рабочего класса: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации... Пролетариат может стать, и неизбежно станет, непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала» («Шаг вперед», V т., 482—483 стр.).

Лишь в «Искре» и особенно в «Что делать?» Ленину удалось обстоятельно развить организационные положения большевизма и принципы построения партии в русских условиях.

Прежде всего надо было покончить с той кружковщиной

и кустарничеством, которые были характерны для рабочего движения эпохи конца XIX и начала XX вв.

С.-д. кружки, даже существовавшие в одном городе, часто были совершенно не объединены. Связь между городами была чисто-случайной. Каждая местная организация жила своей изолированной жизнью. Одновременно в ряде пунктов ставились типографии, и издавались газеты, но не существовало ни одного регулярно выходящего и хорошо поставленного общерусского органа. Местные газеты, выпускавшиеся обычно крайне редко и быстро проваливавшиеся, плохо редактировались. Не было ни обмена опытом, ни учета его. Не было никакого систематического плана работы. Работа развивалась стихийно, случайно.

Вспоминая свой личный опыт в работе, Ленин писал о «жгучем стыде», который он испытывал, когда ему приходилось работать в условиях этой кружковщины. «Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров—и мы перевернем Россию» («Что делать?», V т., 222 стр.).

Ленин формулировал положение так: «Мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси».

Кустарничество, кроме указанных выше черт, характеризовалось большим диллетантизмом участников движения (отдававших работе лишь «свободные вечера»), теоретической неподготовленностью, узким размахом всей революционной работы вообще, преклонением перед стихийностью, и т. д.

Перед Лениным вместо этого кустарничества рисовалась перспектива мощной, единой, централизованной партии.

2. Организационные принципы большевизма.

Организационные принципы, которые развивались Лениным в эпоху старой «Искры» (1900—1903 гг.), можно свести вкратце к трем положениям: создание партии вокруг политического органа печати, объединение профессиональных революционеров, как становой хребет партии, строгий цен-

трализм с железной дисциплиной и точным определением членства партии.

Все эти организационные принципы органически связывались с основной задачей—иметь боевую партию, военную организацию пролетариата (Ленин именно так и выражался), стальной отряд закаленных борцов, который в силах повести за собой массу на штурм царизма. Ведь, очередной задачей было, по убеждению Ленина, свержение самодержавия. Решающей тактикой, к которой надо было готовиться,—вооруженное восстание. Партия пролетариата должна была явиться вождем (гегемоном) всего народа. Впереди рисовалась картина захвата власти. Эти положения программы и тактики, эта оценка классовых сил тогдашней России требовали тщательно подобранной и крепко сплоченной боевой организации, объединенной единой теорией и твердой волей руководящего центра.

Для выполнения этого плана Ленин и группа его товарищей первой задачей поставили создание за границей печатного руководящего органа—«Искры». Революционному движению надо было дать революционную теорию марксизма, но не в виде отвлеченных формул, а как ряд практических, тактических и организационных лозунгов, опирающихся на анализ положения страны. Молодые с.-д. практики, прибывшие с этой целью за границу (Ленин и будущие меньшевики Потресов и Мартов), надеялись объединиться со стариками-теоретиками марксизма (Плехановым, Аксельродом и др.) и создать выдержанную марксистскую редакцию. Предстояло, ведь, продолжать борьбу с оппортунизмом в рядах партии (с «экономизмом» особенно). Надо было выработать программу партии, подготовить настоящий большой съезд, полно представляющий работу на местах.

О газете, как руководящем и организующем центре, Ленин писал в «Искре»: «Газета—не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней

сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии («С чего начать?», IV т., 37—38 стр.).

Ленин отмечал, что даже технические задачи газеты,—собирание материала и распространение газеты,—заставляют создавать сеть агентов на местах, которая явится остовом партии. Эта широкая сеть агентов газеты будет гибкой и разносторонней политической организацией. Общерусская газета, теоретически выдержанная, «стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар».

О необходимости создания кадров профессиональных революционеров, как опоры партии, «Искра» говорила (в статье Ленина) уже в самом первом номере: «Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь». В «Письме к товарищу» (давшем первый подробный набросок ленинского организационного плана) указывалось, что особенно надо стараться, чтобы «как можно более рабочих становилось вполне сознательными и профессиональными (курсив мой) революционерами». Сколько-нибудь талантливый рабочий-агитатор не должен работать на фабрике по 11 часов. «Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел во-время перейти на нелегальное положение, чтобы он переменил место своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора». Рабочий-революционер вообще должен становиться «профессиональным революционером»,—только тогда он сможет действительно выполнить большую работу.

Важность организации профессионалов-революционеров Ленин доказывал тем, что партии и классу необходимы кадры выдержанных и стойких вождей. «Без „десятка“ талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса»

(«Что делать?», V т., 217 стр.). Другой раз ту же мысль Ленин изложил так: «Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты, но, разумеется, в том смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых борцов против угнетения и эксплоатации, проведших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны» (Предисловие к брошюре Каутского «Движущие силы революции», VIII т., 84 стр.).

Крепкое объединение профессионалов-революционеров создает твердую опору для устойчивости движения в целом и для его теоретической выдержанности. Кроме того, такая организация из профессионалов, искушенных в подпольной борьбе, будет более гарантирована от провалов. В этом случае полезно учесть опыт землевольцев и народовольцев, которые сумели создать крепкую боевую организацию. Их ошибкой было лишь то, что они не были связаны с массой и руководились ошибочными теориями. Их политическая борьба сужалась до заговора.

Таким образом, встал важный вопрос о том, каким образом организация профессионалов-революционеров будет связана с массой, и какие организационные формы нужно придать рабочему движению вообще. Социал-демократическое профессиональное движение Ленин предлагал строить по тому же плану, исходя из крепкой центральной ячейки. «Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров, вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, все функции, которые лежат на профессиональной организации, и, кроме того, выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии» («Что делать?», V т., 215 стр.).

Но такое построение профессиональной организации вовсе не обозначало, что членами ее могут быть только социал-демократы. Напротив, цель была бы не достигнута, если бы мы не привлекли в них всех рабочих, сознавших

необходимость объединения для борьбы против хозяев. Организация профессиональная должна быть возможно более широкой и менее конспиративной. Организация революционеров (руководящая партийная организация) должна, напротив, быть гораздо более узкой и конспиративной.

Касаясь других форм организации, Ленин указывал, что собственно партия должна состоять из организаций революционеров и организаций рабочих, «возможно более широких и разнообразных». «Не надо думать,—пояснял Ленин,—что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными».

Следующими видами объединений, в партию не входящих, будут организации рабочих, примыкающих к партии, организации, фактически подчиняющиеся контролю и руководству партии. Наконец, надо учесть неорганизованные элементы пролетариата, которые в разных случаях подчиняются руководству с.-д. партии.

Касаясь низовой организации, Ленин особенно настаивал на кружках при заводах и фабриках. Наши теперешние ячейки,—основа организованной ткани партии, уже тогда горячо защищались Лениным. В «Письме к товарищу» он писал: «Заводские кружки для нас особенно важны: ведь, вся главная сила движения—в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе, часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью» (курсив в последней фразе мой). (IV т., 166 стр.)

По плану Ленина, заводской комитет должен был состоять из очень небольшого числа революционеров-рабочих, получающих указания непосредственно от городского комитета. Заводские комитеты, в свою очередь, создают ряд заводских групп и кружков с разными задачами (для распространения литературы, руководства профдвижением и т. д.). Они должны стараться «охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков или агентов».

Общий тип организации каждого города принимал, по мысли Ленина, такой вид: во главе всей с.-д. работы стоит комитет, немногочисленный, хорошо законспирированный. Ему подчинена, во-первых, сеть исполнительных агентов, организованная в виде районных групп заводских подкомитетов и, во-вторых, ряд различных обслуживающих движение групп и кружков (пропаганда, транспорт и пр.). Одни из этих организаций войдут в партию при условии утверждения комитетом, другие будут на правах примыкающих и поддерживающих. Такое построение организации усилит активное участие в ней самой широкой массы.

Формулировка § 1 устава, внесенная Лениным на II съезд, целиком совпадала с его организационным построением. Ему надо было иметь четко очерченную руководящую организацию, централизованную и дисциплинированную. Ему надо было провести организационно принцип объединения революционеров-профессионалов, целиком отдающих себя борьбе пролетариата, в противовес оппортунистической тенденции включать в партию всех желающих, лишь слегка участвующих в революции.

Мы видели выше, как защищались эти две различные точки зрения на организационное строительство партии.

Централизм, как организационный принцип большевизма в ту эпоху, требовал построения организаций сверху, из центра. Партийный центр должен был руководить всем делом борьбы пролетариата. Это, в свою очередь, заставляло обращать особое внимание на то, чтобы центр был действительно хорошо слаженным, сильным, теоретически выдержанным.

Специфические условия России (особенно вынужденное пребывание за границей наиболее выдающихся теоретиков партии) заставили выдвинуть принцип двух центров. Идейным руководителем партии должен был явиться заграничный ЦО (центральный орган), практическим—ЦК (центральный комитет) из работников, живших в России. Единство действия и полная солидарность обоих центров должна была достигаться «не только единой программой партии, но и составом обеих групп (надо, чтобы в обеих группах—и в ЦО, и в ЦК—были вполне спевшиеся между собой люди) и учреждением регулярных и постоянных совещаний между ними» («Письмо к товарищу», IV т., 160 стр.).

Надо отметить, что Ленин добивался определенного перевеса ЦО над ЦК и предлагал достигнуть таким образом на практике большего централизма.

Понятно, почему так остро прошли на II съезде особенно эти вопросы о составе центров. От практического разрешения их зависело уничтожение двоевластия, намечавшегося в виду особенностей русского революционного движения. Только правильный подбор лиц и фактическое подчинение ЦК редакции ЦО давали гарантии проведения в жизнь начал централизма. В противном случае не могло получиться необходимого мощного центра, нужного для идейного руководства работой и фактического создания мощной партии пролетариата.

Местным комитетам ставилась задача «активно работать над созданием, поддержкой и упрочением центральных учреждений» партии. Новые комитеты создаются при участии и с согласия ЦК.

Начало строгого централизма последовательно проводилось и во всей организации. Местный комитет партии должен быть един, с возможно большим процентом рабочих. Комитет должен «руководить всеми сторонами местного движения и заведывать всеми местными учреждениями, силами и средствами партии». Комитет должен использовать «все и вся», дать работу каждому, но сохранить руководство движением целиком за собой.

«Экономисты» (а позднее меньшевики) чрезвычайно любили щеголять своим демократизмом и настаивали на применении широкого выборного начала в подпольной организации. «Широкий демократизм партийной организации,—писал Ленин,—в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь пустая и вредная игрушка... Попытки проводить на деле „широкий демократический принцип“ облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество». Ленин выдвигал другие принципы: строжайшую конспирацию, тщательный выбор членов, подготовку профессиональных революционеров.

Естественно, что Ленин решительно возражал против попыток «Бунда» (еврейской с.-д. организации) создать партию на принципе федерации, т.-е. с большой самостоятель-

ностью отдельных частей. И так же решительно Ленин отвергал автономию отдельных с.-д. комитетов и организаций, которую были не прочь защитить меньшевики в противовес большевистскому централизму.

Ленин указывал, что важно единство действия всех с.-д. рабочих, независимо от их национальности, а «единство действий всего лучше обеспечивается единством организации при единстве программы». Организационное обособление рабочих по национальностям является отражением реакционных националистических взглядов. Федерация в партийном строительстве противоречит принципам соц.-демократии в ее общеклассовой борьбе. Мы, напротив, должны стремиться к наибольшему единству. Мы будем гордиться, если вся наша партия будет компактным и компактнейшим, девяностопроцентным большинством.

Строгий централизм партийной организации, которая приравнивалась к «действующей армии», требовал, конечно, и железной дисциплины. Когда меньшевики возражали против этих требований и указывали, что Ленин-де хочет превратить партию в огромную фабрику, с директором, в виде ЦК, во главе,—Ленин подхватывал пример и указывал на организующую и дисциплинирующую роль фабрики. «Марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплоататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технического производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом, именно благодаря этой фабричной школе» («Шаг вперед», V т., 462 стр.)

Уже в период первой революции, поясняя сущность пролетарской дисциплины, Ленин давал такое определение: «единство действий, свобода обсуждений и критики», «после решений компетентных органов мы все, члены партии, действуем, как один человек». И Ленин повторял слова, которые следует запомнить, как девиз пролетарской борьбы:

«Сила рабочего класса—организация. Без организации масс пролетариат—ничто. Организованный, он—все. Орга-

низованность есть единство действия, единство практического выступления» («Борьба с кадетствующими с.-д.», VIII т., 21 стр.).

Стремясь заменить кружковщину строгой организованностью, Ленин настаивал и на проведении в жизнь ряда основных принципов организации—в первую голову отчетливого разделения труда, т.-е. функций работы. Типичный комитет периода кружковщины Ленин рисовал так: в него «входит целая куча лиц, ведающих каждое все и всякие дела, не посвящающих себя отдельным функциям революционной работы, не ответственных за специальные предприятия, не доводящих до конца раз взятого, хорошо обдуманного и подготовленного дела, тратящих тьму времени и сил на радикальную сутолоку» («Письмо к товарищу», IV т., 172 стр.).

Вместо этого Ленин требовал строжайшего разделения труда, поручения отдельным товарищам строго определенных функций. Чтобы центр мог не спорить и убеждать, а управлять, надо, чтобы «было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (если музыка начинает ухо драть) и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести» (там же). Этим образным сравнением Ленин давал азбуку организации.

Это разделение функций должно было быть связано с децентрализацией ответственности каждого отдельного члена партии и участника работы, т.-е. каждый член партии, неся полную ответственность за партию в целом и за ЦК, нес еще и специальную ответственность за те функции, которые ему были партией доверены. Централизация руководства и децентрализация ответственности—вот краткая формула организационной программы большевизма того времени.

3. Партия в первой революции.

Второй съезд был в сущности первым съездом партии, действительно выявившим революционные течения и создавшим руководящие органы, отныне начавшие работать без перерывов. Отмечая крупное, исключительное значение съезда для революционного движения России, Ленин писал: «Вперт-

вые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее сколько-нибудь заметной части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиции кружковой распущенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особенностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами целого—п а р т и и» («Шаг вперед», V т., 481 стр.).

Да, партия действительно родилась. Но с первых же шагов зародился и раскол. Н. К. Крупская писала, как мучительно тяжелы и трагичны для Ленина были те дни, когда ему пришлось порвать со старыми товарищами и с основателями группы «Освобождение Труда», признанными вождями с.-д. движения.

Раскол в партии меньшевики осуществляли путем систематического саботажа решений съезда, бойкота центральных учреждений, отказа сотрудничать в центральном органе. Ленину пришлось выйти из редакции «Искры» (после № 52), и этот орган попал целиком в руки меньшевиков. Чтобы иметь возможность бороться с оппортунизмом в партии и сохранить организацию, Ленин с группой большевиков,—молодых товарищей по партии,—создает новую газету «Вперед» (начало 1905 г.). Эта газета должна стать «действительным органом рабочего движения в России». Ленин пишет товарищам по партии: «Над социал-демократической газетой должны работать в с е социал-демократы. Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире рабочим возможность писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе,—без этого материала грош будет цена с.-д. органу, и не будет он заслуживать названия социал-демократического» («Для Бориса», V т., 508 стр.).

Так в эти тяжелые годы раскола, грозившего самому

существованию партии, Ленин ищет опоры в рабочей массе. Чтобы изжить раскол, Ленин призывает всех членов партии к самому тщательному изучению партийных документов и всех фактов, связанных с разногласиями в среде партии. Не надо скрывать от партии возникающих и нарастающих поводов к расколу. Широкая гласность—лучшее средство. «Пусть партия знает все, пусть будет ей доставлен весь, решительно весь материал для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины, и т. д... Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников» («Письмо в редакцию «Искры», IV т., 316 стр.).

В связи с этим большевики дожидались созыва нового съезда и разрешения всех спорных вопросов на нем. Требования, которые первоначально выдвигались большевиками, сводились к тому, чтобы редакция ЦО была передана в руки большинства съезда, чтобы в уставе были гарантированы партийные способы борьбы, чтобы было проведено подчинение всех заграничных организаций ЦК, преобразование совета партии и пр.

Третий съезд партии (весна 1905 г.) фактически зафиксировал раскол, уже существовавший в партии. Меньшевики, выбранные на съезд, собрались одновременно на свою конференцию, и III съезд был, таким образом, большевистским по составу.

Меньшевики, так много сделавшие для раскола, кричали о том, что большевики—«раскольники», что они взрывают партию, и т. д. В ответ ленинцы предлагали конкретную программу. Вы хотите прекратить раскол? Так создадимте общую организацию, совьем такую крепкую веревку, которая бы связала крепкой петлей обе части организации. А для этого надо: подчинение меньшинства (без кавычек) большинству, признание съезда верховным органом партии (а не саботирование его, как делали меньшевики), выбор центральных учреждений партии на съезде, подчинение всей партийной литературы органам партии, точное определение членства партии и определение в уставе прав меньшинства.

Меньшевики фактически уклонялись от принятия этих предложений.

Когда после октябрьской стачки открылась возможность

для широкой политической работы, организационно существовало две партии. Социал-демократия должна была тогда решать совершенно новые организационные проблемы, прежде всего о том, как сочетать нелегальную организацию с легальной. Среди меньшевиков слышались голоса, что нелегальная организация уже не нужна, что центр тяжести должен целиком перейти в легальные организации. Ленин в первой же статье на эту тему в «Новой Жизни» (ноябрь 1905 г.) дал лозунг: «Конспиративный аппарат должен быть сохранен». Ведь, главные бои—вооруженное восстание—были впереди. Полагаться на царские свободы было бы безумием и легкомыслием. Но, конечно, открывшиеся легальные возможности надо было использовать. «Необходимо на-ряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полуоткрытые, партийные и примыкающие к партии организации».

Ленин снова учил нас, что только в революционных массах социал-демократия найдет себе прочную опору, и потому надо привлечь новые кадры рабочих в партию. Партия застоялась в подполье. Нужны новые приемы, новые люди. «Смелей же вперед, берите новое оружие, раздавайте его новым людям, расширяйте свои опорные базы, зовите к себе всех рабочих социал-демократов, включайте их в ряды партийных организаций сотнями и тысячами... Это даст нам новые, молодые силы, выходящие из самых недр единственного действительно революционного и до конца революционного класса» («О реорганизации партии», VII т., I ч., 10 стр.).

А когда во время революционных боев 1905—1906 гг. некоторые скептики вопили, что «нет людей», Ленин отвечал словами, показавшими гениальное чутье великого организатора: «Люди есть, никогда не бывало у революционной России такой массы людей, как теперь... Людей масса, надо только выбросить за борт хвостистские мысли и поучения, надо только дать простор почину и инициативе». Если при таких условиях организатор-практик жалуется на отсутствие людей, то «ему лучше уйти на покой» («Новые задачи и новые силы», VI т., 107 стр.).

Прилив новых массовых сил в партию ставил, конечно, и вопрос о новых организационных формах. Как истый реа-

лист, чуждый всякого схематизма, Ленин предлагал «самостоятельную, творческую выработку в с е м и товарищами сообща новых форм организации». Он намечал создание различных «союзов, организаций, групп партии».

Широкое привлечение новых сил в партию превращалось у меньшевиков в лозунг «рабочего съезда», который, по существу, растворил бы партию в беспартийной массе. Большевики резко возражали против идеи такого съезда, подчеркивая необходимость иметь крепкую и гибкую партию с нелегальной организацией, объединяющую авангард класса, а не тонущую в беспартийной массе.

Меньшевистским лозунгам, фактически приводившим к какой-то мало оформленной, беспартийной партии, большевики противопоставляли требования максимальной партийности, т.-е. ясное формулирование, кто член, а кто не член партии, строгую дисциплинированность, неучастие партийных литераторов в беспартийных изданиях, и т. д.

«Долой беспартийность!—писал Ленин в «Новой Жизни».—Беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии». Оформленная борьба классов непременно требует строгой партийности. Пролетариат должен особенно решительно требовать от своей партии строго-выдержанной партийности. Если член партии участвует в беспартийных организациях (напр., советах), он должен давать систематические отчеты партийной организации, собраниям членов партии.

Касаясь в частности партийной литературы, Ленин провозглашал лозунг: «Долой литераторов беспартийных!». «Литературное дело должно стать ч а с т ь ю общепролетарского дела, „колесиком и винтиком“ одного единого, великого социал-демократического механизма». Буржуазной литературе Ленин предлагал противопоставить «действительно свободную, о т к р ы т о связанную с пролетариатом литературу» («Партийная организация и партийная литература», VII т., I ч., 20, 23 стр.). Все с.-д. издательства и газеты должны быть подчинены партийным центрам

Касаясь специальных задач организации восстания, Ленин указывал на необходимость особых типов боевых организационных объединений. «Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответственного аппарата». Пар-

ламентская борьба партии вызывает необходимость одного типа техники, массовая борьба—другого. Вся партия строилась для борьбы, как «воюющая сторона». Ленин то и дело говорил о партии, как о «мобилизации постоянного войска», о «боевой партии», о «военной организации агентов», о «воюющей партии». Но понятно, что боевые части такой партии военного образца должны были давать пример еще большей организованности. Для вовлечения масс в непосредственную уличную борьбу Ленин рекомендовал военные организации, которые имели бы своей ячейкой «очень мелкие, вольные союзы, десятки, пятки, может-быть, даже тройки». Эти пятки—вольные союзы борцов за свободу—должны были создаваться без особых формальностей. «Поменьше формальностей, поменьше волокиты, побольше простоты в организации, которая должна обладать максимумом подвижности и гибкости» («Роспуск думы» и «Уроки московского восстания», VII т., 2 ч., 51, 19 стр.).

Опыт московского восстания целиком подтвердил ценность именно такой формы организации боевых выступлений. А меньшевики только хихикали на тему о ленинских «пятках» и «тройках» и не смогли наметить никакой организационной формы для вооруженной борьбы пролетариата.

4. Между двумя революциями.

Мы видели, что даже в период конституционных свобод большевики считали, что крепкая нелегальная организация должна быть необходимой опорой партии. После поражения первой революции, особенно после разгона 2-й думы и в период столыпинских расстрелов, «легальные возможности» были сведены на-нет, и единственно возможной формой организации была нелегальная. Как раз в эти годы меньшевики (и небольшая часть большевиков) стали проповедывать ненужность нелегальной организации, которая, якобы, вырождается в кружковщину, отрывается от масс, и пр., и пр. Создалось течение «ликвидаторов».

Наша партия характеризовала это течение, как «попытку некоторой части партийной интеллигенции ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни

стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии» (резолюции конференций 1908 и 1912 гг.).

Фактически борьба за ликвидацию партии сопровождалась общим «пересмотром марксизма», исходившим из меньшевистских рядов. Так, если одни особенно нападали на нелегальную партию, то другие оспаривали принцип гегемонии пролетариата; третьи обрушивались на философский материализм Маркса; четвертые восставали против интернационализма пролетарского социализма; пятые вносили поправки в экономическую теорию Маркса. Таким образом, ликвидаторство было ярким выражением оппортунизма и ревизионизма в русском рабочем движении.

Само собой понятно, что ликвидация подпольной организации (за что особенно боролись оппортунисты), в сущности равнялась ликвидации партии вообще. Большевики, напротив, настаивали как-раз на укреплении нелегальной организации, на создании партийных ячеек во всех областях работы, во всех предприятиях и общественных организациях. Партийные нелегальные ячейки должны были явиться опорными пунктами для организационной, агитационной и пропагандистской работы среди массы. Тогда «два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою партийную линию, воздействовать на среду в духе всей партии» («На дорогу», XI т., 1 ч., 215 стр.). Так давалась программа для тех ячеек партии, которые после 1917 г. развились в такую гигантскую силу.

Ленин указывал, что даже при царских порядках эпохи Плеве социал-демократы сумели создать партию, руководившую классом. «Весной 1905 г. наша партия была союзом подпольных кружков, осенью она стала партией миллионов пролетариата».

Восставая против нелегальной партии, меньшевики вносили полнейшую путаницу в основной вопрос об отношении класса к партии. Они забывали, что партия в капиталистической обстановке всегда объединяет лишь передовой отряд рабочего класса.

Ленин указывал, что, например, в Германии партия объ-

единяет всего миллион членов при 15 миллионах рабочих, но при голосовании за социал-демократами еще идет 4¼ миллиона. Таким образом, миллион—это партия, 4¼ миллиона—это широкий слой пролетариата, примыкающий к партии; через него партия смыкается со всей массой рабочего класса, питающего партию. «Партия—сознательный, передовой слой класса, его авангард. Сила этого авангарда в 10, в 100 раз и более велика, чем его численность.

«Возможно ли это? Может ли сила сотен превышать силу тысяч?

«Может и превышает, когда сотня организована.

«Организация удесятеряет силы... Сознательность передового отряда в том, между прочим, и проявляется, что он умеет организоваться. А, организуясь, он получает единую волю, и эта единая воля передовой тысячи, сотни тысяч, миллиона становится волей класса. Посредником между партией и классом является широкий слой (шире партии, но уже класса)—слой голосующих за социал-демократов, слой помогающих, слой сочувствующих и т. д.». («Как В. Засулич убивает ликвидаторство», XII т., 2 ч., 588 стр.).

Характеризуя революционный подъем, который начался в стране незадолго перед войной, Ленин указывал на все значение нелегальной партии даже при всей ее малочисленности. В ответ на издевательства меньшевиков, говоривших, что большевистская партия насчитывает лишь 2—3 сотни подпольщиков, Ленин писал: «Две-три сотни „подпольщиков" выражают интересы и нужды миллионов и десятков миллионов, говоря им правду об их безвыходном положении, раскрывая им глаза на необходимость революционной борьбы, внушая им веру в нее, давая им правильные лозунги, вырывая эти массы из-под влияния широковещательных и насквозь лживых реформистских лозунгов буржуазии. А „два-три" десятка интеллигентских ликвидаторов, одурачивая неразвитых рабочих на денежки, собранные с заграницы и с либеральных купцов, проводят в рабочую среду лозунги этой буржуазии» («Маевка революционного пролетариата», XII т., 2 ч., 159 стр.).

Троцкий в это время объяснял успех большевизма тем, что передовые рабочие России находятся в «полной политической растерянности». Сам Троцкий все время колебался

между различными течениями в нашей партии, фактически помогая своими выступлениями ликвидаторам и другим врагам партии. «Троцкий повторяет ликвидаторские клеветы на партию, боясь прикоснуться к истории двадцатилетней борьбы течений внутри партии»,—писал Ленин.

Ленин указывал, что пролетариат России, высказавшись на 3/4 за большевиков, тем самым фактически создает единство партии, а меньшевики, Троцкий и др., создают фракционность. При строительстве партии колеблющиеся, переходящие то туда, то сюда, опаснее, чем явные враги. Поэтому Ленин резко нападал на тогдашнюю позицию т. Троцкого, пытавшегося создать свою особую фракцию. Ленин писал: «Троцкий был ярым „искровцем" в 1901—1903 годах, и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 г. ролью „ленинской дубинки". В конце 1903 года Троцкий—ярый меньшевик, т.-е. от искровцев перебежавший к „экономистам", он провозглашает, что „между старой и новой «Искрой» лежит пропасть". В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартовым („экономисты"), то провозглашая несуразно-левую „перманентную революцию". В 1906—1907 г. он подходит к большевикам и весной 1907 г. заявляет себя солидарным с Розой Люксембург. В эпоху распада, после долгих „нефракционных" колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 г. входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела их же идейки» («О нарушении единства», XII т., 2 ч., 462—463 стр.).

В то время как меньшевики издевались и хихикали над всеми попытками восстановить партию после разгрома, Ленин призывал к упорной работе в подполье и рисовал перспективы нового революционного подъема. Предвещая 1917 г., он писал: «Мы сумеем работать опять так же выдержанно и упорно, как работали до революции, чтобы не порвалась партийная традиция, чтобы укрепилась партия и могла руководить во вторую кампанию не 2—3 миллионами пролетариев, а впятеро, вдесятеро большим числом. Вы не верите в эту задачу? Вам скучна она? Скатертью дорога, почтеннейшие: вы не революционеры, вы просто—крикуны!» («О некоторых чертах соврем. распада», XI т., 1 ч., 95, 96 стр.).

В эти же годы реакции и развала сама большевистская

партия перенесла ряд фракционных потрясений. В наших рядах выделились группы товарищей («отзовисты», «ультиматисты»), которые резко разошлись с основной организационной и тактической линией большевизма.

В этот период в гос. думе существовала группа с.-д. депутатов. «Ультиматисты» предлагали предъявить думской с.-д. фракции ультиматум—быть строго партийной и подчиняться постановлениям партийных центров, или отказаться от депутатских полномочий. «Отзовисты» вообще требовали отозвания с.-д. депутатов из думы. То и другое приводило в сущности к полному отказу от участия в думской работе и от систематического и неуклонного втягивания с.-д. депутатов в партийную работу.

Ленин указывал, что этот «парламентский кретинизм наизнанку» есть выявление оппортунистических тенденций в партии, и энергично возражал против попыток отказаться от использования думской трибуны для пропаганды с.-д. идей.

В эту же пору Ленину пришлось вести борьбу против тех групп, которые пытались занимать позицию центра между большевиками и меньшевиками и любили выступать под флагом «нефракционности», фактически являясь типичными фракционерами. В таком положении находилась тогда группа, руководимая тов. Троцким. Последний резко нападал на большевизм, обвиняя его в раскольничестве. Ленин, характеризуя позицию Троцкого как в эту пору, так и за предъидущее время, отмечал, что неустойчивость позиции Троцкого была всегда на-руку оппортунистическому крылу нашей фракции (см. особенно статью «О нарушении единства», XII т., 2 ч., стр. 445 и следующие).

С конца 1907 г. началась вторая—десятилетняя—эмиграция Ленина. В эти тяжелые годы проклятой оторванности от русских рабочих масс Ленин упорно, терпеливо, камень за камнем выкладывает полуразрушенное партийное здание. В 1910 г. собрался последний пленум ЦК, на котором были представлены и большевики, и меньшевики, объединившиеся на стокгольмском съезде в 1906 г., хотя фактически сохранившие свои внутренние руководящие центральные органы.

В начале 1912 г. большевики созвали конференцию в Праге, которая формально провозгласила большевистские организации партией. Так произошел окончательный разрыв

с меньшевиками. Он совпал с новым подъемом рабочего движения.

В связи с ленским расстрелом (1912 г.) по всей стране прокатилась волна стачек и демонстраций. Было ясно, что страна вступила в полосу нового революционного подъема. Этот революционный подъем не был неожиданным. Анализ цифр, касающихся забастовок, ясно это показывает.

За 10 лет перед первой революцией, в 1894—95 гг. среднее число стачечников было около 43.000 в год. Эпоха революции показала невиданный в мире подъем стачечной борьбы пролетариата. В 1905 году бастовало 2¾ миллиона, в 1906 г. один миллион, в 1907 г. ¾ миллиона. Затем наступает период реакции—1908—1910 гг. Число стачечников в 1909 г.—60.000, в 1910 г.—50.000. В конце 1910 г. начинается поворот. В крупных городах происходят демонстрации; 1911 г. обнаруживает уже перелом в настроении рабочих масс. Число стачечников доходит до 100 тысяч. Снова отмечаются демонстрации, митинги, оживление студенческого революционного движения.

«Ленский расстрел,—по выражению Ленина,—явился точнейшим отражением всего режима третьеиюньской монархии». Он подействовал на рабочее движение точно так же, как в 1905 г. 9 января. Число бастовавших в 1912 г. значительно превысило миллион человек даже по официальным данным. В 1912 г. бастовало фактически более половины всего числа рабочих в России. Оценивая растущее движение, Ленин писал: «Чтобы поддерживать и развивать движение масс, нужна организация и организация. Без нелегальной партии нельзя вести этой работы и не к чему попусту говорить о ней» («Революционный подъем», XII т., 1 ч., 190 стр.).

Ленские события 1912 г. явились поворотом в ходе рабочего движения. В это же время большевистская еженедельная «Звезда» (в Петербурге) была заменена ежедневной «Правдой» (апрель 1912 г.). В третий раз большевистские силы стали объединяться, главным образом, при помощи органа печати.

«Правда», выходившая в 1912—14 гг., в эпоху нового подъема рабочего движения, стала могучим организующим началом русского пролетариата. Сборы денег на «Правду»,

создание сети агентов для распространения газеты, подбор корреспондентов с заводов и фабрик,—все это было средством для организации партии, для укрепления большевистских идей в массе пролетариата.

Ленин придавал «Правде» чрезвычайно большое значение. Он деятельно сотрудничал в ней сам и побуждал писать других товарищей. Он внимательно следил за распространением газеты и особенно часто анализировал ход сборов на газету и участие в них рабочих. Он с торжеством констатировал, например, что за два года, 1912 и 1913, «Правде» помогали деньгами 2.801 рабочая группа, в то время как меньшевистский «Луч», поддерживали лишь 740 групп. На 1 апреля 1914 г. предварительный подсчет дал 4.000 рабочих групп за «Правду» и 1.000 за ликвидаторов.

Когда был организован день рабочей печати, то на призыв «Правды» откликнулось 1.915 рабочих групп, собравших в ее фонд 16 т. с лишним рублей, а на призыв меньшевистской ликвидаторской газеты откликнулось 588 рабочих групп, собравших 6½ тысяч (см. „Итоги полугодовой работы", т. XII, ч. 1, стр. 241 и следующие, «О нарушении единства», т. XII, ч. 2, стр. 453, «Об итогах дня рабочей печати», т. XII, ч. 2, стр. 556).

Эти цифры явно свидетельствовали о том, что рабочий класс России все больше и больше склоняется к большевистским взглядам.

К моменту начала мировой войны (июль 1914 г.) тираж газеты, характер взносов на ее поддержку, сеть рабочих корреспондентов,—все свидетельствовало о том, что идеи большевизма крепко захватили передовые слои пролетариата и меньшевизм имеет уже слабые корни. Тот факт, что на выборах в 4-ю думу (1912 г.) все депутаты от рабочей курии были большевики, был лишним доказательством этого успеха ленинизма в России.

Анализируя в эту пору положение в стране, Ленин указывал, что налицо политический кризис общенационального масштаба. При этом этот кризис касается не каких-либо частностей, а захватывает самые основы государственного устройства, поэтому выход из него может быть лишь революционным.

Бурная июльская забастовка в Петрограде (1914 г.) напомнила 1905 год своим размахом и подъемом. Начавшаяся война прервала поступательный ход рабочей борьбы. «Правда» была закрыта.

Думская фракция была арестована и сослана в Сибирь. Настала новая полоса мировой реакции, когда Ленину пришлось начать борьбу против шовинизма и предательства вождей социал-демократии. Наша партия оказалась единственной, твердо устоявшей на позиции марксизма, и за это она вытерпела тяжелые удары, почти вконец ее разрушившие. Но крепкая идейная спайка дала свои плоды, и при первых ударах революционного грома партия стала быстро возрождаться. Через восемь месяцев после того, как она вышла из подполья, она была уже у власти. Это могло совершиться только на основе опыта 1905—1906 гг. и годов тяжелой реакции.

5. Партия у власти.

В одной статье, написанной во время войны, Ленин, касаясь вопросов организации партии, отмечал, что хорошим образцом для нее может служить современное войско. «Хороша эта организация только потому, что она гибка, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю». «Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружие сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы». Такой и должна быть организация рабочего класса. Сегодня нет революционной ситуации,—бери избирательный бюллетень и организуй агитацию через парламент. Завтра тебе дали ружье,—бери его, ибо на свете еще слишком много такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса», но умей пустить в ход орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии. («Крах II Интернационала», I т., 175—176 стр.).

Эту организационную и политическую гибкость наша партия, под руководством Ленина, целиком показала в 1917 г. Ленин дал лозунг захвата власти, организации восстания.

И наша партия сумела так перестроить свои ряды и приспособить свою тактику, что ей досталась победа *).

Став у власти, партия продолжала умножать свои силы и развивать свою работу на основе установленного годами принципа демократического централизма. Условия диктатуры пролетариата требовали от партии максимального единства и сплоченности, строжайшей выдержанности линии, полной твердости при проведении решений. Поэтому в эти годы Ленин особенное внимание обращает именно на эти организационные вопросы.

Еще в своих ранних статьях (1899 г.) Ленин писал, что он остается «под знаком ортодоксии» и решительно отвергает всякую эклектику в философии или политической экономии. Он стоял за марксистскую непримиримость (см. II т., 496 стр., и III т., 522—524 стр.). Подводя итоги своей борьбе с Струве и народниками, Ленин отмечает «политическую ценность непримиримой теоретической полемики» и оправдывает необходимость расколов с оппортунистами (VIII т., 474 стр.).

«Непримиримость есть сила»,—говорил Ленин в полемике против социал-шовинистов. В революционной борьбе теоретическая непримиримость должна быть связана с организационной четкостью. «Самостоятельная, непримиримо марксистская партия революционного пролетариата—единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний»,—писал Ленин сейчас же после 9-го января. Поэтому он возражал против склеивания воедино различных элементов, якобы, ради боевого единства, а фактически лишь «для взаимных трений и горьких разочарований» («О боевом соглашении», VI т., 82 стр.).

Именно в целях единства партии Ленин несколько раз выступал против раскольничества меньшевиков. Когда 31 меньшевик затеяли втихомолку, за спиной рабочего класса, переговоры с кадетами о местечках в гос. думу (1907 г.), Ленин решительно обрушился на меньшевиков, как на нарушивших директивы партии и отколовшихся. Когда Ленина обвиняли, что он чересчур резко отозвался о меньшевиках, он отвечал: я говорил не о товарищах по партии, а о тех, кто откололся,

---

*) Об организации Октябрьской революции см. подробнее в моей книге „Принципы организации", 3-е изд. 1924 г.

создал раскол, и всегда буду поступать так. «Своими резкими, оскорбительными нападками на меньшевиков накануне выборов в СПБ я... заставил дрогнуть ряды верящего и идущего за ними пролетариата. Это была моя цель. Это был мой долг... Надо было возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям, которые перестали быть членами единой партии, которые стали политическими врагами, ставящими нашей с.-д. организации подножку в ее выборной кампании. По отношению к таким политическим врагам я вел тогда—и в случае повторения и развития раскола буду вести всегда—борьбу истребительную» («Доклад V съезду РСДРП о спб. расколе», XVIII т., 2 ч., 155 стр.).

С другой стороны, Ленин требовал самого решительного исключения из партии всех оппортунистических элементов. Еще в «Искре» Ленин повторял слова Лассаля: «Партия укрепляет себя тем, что очищает себя». Партия распалась бы,—говорил он в 1905 г.,—если бы она «не очищала себя от членов, проповедующих антипартийные взгляды». В период мировой войны Ленин звал к решительной борьбе с оппортунистами. Надо не порицать социал-шовинистов, а «разоблачать беспощадно, свергать, снимать с постов... разрушать их единство с рабочим движением». Надо было отсекать оппортунизм, чтобы партия была крепкой, здоровой и цельной.

Много раз в период строительства партии Ленин говорил о вреде колебаний и об опасности для партии всех колеблющихся. Прибавка колеблющихся к действительно революционным элементам «не всегда дает плюс, чаще—минус». Колебания в решительный момент губят партию, губят революцию. Поэтому так резко обрушивался Ленин на тех товарищей, которые возражали против захвата власти в октябре. К колеблющимся элементам партии надо «быть беспощадным».

Обсуждая положение советской республики в Венгрии и роль с.-д., перешедших к коммунистам, Ленин писал, что «искренно объявивший себя коммунистом человек, который на деле, вместо беспощадно твердой, неуклонной, решительной, беззаветно смелой и геройской политики (только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата), колеблется и малодушничает,—подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительно-

стью совершает такую же измену, как непосредственный предатель». И он добавляет к этому: «В личном смысле, разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика—это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти» («Заметки публициста»; XVII т., 15 стр.).

Касаясь в связи с итальянскими событиями вопроса о борьбе пролетариата за власть, Ленин говорил: «Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, нельзя победить в пролетарской революции, нельзя отстоять ее». В момент решающих боев нужно даже удалить с ответственных постов превосходных коммунистов, способных колебаться. «Накануне революции и в моменты самой ожесточенной борьбы за ее победу малейшие колебания внутри партии способны погубить все, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата... Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию» («Фальшивые речи о свободе», XVII т., 372, 373 стр.).

Колеблющиеся не знают, чего хотят, и поэтому не могут победить. Если колеблющиеся останутся вне наших рядов, они больше принесут пользы, разлагая своими колебаниями ряды наших врагов.

Во время дискуссии о профессиональных союзах и на X съезде партии (1921 г.) Ленину пришлось особенно много повоевать ради единства партии и против фракционности. Ленин писал, что в стране, где уже существует диктатура пролетариата, «раскол среди пролетариата или между пролетарской партией и массой пролетариата является уже не только опасным, но и опаснейшим, особенно если в этой стране пролетариат составляет небольшое меньшинство населения». «Большие разногласия родятся из самых ничтожных вначале расхождений, ничтожная ранка превращается в опаснейшую, смертельную болезнь... Любое, даже ничтожное, расхождение может стать политически опасным, если является возможность того, что оно разрастается в раскол, и притом такого именно рода раскол, который способен поколебать и

разрушить все политическое здание» («Еще раз о профсоюзах», XVIII т., 1 ч., 42 стр.).

X съезд партии вплотную занялся вопросами о течениях и фракциях в партии. Он отметил в особой резолюции наличие в партии синдикалистского уклона, проявленного «рабочей оппозицией» (Шляпников, Медведев и др.). Рабочая оппозиция выдвигала, напр., тезис, что «организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики». Таким образом, пускался в оборот термин «производитель», объединяющий пролетария с мелким товаропроизводителем, партия фактически подчинялась беспартийной стихии, и общая марксистская постановка вопроса об отношении партии и класса резко извращалась.

Кроме того, X съезд осудил и другие попытки создать фракции, особенно во время дискуссии о профсоюзах. (О создании Троцким фракции Ленин писал еще во время дискуссии).

Резолюция о единстве партии, написанная Лениным, указывала на необходимость, «чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы» и ослабляет единство воли авангарда пролетариата.

Съезд предписывает «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии».

Последний параграф этой резолюции (оставшийся до 1924 г. неопубликованным) давал право совместному заседанию ЦК и ЦКК перевести в кандидаты и даже исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения им партдисциплины или допущения фракционности.

Ленин ясно понимал всю губительность фракционности и считал нужным бороться против нее самым непримиримым

образом, «не взирая на лица». Единство, монолитность партии пролетариата стало основным правилом нашей работы.

В следующих главах (напр., «Пролетариат и государство» и др.) нам придется в другой связи коснуться роли пролетарской партии после захвата власти. В данном месте нам приходится ограничиться лишь этими замечаниями.

6. Профсоюзы.

В борьбе с экономистами Ленин выдвигал политическую борьбу пролетариата, как центральный лозунг движения. Но это отнюдь не значило, что роль профессионального движения им недооценивалась.

Если посмотреть первые литературные работы Ленина и ознакомиться с его практической деятельностью, например, в Петербурге в середине 90-х годов, мы увидим, как много сил и внимания он уделял именно профессиональной борьбе за непосредственные экономические улучшения положения рабочих. В «Что делать?» особенно большое место уделялось именно профессиональному движению.

Но в отличие от «экономистов» Ленин не выдвигал борьбу экономическую, как главнейшую, основную или единственную. И роль профсоюзов, в представлении Ленина, была подчиненной по сравнению со значением партии, руководившей политической борьбой пролетариата. Однако, Ленин в эту пору высказывался за нейтральность профессиональных союзов, т.-е. за независимость их от партии. Только к концу первой революции, в период Лондонского съезда партии и Штуттгартского конгресса (1907 г.) Ленин изменил свою позицию и стал высказываться против нейтралитета и за теснейшее сближение союзов и партии, как единственно правильный лозунг *).

Уже на Стокгольмском съезде большевики вносили резо-

---

*) Об этой перемене позиции Ленин сам говорит в предисловии к сборнику „За 12 лет", VIII т., 483 стр. Совершенно неправ поэтому т. Гиринис, который в брошюре „Ленин и профдвижение" утверждает, что основные взгляды на профсоюзы, развивавшиеся Лениным в „Что делать?", остались без изменения. Как-раз по самому коренному вопросу—вопросу о нейтральности—позиция Ленина резко изменилась.

люцию о профсоюзах, говорившую о необходимости завоевания партией фактически руководящей роли в профсоюзах. На Лондонском съезде (1907 г.) была принята большевистская резолюция, которая клала конец принципу нейтральности. Одной из основных задач социал-демократической работы в профсоюзах намечалось «содействие признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установление организационной связи с ней».

Комментируя это постановление, Ленин писал, что таким образом при известных условиях союзы могут быть признаны партийными (см. «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», VIII т., 501 стр.).

Так наметился резкий водораздел с меньшевизмом и оппортунизмом. Социал-оппортунисты решительно продолжали защищать независимость (нейтральность) профсоюзов, большевики стояли за партийность. Борясь за диктатуру пролетариата, за железное единство рабочего движения, большевизм, естественно, не мог примириться с тем, чтобы экономические организации пролетариата (где к тому же оппортунисты были особенно активны) оставались вне непосредственного воздействия и руководства партии.

В период реакции (после 1907 г.) большевизм добивался создания в профсоюзах партийных ячеек, которые могли бы выявлять и проводить волю партии.

После Октября меньшевики с еще большей яростью продолжали защищать идею нейтральности профдвижения. Но уже первый съезд профсоюзов (1918 г.) принял большевистскую резолюцию, отчетливо говорившую: «Нет и не может быть нейтральности в великой исторической тяжбе между революционным социализмом и его противниками».

В своей речи на втором съезде профсоюзов (январь 1919 г.) Ленин указывал, что идет спор между двумя диктатурами, и, если профессиональные союзы провозгласят независимость и нейтральность, это будет фактически означать переход на сторону буржуазии против пролетарской диктатуры. После перехода власти к пролетариату, роль профсоюзов, естественно, меняется. Приходится думать об огосударствлении профсоюзов, т.-е. дальнейшем слиянии профсоюзов с организацией государственной власти.

Через профсоюзы мы должны привлечь массу к государ-

ственной работе, к строительству социализма. Профсоюзы уже выделили людей для Совета Нар. Хозяйства. В дальнейшем им придется еще более усилить работу хозяйственного строительства. Профсоюзы должны превратиться в орган воспитания широких масс для дела управления государством и организации хозяйства, при этом они должны научить массу управлять не по-книжному, не лекциями и митингами, а непосредственным опытом.

Так профсоюзы «становятся главными созидателями нового общества, потому что созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы. Социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов».

Основная задача профсоюзов при диктатуре пролетариата—быть строителями новой жизни, быть воспитателями новых миллионов, которые бы на своем опыте учились управлять государством и производством (см. речь «О профсоюзах», XVI т., 23 стр.).

В «Детской болезни „левизны"» Ленин указывал, что профсоюзы означали гигантский прогресс рабочего движения в начале развития капитализма. В период же возникновения революционной партии пролетариата (этой «высшей формы классового объединения») они стали проявлять известную цеховую узость, косность, реакционность. Партии приходилось воспитывать профсоюзы, руководить ими. После завоевания власти профсоюзы остаются в течение долгого времени «школой коммунизма» и необходимым объединением пролетариата в деле управления страной и хозяйством. Партия непосредственно опирается на профсоюзы в своей работе, через них она тесно связывается с классом и массой. Именно через эту связь осуществляется диктатура класса.

Во время дискуссии о профсоюзах (1921 г.) Ленин кратко формулировал отношения партии и профсоюзов так: «Партия—это непосредственно правящий авангард пролетариата, это—руководитель... Профсоюзы—резервуар государственной власти, школа коммунизма, школа хозяйничанья» («Еще раз о профсоюзах», XVIII т., 1 ч., 64 стр.).

Профсоюзы охватывают при диктатуре пролетариата весь рабочий класс почти поголовно. Но, несмотря на то, что

они впитывают в себя господствующий правящий класс, они не являются организациями государственными, а скорее воспитательными, представляя собой школу управления и хозяйничанья. Профсоюзы стоят между партией и государственной властью,—это своего рода привод от авангарда к массе рабочего класса.

«Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществить диктатуру, нельзя выполнить государственные функции. ...Профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это—с одной стороны. С другой стороны, профсоюзы—„резервуар" государственной власти» («О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого», XVIII т., 1 ч., 8 стр.).

Ленин отмечал также, что защита материальных и духовных интересов рабочего класса остается задачей профсоюзов даже и в рабочем государстве.

Касаясь брошюры Троцкого по этому вопросу, Ленин выражал удивление, «какое количество теоретических ошибок и вопиющих ненормальностей сконцентрировано в ней». Троцкий не учел наличия сложной системы «приводов» между авангардом пролетариата и всей массой трудящихся. Суть разногласий с Троцким была как-раз «из-за расхождения по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой». Троцкий стоял за методы военного коммунизма в отношении профсоюзов, за их «перетряхиванье» и т. д. X съезд партии с большим единодушием отверг позицию Троцкого и высказался за точку зрения Ленина.

Место профсоюзов в общей системе организации класса и диктатуры было, таким образом, ясно определено.

Глава VI.

Крестьянство в революции.

1. Крестьянство в России.

Революционеры 70-х и 80-х гг. особое внимание обращали на крестьянство. Народники все свои надежды возлагали на деревню. Борясь против народнических теорий и анализируя условия развития капитализма в России, Ленин должен был обратиться к изучению аграрных отношений России. С другой стороны, нельзя было думать о победе над самодержавием, если не учесть роли крестьянства. Неудивительно поэтому, что первые статьи Ленина и первая большая научная работа были посвящены именно крестьянству.

Ленин построил свой анализ положения русской деревни на тщательном изучении обширного фактического и цифрового материала. Много десятков томов земских статистических обследований было им использовано, при чем цифровые данные пришлось критически проверить и совсем иначе сгруппировать. Народнически настроенные статистики того времени очень часто, например, оперировали с «средними цифрами», которые искажали действительность (напр., говорили о среднем размере аренды, сваливая в одну кучу и бедняков, и кулаков).

Народнические исследования крестьянства и их сводные статистические работы точно так же страдали крупными дефектами. Один из авторов, напр., изучая важный вопрос крестьянской жизни (общину), сводил вместе данные, относившиеся к различным районам России с совершенно различными хозяйственными условиями (В. В.). Другой, опи-

сывая одну сторону крестьянского хозяйства (крестьянские вненадельные аренды), совсем не касался других сторон его и таким образом искусственно изолировал от всей обстановки (Карышев).

Ленин, памятуя принцип диалектики, подошел к изучению аграрного вопроса во всем его разнообразии и сложности, рассматривая отдельные стороны крестьянского хозяйства в их движении и как элементы единого целого.

Основное положение, защищавшееся Лениным, гласило: капитал уже проник в русскую деревню и прочно там укрепился. Он выполняет прогрессивную роль, освобождая деревню от пережитков крепостничества, создавая внутренний рынок для индустрии. Налицо расслоение деревни.

Наиболее подробно все эти вопросы были разработаны в книге «Развитие капитализма в России». Ленин показал там, что общественно-экономическая обстановка, в какой находится крестьянин, есть товарное хозяйство. Крестьянин целиком подчинен рынку. В деревне налицо типично-капиталистические отношения: конкуренция, сосредоточение производства в руках меньшинства, пролетаризация, рост применения наемного труда и машин и т. д. Капитализм опирается на то самое крестьянство, которое в глазах народников является его врагом.

Марксистский анализ Ленина особенно тщательно коснулся вопроса классового расслоения деревни и борющихся в ней сил. Уже в самой первой нам известной статье (1893 г., «Новые хозяйственные движения в крестьянстве») Ленин говорит, главным образом, на эту тему. Разбирая статистическую работу Постникова, он указывал на существование в деревне резкого расслоения крестьянства на маломощное, не сеющее (около 40% в Таврич. г.), среднее (тоже ок. 40%) и зажиточное, кулацкое (ок. 20%). Тут же он констатировал наличие не только глубокой розни в среде крестьянства, но и борьбы экономических интересов, т.-е. классовой борьбы. Народники, как известно, всегда оперировали с понятием «крестьянин», «крестьянское хозяйство», совершенно не отдавая отчета, что «есть мужик и мужик», есть богач и есть пролетарий.

В «Друзьях народа» Ленин снова касается расслоения деревни и образования там различных классовых группиро-

вок. Он приводит статистические таблицы, иллюстрирующие характер этого расслоения.

Наиболее полно вопрос о расслоении деревни разработан в книге «Развитие капитализма в России». Рассматривая данные военно-конских переписей, Ленин показал, что из 10,2 миллионов крестьянских дворов одна пятая (2,9 милл., т.-е. 22%) имеет больше половины всех лошадей ($9^1/_2$ милл. из 17 милл., т.-е. 56,3%), зато громадная масса дворов—почти три миллиона (2,8)—совсем безлошадны, а 2,9 милл. дворов имеют лишь по одной лошади. За десятилетие (к концу XIX в.) эта экспроприация крестьянства пошла еще быстрее. Число безлошадных увеличилось, число богатых дворов несколько уменьшилось (III т., 103—106 стр.).

В крестьянской стомиллионной массе выделились, таким образом, три основные группы: низшая—пролетарская и полупролетарская, средняя—беднейшие мелкие хозяева и высшая—зажиточные мелкие хозяева. Ленин давал подробную характеристику этих групп.

Сельский пролетариат—это класс наемных рабочих с наделом. Конечно, в эту категорию входят безземельные, но «типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом». К той же группе Ленин считал возможным отнести всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян. Эта группа составляет в целом около $^1/_2$ всех дворов (0,4 населения).

Среднее крестьянство отличается наименьшим развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд лишь в лучший год покрывает его нужды. Этот слой находится в неустойчивом равновесии между высшей и низшей группами. Численность его—около трети дворов.

Зажиточное крестьянство является типичной сельской буржуазией. Для него типично соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями. Именно оно широко арендует землю для продажи хлеба. Получаемые средства обращаются на торговые или ростовщические операции. Численно кулачество составляет около $^1/_5$ части всех дворов (0,3 населения), но фактически «оно—господин современной деревни».

Несколько округляя цифры, мы имеем около 48 милл. про-

летарского и полупролетарского населения, около 29 милл. беднейших хозяев (середняков) и около 19 милл. зажиточного крестьянства (с членами семей).

Делая на основании этих подсчетов общую сводку расслоения населения России по классам, Ленин давал такую таблицу:

Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и пр. .	3 0 милл.
Зажиточные мелкие хозяева.	23,1 „
Беднейшие мелкие хозяева	35,8 „
Пролетарии (ок. 22 милл.) и полупролетарии. . . .	63,7 „
Всего	125,6 милл.

Таково было соотношение классов России перед первой революцией (III т., 132—136, 409—410 стр.).

В своей работе, вышедшей уже после революции 1905 г., Ленин дал анализ земельных отношений на основании данных, относившихся как-раз к году революции.

Пригодная для земледелия земля распределялась так: частновладельческой 101,7 милл. дес., надельной 138,8 милл. дес., казенной и учреждений 39,5 милл. (всего 280 милл. дес.).

Распределение надельной земли сразу показывает характер расслоения крестьянства: 6,2 милл. дворов (из 12,3 милл. дворов Евр. России, т.-е. больше половины) имели меньше 8 десятин на двор. До 15 дес. имели 10,1 милл. дворов, т.-е. свыше $^4/_5$ общего числа дворов,—у них 72,9 милл. дес. земли, т.-е. около половины всей площади. Средние и зажиточные слои, 2,2 милл. дворов, имели 63 милл. дес. Из этой группы надо выделить богачей, имеющих больше 30 дес. на двор,—их только $^1/_{12}$ часть всех дворов, но они владеют четвертью всей земельной площади. Первое место в этой группе занимают казаки,—подавляющее число казацких дворов именно в этой категории (вспомним эпоху гражданской войны, калединщину и пр.).

Учитывая данные также и конских переписей, можно сказать, что в период первой революции около половины деревенского населения составляла беднота, около трети—середняки, около десятой части—кулаки.

Как же распределялась частновладельческая земля? Из 101 милл. ок. 16 милл. принадлежало обществам и товариществам, главным образом, крестьянским. Из 85,8 милл. дес.

остальной частновладельческой земли 699 крупнейших помещиков имели по 30 тысяч десятин каждый (в среднем) и почти 1/4 всей частновладельческой земли. Из 753 тысяч земельных собственников 619 тыс. имели до 50 дес. (и всего 6 1/2 милл. дес.). Зато 28 тыс. помещиков имели свыше 500 дес. каждый и владели 62 милл. земли, т.-е. в среднем по 2.227 дес. на одного. Большая часть этих владельцев—дворяне.

Общее распределение земельной площади России выражалось в такой таблице:

	Число владений (в миллионах).	Число дес. земли (в миллионах).	Средн. на 1 владельца десятин.
1. Разоренное крестьянство. . .	10,5	75	7
2. Среднее крестьянство. . . .	1,0	15	15
3. Крестьянск. буржуазия и капиталисты-землевладельцы. .	1,5	70	46,7
4. Крепостнические латифундии.	0,03	70	2333
Не распределено по владельц.	—	50	—
Всего . .	13,03	280	—

Эта выразительная таблица сопровождалась таким комментарием Ленина: «У десяти миллионов крестьянских дворов—73 милл. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов—62 милл. дес. Таков основной фон*) того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю» («Аграрная программа социал-демократии», IX т. 446—450 стр.).

Расслоение деревни и рост товарного, капиталистического землевладения сталкивались с полукрепостническими пережитками, существовавшими в деревне: кабальной, отработочной системой, общиной, неполноправием крестьян, экономической и политической опекой помещиков над крестьянством, и т. д. Крестьянин, борясь за землю, боролся против помещика, против самодержавия. Увеличение крестьянского земельного фонда могло быть сделано одним путем,—отобранием земель у помещика. Переход земли крупных помещиков к маломощному крестьянству мог увеличить площадь

*) В Собрании сочинений „фонд",—видимо, опечатка.

крестьянского хозяйства процентов на 40. Борьба за свободу торговых отношений, за элементарные гражданские права точно так же направляла борьбу крестьянства против помещиков,—ведь, все начальство деревни (земские начальники, предводители дворянства, члены земских управ и т. д.) состояло из помещиков.

Так, в силу хозяйственных и политических условий, крестьянство в своей большей части являлось врагом помещиков и царизма. Борьба за землю превращала деревню в могучий фактор революционной борьбы вообще.

На анализе этих особенностей русской деревни Ленин и строил программу и тактику социал-демократии в аграрном вопросе.

2. Крестьянство и первая революция.

Расслоение крестьянства создавало в деревне пролетарские и полупролетарские слои, которые могли явиться союзниками городских рабочих в деле борьбы не только против самодержавия, но и против капитализма. Главная масса крестьянства, угнетаемая самодержавием и помещиками, давала горючий материал для революции. Политическая борьба крестьянства смыкалась с борьбой пролетарской. Но было ясно в то же время, что крестьянство, кроме совершенно пролетаризированной его части, было мелкобуржуазно, и его положение в капиталистическом обществе двойственно. Политическая прогрессивность в русском крестьянине связывалась с известной экономической реакционностью, поскольку крупное капиталистическое хозяйство стоит выше мелкого.

Эту неустойчивость и двойственность мелкой буржуазии Ленин отмечал не один раз, предлагая всегда учитывать эту особенность типичного крестьянского хозяйства. Уже в «Друзьях народа», отвечая на вопрос, как отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам, Ленин дал точную формулу. Класс мелкой буржуазии, крестьянство, «является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т.-е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задер-

жать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении». («Друзья народа», I т., 199 стр.).

Положение мелкого производителя между пролетариатом и буржуазией в капиталистическом обществе неизбежно заставляет его колебаться между революцией и контр-революцией. «Он хочет освободить себя от гнета капитала и укрепить свое положение, как мелкого собственника. Такая задача по существу неразрешима, и колебания мелкого буржуа, по существу самого устройства современного общества, неизбежны и неустранимы». («Победа кадетов», VII т., 1 ч., 141 стр.).

Учитывая эту реакционную тенденцию крестьянства, надо было суметь правильно использовать революционность его. В этом, в сущности, и была крестьянская проблема как первой, так и последующих революций.

Вопрос об отношении социал-демократии с крестьянством был поставлен уже в программе группы «Освобождение Труда». Там говорилось, что на почве борьбы за программу-минимум «рабочая партия проложит себе путь для сближения с земледельческим населением». Борьба против капитализма будет вестись «рабочей партией и увлеченной ею беднейшей частью крестьянства» *).

Эти формулировки были, конечно, еще достаточно неопределенны.

В «Задачах русских с.-д.» отмечалось, что русский фабричный рабочий не может не сближаться с сельским пролетариатом, с многомиллионной массой профессиональных батраков и поденщиков, а также с тем разоренным крестьянством, которое, держась за мизерные клочки земли, занято отработками и всякими случайными «заработками», т.-е. той же работой по найму.

В «Протесте русских с.-д.» (по поводу «Кредо») вопрос о крестьянстве стоял тоже лишь в этой форме. Там говорилось, что сперва социал-демократия должна сосредоточить свое внимание на работе среди городского пролетариата, но с расширением движения в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти и «домашние рабочие, и кустари, и сель-

*) Вопроса об аграрной программе с.-д. мы не касаемся сейчас, выделяя его в особый параграф.

ские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства».

В «Проекте программы нашей партии» (начало 1900 г.) Ленин уже подробно разбирает вопрос, революционно ли крестьянство, и какую помощь оно может оказать пролетариату в его борьбе. Наш крестьянин страдает от докапиталистических учреждений и отношений и от пережитков крепостничества. «Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России еще нет». В виду этого Ленин предлагал, чтобы «рабочая партия поставила на своем знамени поддержку крестьянства (отнюдь не как класса мелких собственников или мелких хозяев), поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества,—крепостничества вообще и абсолютизма в частности (I т., 387, 388 стр.).

Такого рода формулировку Ленин предлагал сделать и в программе партии. Указав далее на крестьянские восстания, рост недовольства крестьянства, голодовки, распространение сектантства и т. д., Ленин замечал, что «было бы громадной политической ошибкой пройти мимо тех революционных элементов, которые есть в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам».

Конечно, как проявит себя крестьянство при свержении абсолютизма,—вопрос открытый, но если оно будет революционно, а социал-демократия не окажет ему поддержки, она «навсегда потеряет свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию». Ленин считал необходимым, чтобы пролетариат кинул свой революционный призыв крестьянству.

Как видим, пока еще нет речи о союзе с крестьянством, но уже в категорической форме выставлено требование о поддержке крестьянства социал-демократией и революционного руководства крестьянством.

В статье о крестьянстве в «Искре» (№ 3) говорилось о внесении классовой борьбы в деревню, и социал-демократия призывалась вести агитацию среди крестьянства, как возможного союзника в борьбе. На втором съезде партии Ленин цитировал слова Маркса, что дело Коммуны было также

делом и крестьянства, и что к крестьянину можно апеллировать, имея в виду не только его предрассудок (как представителя прошлого), но и его рассудок (как представителя будущего). «Нельзя сомневаться в том, что при известных условиях переход того или иного слоя трудящихся на сторону пролетариата отнюдь не невозможен»,—говорил Ленин и предсказывал время, когда «крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию, как на защитницу ее интересов».

Накануне революции 1905 г. большевистская позиция сводилась к признанию необходимости поддержки крестьянства в его борьбе против помещиков и царизма и к готовности на борьбу с ним, поскольку оно выступает реакционно. Иными словами: вместе со всем крестьянством—против царя, вместе с пролетарскими элементами деревни—против сельской и городской буржуазии.

Сейчас же после 9 января и волны забастовок большевизм формулирует идею диктатуры низших классов, союз рабочих и крестьян для борьбы за демократию. Лозунгом становится «временное правительство пролетариата и крестьянства».

Доказывая неустойчивость, контр-революционность и предательство буржуазии, большевики отмечали, почему именно крестьянство способно быть верным союзником пролетариата в борьбе против царизма. Конечно, крестьянство, включая в себя массу мелкобуржуазных элементов, тоже неустойчиво, но эта неустойчивость совсем иная. Крестьянство заинтересовано, прежде всего, в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов частной собственности,—уже одно это делает его «полным и радикальнейшим сторонником демократической революции». Крестьянин сможет получить всю землю и все преобразования, о которых он мечтает, только при полной победе революции.

Но не только аграрные, но и другие постоянные интересы крестьянства толкают его к борьбе за полную демократию. Ведь, демократический строй, раскрепощая крестьянство, дает возможность выразить его интересы и дать ему преобладание, как массе, как большинству (см., напр., «Две тактики», VI т., 369 стр. и дальше).

Меньшевики в своей тактике в первой революции обычно

сбивались на то, что буржуазную революцию должна делать буржуазия, а пролетариат должен лишь помогать ей. Большевики утверждали, что революцию делают пролетариат и революционное крестьянство, которое вынуждено бороться против самых основ помещичьей власти и связанного с ним самодержавия. Отсюда их тактика: «Пролетариат должен вести за собой крестьянство, не сливаясь с ним, вести против старой власти и старого порядка, парализуя неустойчивость и шаткость либеральной буржуазии». Ведь, по объективному положению, «кадеты „вынуждены" итти к сделке со старой властью, а крестьянская или революционная демократия „вынуждена" итти на решительную борьбу с ней» («Как рассуждает Плеханов о тактике», VII т., 1 ч., 274—275 стр.).

На Лондонском съезде (весна 1907 г.) Ленин указывал, что конфискация всей помещичьей земли и раздел ее поровну означал бы наиболее выгодную и для крестьян, и для пролетариата форму буржуазно-демократического переворота. «Крестьянские идеи об уравнительности, реакционные и утопичные с точки зрения социализма, революционны с точки зрения буржуазного демократизма» (VIII т., 397 стр.). Поэтому никак нельзя сопоставлять реакционность либералов с реакционностью крестьянства, чем так усиленно занимались меньшевики, возражая против большевистской тактики по отношению к крестьянству.

Реакционность крестьянства относится не к борьбе с помещиками и самодержавием, не к происходящей буржуазной революции, а к борьбе с капиталом, т.-е. к социалистической революции, еще не стоявшей тогда в порядке дня. Либералы же были реакционны уже в буржуазной революции, так как стремились к сделке с царизмом. Эта типичная для меньшевиков путаница заставляла их недооценивать революционное значение крестьянства и преувеличивать роль буржуазии в борьбе против самодержавия.

Ленин отмечал, что исход революции в такой аграрной стране, как Россия, больше всего зависит от политического поведения мелкой, преимущественно крестьянской буржуазии. Поэтому необходимы совместные действия пролетариата и крестьянства под руководством партии. «Пусть знают крестьяне, — мы должны на фактах доказать это, — что

только рабочая партия является действительно надежным, до конца верным защитником интересов не только социализма, но и демократии, не только всех трудящихся и эксплоатируемых но и всей крестьянской массы, борющейся против крепостнической эксплоатации» (Доклад на Лондонском съезде о буржуазных партиях, VIII т., 399 стр.).

Но, защищая идею союза пролетариата и крестьянства, большевики отнюдь не разумели в те годы какого-либо слияния партий пролетариата или крестьянства, или даже длительного соглашения. Партия пролетариата должна была сохранить безусловную самостоятельность и руководить крестьянством, как более организованная и прогрессивная сила («К оценке русской революции», XI т., 1 ч., 79 стр.).

Меньшевики, как общее правило, недооценивали значение крестьянства в борьбе пролетариата и скептически относились к революционности крестьянских масс. Троцкий, стоявший несколько особняком, тоже не придавал крестьянству того значения, какое придавали большевики. Он даже защищал теорию захвата власти одним рабочим классом, который будет держать курс на западно-европейскую революцию без какой бы то ни было поддержки со стороны крестьянства. Этот утопический прогноз связывался с теорией «перманентной революции», вызвавшей возражения со стороны большевиков. Эта недооценка Троцким роли крестьянства характерно сказалась в дальнейшем во время дебатов о Брестском мире. Высказываясь против мира, он (в резком контрасте с Лениным) как-раз не давал себе отчета о настроениях и значении крестьянства в этот период революции.

3. Аграрная программа социал-демократии.

Эволюция взглядов большевизма на отношения между крестьянством и пролетариатом сказалась и на тех изменениях, которые претерпевала аграрная программа нашей партии. Основная задача ее была в том, чтобы дать толчок революционной борьбе крестьянства и в то же время не выставлять требований, которые бы сбивались на поддержку мелкого хозяйчика в капиталистическом строе. Вторая половина задачи была более ясна и бесспорна. Могла итти речь, главным образом, о конкретных задачах, которые надо было

выдвинуть. Вопрос же о революционности крестьянства и о его решающей роли в буржуазной революции выяснялся лишь мало-помалу и стал вполне ясным в рядах большевиков только после аграрных восстаний 1902 г. и, главным образом, в период революции 1905 г.

В проекте программы группы «Освобождение Труда» (1885 г.) аграрная программа социал-демократии носила еще чисто-абстрактный характер. Там читаем: «Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным» и т. п. Здесь не указано, таким образом, какого рода «пересмотра» социал-демократия требует. С другой стороны, оставлялась в стороне и вся экономическая основа нашей программы.

В «Друзьях народа» Ленин впервые коснулся вопроса об аграрных требованиях социал-демократии и в частности «отрезков», которые стали оселком будущей программы. Мы читаем здесь: «Несомненно,... что... крестьянская реформа отрезками земель прямо ограбила крестьян в пользу помещиков, сослужив службу этой громадной реакционной силе и непосредственно (охватыванием крестьянской земли), и косвенно (искусным отмежеванием наделов). И социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения—этого оплота крепостнических учреждений и традиций». Ленин поясняет, что это требование, «совпадающее с национализацией земли», дало бы толчок развитию фермерских отношений и могло бы окончательно сломить «благородных помещиков» («Друзья народа», I т., 200 стр.).

Это программное требование полной экспроприации было снова выдвинуто Лениным лишь через десять лет—в период первой революции. Уже очень скоро после написания «Друзей народа» в «проекте программы» 1896 г. мы не видим вовсе этого пункта. Здесь говорится лишь об возвращении крестьянам отрезков, т.-е. дается та формулировка, которая послужила яблоком раздоров и споров в среде социал-демократии в течение целого десятилетия. Политическая роль крестьянства в революции еще не была вполне ясна. И этим

объясняется, вероятно, осторожность формулировки аграрной программы 1896 г. Два первых основных пункта программы гласили: «1) Отмена выкупных платежей и вознаграждение крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращение крестьянам излишне уплаченных в казну денег. 2) Возвращение крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель». (Дальше говорилось об отмене круговой поруки, равенства в обложении и пр. I т., 285 и 410 стр.).

В «программе» 1900 года мы имеем подробное изложение взглядов Ленина на сущность аграрной программы. В этом проекте аграрная программа намечена более подробно и имеет пять пунктов. Она требует: отмены выкупных и оброчных платежей, возвращения народу денег, взятых, как выкупные платежи, отмены круговой поруки, уничтожения всех остатков крепостной зависимости крестьян от помещиков, проистекают ли они от особых законов и учреждений, от отсутствия размежевания или «оттого, что отрезки крестьянской земли помещикам ставят крестьян фактически в безвыходное положение прежних барщинных крестьян», предоставления права требовать через суд понижения аренды. (I т., 390 стр.).

Здесь, таким образом, пункт о возвращении отрезков значительно смягчен, зато выдвинут основной мотив, почему на них социал-демократия обращает внимание: отрезки — источник крепостнической зависимости крестьянства. Ленин поясняет, что в программе лучше не говорить о том, как именно будут уничтожены крепостнические отношения. Весь пересмотр аграрных отношений будет произведен местными крестьянскими комитетами, которые будут решать вопрос в зависимости от местных условий. Но он тут же поясняет, что пересмотр вопроса об отрезных землях «должен вести к возвращению этих земель крестьянам».

Возражение, что такая передача земель от помещиков мелкому землевладению реакционна, Ленин парировал указанием: «Разбираемое требование обусловлено целью „уничтожить остатки крепостной зависимости“... оно относится только к старым хозяйствам чисто-барщинного, в сущности, типа, и по отношению к ним крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений, не реакционно, а прогрессивно».

К пункту о возвращении выкупных платежей Ленин де-

лал разъяснение, что вряд ли это осуществимо без экспроприации удельных земель и усиленной мобилизации дворянских поместий, что, в конце-концов, принесло бы бесспорную пользу общественному движению России. Как известно, пункт об удельных и пр. землях был затем внесен в программу партии (1903 г.), равно как и пункт об образовании крестьянских комитетов.

Таким образом, уже в 1900 г. (по мнению комментаторов собрания сочинений, еще в Пскове, до приезда за границу) аграрная программа имела все существенные черты, которые мы видим в опубликованной «Искрой», а затем принятой вторым съездом программе. Разница сводится, главным образом, к тому, что часть комментариев вошла в самый текст программы.

Комментируя в «Искре» и «Заре» проект аграрной программы, Ленин указывал, что она в русских условиях касается преимущественно вопроса об отношении к крестьянству и должна достигать двух основных целей,—помогать полному устранению остатков крепостничества в деревне и содействовать свободному развитию в деревне классовой борьбы. Эти два начала являлись руководящими при формулировке пунктов программы. Устранение остатков крепостничества нанесло бы удар помещичьему землевладению и царизму и расчистило бы почву для капитализма; внесение начал классовой борьбы помогло объединению пролетарских и полупролетарских слоев деревни с городским пролетариатом в их общей борьбе против капитализма. Первое положение могло сближать социал-демократию с буржуазными партиями, также боровшимися против крепостничества. Вопрос был бы только в степени: буржуа пошли бы на уступки и реформы, социал-демократия не остановилась бы перед самой решительной революционной ломкой. Второе же требование было бы принципиально неприемлемо не только для либералов, но даже для революционных мелкобуржуазных партий, напр., эсеров.

По поводу отрезков Ленин разъяснял, что они являются одним из главнейших источников отработочной системы, т.-е. одного из пережитков крепостничества. В смысле размеров отрезки в наибольшем размере были сделаны в пяти степных губерниях (отрезано было 28% площади земли, быв-

шей у крестьян при крепостном праве), в 14 черноземных отрезано 22%, в 9 нечерноземных—6%.

Уже в период «Искры» Ленину приходилось касаться вопроса об экспроприации всей помещичьей земли. Эту мысль мы видели в «Друзьях народа» (а раньше она высказывалась Плехановым, который указывал, что «черного передела» социал-демократия отнюдь не чурается).

В «Заре» (№ 4, август 1902) Ленин отмечал, что в требовании «черного передела» есть и революционная сторона, «желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя» (IX т., 309 стр.).

В брошюре «К деревенской бедноте» говорилось, что при известных благоприятных условиях «социал-демократы будут советовать деревенским и городским пролетариям требовать отнятия всей земли у помещиков и отдачи ее свободному народному государству» (IX т., 368 стр.).

В полемике с Иксом (Масловым) Ленин указывал, что если крестьянство потребует всей земли (в виде ли национализации, или перехода земли к хозяйственному крестьянству), то мы, социал-демократы, «оценим это требование с точки зрения интересов пролетариата, приняв во внимание все обстоятельства дела» («Ответ т. Иксу», IX т., 382 стр.).

В конце 1903 г. Ленин определенно писал: «От экспроприации всей помещичьей земли социал-демократы, как известно, не отказываются, считая лишь непозволительным и авантюристским включать это, не при всех условиях уместное, требование в программу». («Народничествующая буржуазия», IV т., 279 стр.).

Революционные события начала 1905 года заставляют внести в программу несколько существенных изменений. В марте 1905 г. Ленин предлагает партии резолюцию, где указывается, что социал-демократическая партия «самым энергичным образом поддерживает современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства, и не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией помещичьей земли» («Пролетариат и крестьянство», VI т., 115 стр.).

Одновременно в письме третьему съезду Ленин констатировал, что революционное чувство крестьянина и его первобытный демократизм «не может выразиться иначе, как

в наложении руки на помещичьи земли». Поэтому, вместо требования возвращения отрезков, правильнее внести в программу более широкое требование, оставив отрезки в комментариях к программе. С другой стороны, возражая теперь против национализации, социал-демократия не может себе связывать руки относительно будущего: при демократической республике эта мера может оказаться правильной.

Позднее Ленин признал, что пункт об отрезках был неудовлетворителен, во-первых, потому, что он недооценивал силы крестьянского революционного движения, и, во-вторых, потому, что аграрная программа социал-демократии (с отрезками) «в широких массах порождает недоумение, а партия рабочего класса должна считаться с широкими массами и не может ссылаться на одни комментарии».

Ленин отмечал также, что лозунг «отрезков» не соответствовал практике борьбы: «Движение крестьянских масс не могло направиться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего землевладения вообще». Кроме того, программа недостаточно ясно намечала тип аграрной эволюции (последовательно крестьянской или последовательно юнкерской), который мог восторжествовать при победе тех или иных общественных сил, и не давала учета, из-за чего может и должна развернуться аграрная борьба в русской революции («Аграрная программа социал-демократии», IX т., 474—475 стр.).

Третий съезд (1905 г.) принял предложение Ленина о поддержке революционных мероприятий «вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель», а Таммерфорская конференция того же года выразила пожелание устранить из программы пункты об отрезках и возвращении выкупных платежей и внести в нее заявления из приведенной резолюции о конфискации помещичьих и др. земель. Однако, эти резолюции, говоря о конфискации земель, т.-е. доведении до конца крестьянского восстания, сознательно оставляли открытым вопрос о том, кому и как будут переданы земли, отнятые у помещиков. Вопрос о распределении земли, естественно, должен был бы вызвать борьбу между пролетариями и буржуазией деревни.

Одновременно с этим наметившимся изменением программы большевики начали усиленно призывать к немедлен-

ной организации революционных крестьянских комитетов для руководства борьбой деревни против помещика и царизма. Только революционная инициатива самих крестьян сможет достигнуть наибольших результатов в деле аграрного переворота.

В статье о крестьянстве в «Новой Жизни» (1905 г., ноябрь) широко популяризировавшей идеи большевизма об аграрной программе, давался лозунг: «вся земля крестьянам». «Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. „Всю землю" — это значит не удовлетворяться никакими частичными уступками и подачками, это значит рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности». («Пролетариат и крестьянство», VII т., 1 ч., 16 стр.).

Таким образом, в самом начале революции лозунг конфискации всех земель был выставлен большевизмом с полной определенностью. Перед Стокгольмским съездом Ленин формально предложил внести в программу требование конфискации всех земель (вместо заявления о «поддержке вплоть до конфискации») и упомянуть о национализации земли при известных условиях.

Аграрный вопрос был одним из наиболее боевых на этом съезде (весна 1906 г.). Он ставился в плоскости отношения пролетариата к крестьянству. Плеханов был отчасти прав, указав, что большевистская аграрная программа построена на идее захвата власти революционным крестьянством. Выдвигая лозунг временного революционного правительства рабочих и крестьян, большевики естественно стремились к доведению до конца аграрного переворота, потому что только он один и гарантировал полный разгром помещичьего класса и подготовку условий для захвата власти.

Меньшевики, не доверяя крестьянству, недооценивая его революционную роль, выдвигали ублюдочную программу муниципализации (передачу помещичьей земли местному самоуправлению), которая суживала и затушевывала общенациональную классовую борьбу. При такой системе крестьянская собственность оставалась бы у крестьян, а помещичья передавалась бы им в аренду через демократизированные земства. При этом меньшевики говорили не о конфискации

(без выкупа), а об отчуждении. Таким путем меньшевики сбивались к кадетскому либеральному проекту аграрной реформы.

Принятая съездом программа делала шаг вперед, признавая конфискацию помещичьих земель, но вводила меньшевистскую муниципализацию, которая «идеализировала средневековую обособленность областей, притупляла в крестьянстве сознание необходимости централизованной аграрной революции».

Придавая особенное значение аграрной программе, Ленин сейчас же после революции пишет работу на эту тему, где подвергает критическому анализу всю постановку вопроса различными партиями и особенно тщательно разбирает пожелания и требования самих крестьян. (Эту книгу удалось напечатать лишь через 10 лет—в 1917 г.).

Ленин намечал в этой работе два возможных типа аграрной эволюции: прусский и американский. При прусском, юнкерском типе помещичье землевладение остается, но все более освобождается от крепостнических черт, обращаясь в чисто-буржуазное, капиталистическое. При американском—помещичье землевладение разбивается революцией, и мелкое крестьянство превращается в типичное буржуазное фермерство. «Во имя интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса) мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского типа». (IX т., 463 стр.).

Кадетская программа, как и столыпинская, стояла за эволюцию первого типа. На этой же позиции были и черносотенцы.

Крестьянство высказывалось за второй тип. Уже группа 104-х в 1-й гос. думе (главным образом, трудовики) выставила лозунг полной ликвидации помещичьего землевладения и национализации земли.

Во второй думе даже правые крестьяне, начиная свои речи словами о «защите веры, царя и отечества», сейчас же прибавляли, что они требуют земли, что «дворянину и неприлично возиться с землей».

Беспартийные крестьяне прямо говорили: «Помещики только ходят да пузо себе понажирали с нашей крови, с на-

ших соков». «Почему помещику можно держать много земли, а на долю крестьян остается только одно царствие небесное».

Крестьяне-трудовики делали еще более выразительные декларации: «Теперь мы более ни о чем не говорим, как о земле; нам опять говорят: священна, неприкосновенна. Я думаю, не может быть, чтобы она неприкосновенна; раз того желает народ, не может быть ничего неприкосновенного... Земля наша, мы пришли сюда не покупать, а взять».

Даже в третьей, столыпинской думе 42 крестьянских депутата выставили земельный проект, значительно левее кадетского, что свидетельствовало о революционности стремлений крестьянской массы России.

Ленин отмечал, что даже мелкобуржуазные идеи крестьянства, напр., об уравнительном землепользовании, имеют в данной обстановке революционный характер. Они дают стимул крестьянству в его революционной борьбе и стимул к очищению сельского хозяйства от пережитков крепостничества. Идея уравнительности выражает стремление малоимущего крестьянства разделить помещичьи латифундии.

После февральской революции аграрная программа большевизма строилась на тех же принципах, с учетом желаний многомиллионного крестьянства.

В апрельских тезисах Ленин упоминал о конфискации всех помещичьих земель, национализации всех земель в стране, передаче права распоряжения землею местным советам батрацких и крестьянских депутатов, о выделении советов депутатов от беднейших крестьян, образовании из крупных имений образцовых хозяйств под контролем советов батрацких депутатов.

Практический лозунг выражался в предложении крестьянам немедля, самочинно, не дожидаясь Учредительного Собрания, брать землю.

Эти требования развивались Лениным и в ряде статей 1917 г. (см. XIV т., 1 ч., стр. 31, 49, 70, 92, 125 и т. д., 2 ч., стр. 130, 289 и т. д.). Одним из первых декретов после Октября был земельный (принят 26 октября). Составляя его, Ленин использовал программу, которая была изложена в 242 наказах, доставленных на первый съезд крестьянских депутатов. В них крестьяне требовали отмены права частной

собственности на землю, безвозмездного перехода всей частновладельческой земли к народу, и т. д.

Когда Ленину на II Съезде Советов бросили замечание, что декрет и наказ составлены эсерами, он отвечал: «не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановления народных низов, хотя бы мы с ними были несогласны... мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам». Мелкобуржуазные иллюзии уравнительного землепользования должны изжиться самими крестьянами, перескочить через них нельзя, навязывать крестьянству идеи, до которых оно еще не дошло, нерационально.

Декрет 26 октября уничтожил помещичью собственность на землю и окончательно направил аграрную эволюцию России по тому «американскому» типу, который защищал Ленин в первой революции.

4. Союз рабочих и крестьян.

К моменту февральской революции необходимость тесного союза с крестьянством и руководства его революционной борьбой была установленной аксиомой большевистской теории.

В первой статье Ленина в возобновленной «Правде» (21 и 22 марта 1917 г.), присланной из-за границы, говорилось о двух союзниках пролетариата в революции,—многомиллионной крестьянской массе и мировом пролетариате.

Крестьянская масса требовала мира, хлеба, земли, свободы. Большевистская программа совпадала с этими требованиями;—мы добивались прекращения войны, что привлекало к нашим требованиям сочувствие солдатской (т.-е. по существу крестьянской) массы, мы стояли за передачу помещичьих и др. земель крестьянству, мы боролись за полное уничтожение крепостнических пережитков, за полнейшую демократизацию. через советскую систему.

Меньшевики и эсеры вопили о нашем анархизме, о проповеди «самоуправства», стояли за союз с буржуазией, спешили соглашением с ней остановить революцию, были за продолжение войны и т. д. Естественно, что крестьянская,

особенно солдатская, масса все более переходила на сторону большевизма.

Лозунг немедленного перехода земель к крестьянам, заявление, что «порядок и закон есть то, что удобно большинству крестьянства», призыв творить революцию снизу, не дожидаясь Учредительного Собрания,—давали революционные толчки аграрному движению и фактически расшатывали власть временного правительства. Именно на фоне крестьянских движений, направленных против помещиков и благодаря глубокому недовольству многомиллионной армии, желавшей скорейшего мира, могла осуществиться Октябрьская революция.

«Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обусловливает собой национальную особенность этой революции»,—писал Ленин в 1907 г. Анализируя положение перед Октябрем, он отмечает, что революция решает «присоединение большинства мелкой буржуазии, по крайней мере, в решающий момент и в решающем месте, к революционному пролетариату». Политика соглашателей. Церетели, Черновых, довела крестьянство до форменных восстаний. Этой борьбой мелкая буржуазия поддержала пролетариат в октябре.

Послеоктябрьские декреты о земле, о мире, об уничтожении сословий и т. д. наглядно показали крестьянству, что большевистская программа соответствует насущнейшим интересам крестьянства. Советская власть не словами, а делами показала, что она может удовлетворить две насущнейших потребности крестьянства—дать ему землю и дать ему мир.

Когда шли прения в среде нашей партии, заключать или не заключать с немцами тяжелый мир,—вопрос решился указанием Ленина на то, что «крестьянство воевать не хочет».

Пролетариат шел в октябрьские дни вместе со всем крестьянством против монархии и остатков крепостничества. Этот период продолжался весной и частью летом 1918 г., когда была демобилизована армия, и крестьянство фактически произвело раздел помещичьих земель. В это время советы в деревне объединяли крестьянство в целом, и этим естественно фактическое руководство отдавалось более зажиточным слоям.

Чехо-словацкое восстание (лето 1918 г.) вызвало ряд кулацких восстаний в России. Резко определилась рознь классовых интересов в деревне. В сущности только летом и осенью 1918 года наша деревня пережила свою настоящую октябрьскую, пролетарскую революцию. Беднота деревни объединилась в «комитеты бедноты». Пролетариат и его партия находились в теснейшем союзе с этой беднотой в ее борьбе против кулачества. Буржуазная революция была завершена, и наступил тот второй момент—борьба за социализм, о котором большевики писали еще в 1905 г. Нам удалось расколоть деревню, объединить пролетариев и полупролетариев против кулаков и богачей.

Но в деревне было еще среднее крестьянство, и с этой силой нам нужно было также считаться. Еще в конце 1918 г. Ленин дал основную директиву: «Средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться... Уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту,—это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен» («Ценные признания П. Сорокина». XV т., 564 стр.). А через несколько дней в собрании партийных работников Ленин повторял лозунг в такой формулировке: «По отношению к среднему крестьянину мы говорим: никоим образом никакого насилия».

Требуя от кулака подчинения декрету о хлебной монополии и другим постановлениям Советской власти, мы по отношению к середняку занимали примирительную позицию, стремились к союзу с ним. Ленин указывал, что середняка нельзя убедить агитационными речами о прелести коммунизма, его можно перевести на свою сторону лишь делом, лишь путем длительного и медленного убеждения, и через ряд переходных мер, осуществляющих соглашение коммунистов с середняком (см., напр., «Речь на I съезде земотделов», XV т., 596—597 стр.).

На восьмом съезде партии (март 1919 г.) вопрос об отношениях к середняку занимал одно из центральных мест. Уже во вступительной речи Ленин указал на необходимость выработки мер для создания прочного союза с средним крестьянством. В отчете ЦК «главным уроком» Ленин признавал

необходимость «быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и к мелкой буржуазии».

Способы перехода к социализму в крестьянской стране весьма сложны. Их можно нащупать лишь учетом опыта. Мы должны учесть особенные условия жизни крестьянина, «учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать».

Чтобы перевести среднего крестьянина на сторону коммунизма, на сторону Советской власти, надо облегчить и улучшить экономические условия его жизни, по-товарищески убеждать и просвещать его, фактами доказывать, что диктатура пролетариата несет ему облегчение. Вся суть социализма в области крестьянской политики сводится к тому, чтобы «разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта».

Резолюция VIII съезда о среднем крестьянстве развернула подробную программу улучшения положения крестьянства, не принадлежащего к слоям, эксплоатирующим чужой труд.

Однако, условия гражданской войны не позволили провести большинства намеченных мер. Главное, в целях сохранения Советской власти и победы над царскими генералами и войсками Антанты, мы были вынуждены путем разверстки реквизировать все крестьянские излишки и воспрещать вольную торговлю хлебом. В самые тяжелые годы (1918 и 1919), когда рабочие потребляющих губерний получали по 7 пудов, крестьяне производящих губерний потребляли по 17 пудов, т.-е. на пуд больше довоенного и в два слишком раза больше рабочих. Но реквизиция излишков и воспрещение частной торговли не давали крестьянам возможности реализовать свои продукты и тем лишали их стимула к расширению хозяйства и даже к сохранению его в прежнем размере.

Гражданская война на тяжелом опыте показала крестьянству, что свержение Советской власти равносильно восстановлению помещичьего землевладения. Они должны были признать ценность для себя советского режима, но тяжелые экономические условия порождали недовольство, бунты, восстания.

К весне 1921 г. мы имели полуразоренную промышленность и полузапущенное сельское хозяйство. Гражданская война против генералов и помещиков политически соединила пролетариат и крестьянство. После прекращения ее на очередь стал вопрос об экономическом союзе между этими классами. Поэтому, как скоро мы перешли на фронт мирного строительства, и задача поднятия крестьянского хозяйства стала очередной хозяйственной проблемой. Уже на съезде Советов в конце 1920 г. Ленин говорил на эту тему. На партийном съезде (март 1921 г.), собравшемся в дни Кронштадта, вопрос о хозяйственной политике в деревне стал центральным вопросом всей съездовской работы.

Проблема об отношении к крестьянству развернулась во всем объеме. После победы над классом эксплоататоров в нашей стране осталось два класса—рабочих и крестьян, причем крестьянство численно преобладает. Покуда социалистическая революция на Западе еще не победила, роль крестьянства является решающей. Чтобы перейти к социализму, мы вынуждены провести ряд особых переходных мер, которые бы на почве соглашения с крестьянством подвинули нашу республику дальше к социализму.

Соглашение, союз с крестьянством является, поэтому, основной задачей на ряд ближайших лет. Конечно, мы знаем, что крестьянство распылено, что оно колеблется. Но мы знаем также, что оно может быть объединено либо буржуазией (как это имеет место на Западе), либо пролетариатом (как это было в России после 1917 г.). Мы должны принять все меры, чтобы укрепилась именно вторая возможность—тесный союз крестьянства с пролетариатом под руководством последнего.

Итак, вопрос идет о соглашении двух основных классов, на которых держится Советская власть. Прежде всего «мы должны ставить дело всей нашей пропаганды и агитации на чистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Классов обмануть нельзя». Поэтому мы обязаны прямиком, ничего не пряча, рассказать крестьянам, как обстоит дело, и в упор поставить вопрос: с кем они хотят итти—назад с буржуазией, к помещикам, или вперед, с пролетариатом, тя-

желым и мучительным путем, но к общему освобождению трудящихся, к экономическому подъему страны?

Какова бы ни была экономическая рознь между пролетариатом и крестьянством, на этот вопрос крестьянство, вероятно, ответит тем, что изберет путь с пролетариатом, а не с буржуазией. Но крестьяне—реалисты. Они словам не верят. Мы должны фактами доказать, что союз с пролетариатом крестьянству выгоден. Следовательно, мы должны удовлетворить некоторые основные крестьянские требования.

Мелкий производитель, мелкий хозяйчик, работающий на товарный оборот, будет существовать еще десятилетия, крупное обобществленное производство победит еще не так скоро. Поэтому еще долго будет существовать потребность в свободном обороте и будет выдвигаться лозунг «свободы торговли». Построить социализм в стране, где преобладают мелкие производители-крестьяне, мы сразу не можем. Переходные меры полукапиталистического характера неизбежны. Свободу торгового оборота мы должны в известных пределах допустить.

Конечно, тут перед нами несомненная опасность. Мы знаем, что «из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т.-е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия» («Натуральный налог», XVIII т., 1 ч., 140 стр.).

Поэтому, приняв такую принципиальную линию, мы должны тщательно обсудить все практические меры и быть в дальнейшем все время на-чеку, чтобы нас не захлестнула буржуазная стихия.

Нам нечего смущаться тем, что, устанавливая свободу торговли, мы даем толчок капитализму. Ведь, мы не можем сразу перепрыгнуть от нашей первобытной экономики в социализм. Государственный капитализм в России был бы уже шагом вперед к нашей цели, ведь, не надо забывать пестроты наших хозяйственных отношений. У нас «мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказы-

ваются следующими: первое—патриархальное хозяйство,—это когда крестьянское хозяйство работает только на себя, или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько-угодно. Второе—мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок. Третье—капиталистическое—это появление капиталистов, небольшого частно-хозяйственного капитала. Четвертое—государственный капитализм и пятое—социализм» («О продналоге», XVIII т., 1 ч., 197 стр.).

При таких условиях государственный капитализм—шаг вперед. А когда политическая власть в руках рабочих и государство руководит всеми заводами, фабриками, транспортом, внешней торговлей и пр.,—капитализм, зарождающийся от свободы торговли, не может быть нам страшен, он будет под надзором и контролем государства.

Практических мер для удовлетворения крестьянства Ленин предлагал две: замену продразверстки продналогом и разрешение известной свободы местного оборота. Замена продразверстки налогом давала крестьянину толчок для увеличения запашки и улучшения хозяйства, свобода торговли (в известной мере) предоставляла ему возможность реализовать свои излишки на рынке. В качестве дополнительной практической меры надо было, конечно, обратить внимание на доставление деревне тех предметов потребления и производства, какие крестьянину были нужны.

«Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем». А раз так, нужно дать стимул крестьянскому хозяйству, нужно итти на уступки крестьянству, нужно все меры принять, чтобы соглашение было прочным и длительным. «Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось или, вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения путей к коммунизму. Это—правильная политика, и мы руководствуемся только одним классовым расчетом. Мы открыто, честно, без всякого обмана крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи-крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере, и, конечно, сами будем

судить, какая это мера и какие пределы». («Заключит. слово на парт. конференции—май 1921 г.», XVIII т., 1 ч., 271 стр.).

Поворот к новой экономической политике, намеченный Лениным, был целиком одобрен нашей партией. На съезде Советов в том же году Ленин отметил, что эту политику, мы проводим «всерьез и надолго, но, конечно, не навсегда», и дал такую формулировку основных задач: «Самый коренной, самый существенный вопрос—это отношение рабочего класса к крестьянству, это союз рабочего класса с крестьянством, это умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими, какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытать,— а трудностей много, и закрывать глаза мы на них не можем,— только в этом союзе лежит избавление крестьян от векового гнета помещиков и капиталистов». (XVIII т., 1 ч., 432—433 стр.).

Подводя итоги первому году нэп'а и отмечая, что крестьянских восстаний больше почти нет, что крестьянство удовлетворено, Ленин указал, что все значение новой экономической политики сводится к «смычке с крестьянской экономикой, с той экономикой, которую мы с громадными усилиями создаем».

Для этого надо реально, трезво смотреть на допущенные ошибки, и надо сделать нашу политику понятной и доступной для крестьянства. «Надо показать эту смычку, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел, чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской, мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь».

Надо начинать не с фантастического и отдаленного, а доказать крестьянину фактами, что коммунисты на деле помогают и умеют помочь деревне.

Главное—надо «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато

так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем» («Доклад ЦК на XI съезде», XVIII т., 2 ч., 28—30 стр.).

Говоря о смычке с крестьянством, Ленин всегда добавлял о руководящей роли пролетариата в этом союзе, как класса более передового и организованного. «Город не может быть равен деревне,—писал он.—Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из городских классов сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу, и какие формы это руководство города примет» («Выборы в Учр. Собр.», XVI т., 442 стр.). В странах капиталистических таким классом является буржуазия, у нас—пролетариат.

В своих статьях о рабкрине Ленин с особенной отчетливостью формулировал эту задачу. «Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и пр. В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь вульгарно, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат,—на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» («Лучше меньше, да лучше», XVIII т., 2 ч., 138 стр.).

Руководство пролетариата крестьянством должно иметь целью переход мелких хозяев к общественному, коллективному труду, переход к бесклассовому обществу. Руководя кре-

стьянством по линии уничтожения классов, пролетариат должен действовать с большой осторожностью и терпением. «Крестьянство нельзя так загнать, как загнали и уничтожили помещиков и капиталистов». Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать. «Пролетариат должен перевоспитать, переучить крестьянство».

Было бы величайшей ошибкой «нести сразу чисто- и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибелью для коммунизма». («Страничка из дневника», XVIII т., 2 ч., 116 стр.). Цель внедрения коммунизма в деревне несвоевременна и принесет вред вместо пользы, но надо установить общение между городом и деревней и культурное влияние пролетариата на крестьян.

Чтобы научить крестьянина практически строить социализм, мы должны среди других мер широко использовать кооперацию. Кооперация важна для нас особенно именно со стороны «перехода к новым порядкам путем возможно более п р о с т ы м, л е г к и м и д о с т у п н ы м д л я к р е с т ь я н и н а». («О кооперации», XVIII т., 2 ч., 140 стр.).

Действительное участие массы крестьянского населения в кооперации создаст прочную основу для перехода к социализму. Но вовлечение крестьянства в кооперацию невозможно без энергичной культурной работы.

Опыт русского пролетариата в деле объединения своей борьбы с борьбой крестьянства и в деле выработки практических подходов к крестьянству в переходную к социализму эпоху Ленин обобщил для коммунистических партий других стран.

Еще в первом наброске тезисов по колониальному вопросу к II конгрессу Коминтерна Ленин отмечал «необходимость поддерживать специально-крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений и остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке, в колониях и отсталых странах вообще» (XVII т., 215 стр.). Тем самым

лозунг союза пролетариата с крестьянством превращался в общий лозунг Коминтерна.

В речи на II съезде Коминтерна Ленин рекомендовал создание в отсталых странах с докапиталистическими отношениями крестьянских советов, которые бы работали под руководством партии пролетариата.

Уже через несколько месяцев после перехода к нэп'у Ленин указал, что вопрос об отношении к крестьянству и мелкой буржуазии в переходную эпоху будет являться очень важным и трудным во всех странах мира, и считал нужным, чтобы коммунисты других стран тщательно изучали практику РКП в этом вопросе.

Борьба против мелких товарных производителей и мелких землевладельцев является одним из главных вопросов революции. Эти классы мы не можем экспроприировать и прогнать, как мы это сделали с крупными капиталистами и землевладельцами. Они составляют в разных странах Европы сильное меньшинство в 30—45%, а вместе с мелкобуржуазными элементами рабочего класса больше 50%. Мы заключили боевой и военный союз с крестьянством, но мы руководим им, хотя оно и в большинстве. Меньшевики говорят: крестьянство составляет большинство, и большинство должно решать. «Так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма». Когда мы говорим о союзе с крестьянством, «мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата» (речь о тактике на III конгрессе Коминтерна, XVIII т., 1 ч., 326 стр.).

Вот на этой же основе надо решать вопрос при диктатуре пролетариата и в других странах. «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть».

Таков был лозунг об отношении с крестьянством, который Ленин сделал одним из краеугольных камней всей нашей политики. Союз пролетариата с крестьянством и гегемония пролетариата—вот залог крепости Советской власти и успешности нашего экономического развития.

Глава VII.

Тактика ленинизма.

1. Основные черты большевистской тактики.

Согласно ленинскому определению, «под тактикой партии разумеется ее политическое поведение или характер, направление, способы ее политической деятельности. Тактические резолюции принимаются партийным съездом для того, чтобы точно определить политическое поведение партии, как целого, в отношении новых задач или в виду нового политического положения» («Две тактики», VI т., 308 стр.).

Программа партии пролетариата намечает основные задачи и ближайшие требования класса, тактика касается методов и форм борьбы для достижения этих целей. При анализе тактики партии ее можно разделить на стратегию и на собственно тактику. Под стратегией мы можем разуметь определение того «основного направления, по которому должно пойти движение класса, и на котором выгоднее всего данному классу нанести противнику основной удар для достижения целей, поставленных программой» (Сталин). Тактика, имея дело с отдельными частями общей борьбы, тем самым будет подчиненным элементом стратегии.

Для нашего дальнейшего изложения мы не будем делать такого разделения и будем подразумевать под тактикой также и стратегию класса.

Основное требование к тактике,—чтобы она опиралась на тщательный анализ соотношения классовых сил в данный момент. Здесь приходится решать вопросы: какие борющиеся силы налицо, каковы их стремления, их организованность, сознательность, их ближайшие цели, их тактика

и т. д. Одновременно такому же анализу надо подвергнуть и сам класс пролетариата,—как он организован, тесна ли его связь с авангардом—партией, готов ли он для решительного боя и т. д.

На многочисленных конференциях и съездах, где большевики выступали вместе с меньшевиками, обычным пунктом разногласий при установлении «порядка дня» было наше требование начинать работу с оценки текущего момента, т.-е. анализа реального соотношения сил разных классов. Меньшевики предпочитали уклоняться от такой оценки момента и предлагали доклада на эту тему либо не делать, либо отложить в конец занятий (т.-е. смять вопрос).

Тактика большевизма всегда исходила из тщательного анализа реальной действительности и учета борющихся сил и классов. «Пусты споры о тактике, если они не опираются на ясный анализ экономических возможностей»,—говорил Ленин.

Второе требование к тактике касалось ее принципиальной выдержанности. Пролетарская партия должна иметь свою самостоятельную тактику, не зависящую от других социальных групп, и при этом вести строго выдержанную линию. Принципиальная выдержанность тактики означает прежде всего ее полное соответствие партийной программе. Тактика, подчиняющая борьбу пролетариата другим партиям, ведет к затемнению классового самосознания, к принципиальному искажению всех лозунгов борьбы. Именно эта беда случилась с меньшевиками в первой революции, когда они руководящую роль отводили буржуазии, превращая социал-демократию в ее подголосок.

Но принципиальная выдержанность вовсе не значит элементарная прямолинейность. Напротив, тактика нашей партии должна отличаться максимальной гибкостью. В «Искре» и «Что делать?», касаясь этого вопроса, Ленин указывал на необходимую для социал-демократической боевой организации г и б к о с т ь, т.-е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы, умение «с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своей силой неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны... пользоваться неповоротливостью этого

неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения» («Что делать?», V т., 263 стр. и «С чего начать?», IV т., 38 стр.).

В связи с этим большевизм не зарекается ни от каких форм борьбы, оценивая их лишь с точки зрения целесообразности. В области тактики «социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях». («Насущные задачи нашего движения» в № 1 «Искры», IV т., 15 стр.).

Позднее, развивая эту же мысль в связи с опытом революции 1905—1906 гг., Ленин писал: «Марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, при чем не „выдумывает" их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собой в ходе движения» («Партизанская война», VII т., 2 ч., 77 стр.).

Используя все формы и виды борьбы, большевизм должен уметь в 24 часа менять свою тактику, и в зависимости от обстановки браться то за ружье, то за избирательный бюллетень. Неизбежные зигзагообразные повороты истории должны учитываться партией для перелома тактики. «Защищая целиком в с ю нашу программу и в с е наши революционные взгляды, мы должны непосредственные призывы сообразовать с объективным положением вещей данного момента». («Против бойкота», VIII т., 449 стр.). Неумение применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам—величайшая беда для партии.

Партия пролетариата должна уметь нападать. Победа в революции дается только решительным нападением. Еще Маркс писал: «Раз вступив на путь революции,—действуйте с величайшей решимостью и как нападающая сторона. Оборонительное положение есть смерть всякого вооруженного восстания». Но партия должна уметь и отступать, и обо-

роняться. Только таким искусным лавированием она сможет при всех обстоятельствах добиться наибольших успехов.

Большевики, непримиримо борющиеся за максимальное осуществление своей программы, не зарекаются, при известных условиях, и от компромиссов. Но в этом случае у нас резкая разница с оппортунистами всех оттенков. Оппортунист говорит: надо бороться за малое, но достижимое. Отсюда поддержка наиболее осторожных и скромных лозунгов, преклонение перед реформами и отрицание революции. «Мы ведем самостоятельную политику, выдвигая лишь лозунги таких реформ, которые безусловно выгодны интересам революционной борьбы, которые безусловно повышают самостоятельность, сознательность и боевую способность пролетариата». («Еще о думском министерстве», VII т., 1 ч., 332 стр.).

Большевики считают необходимым использовать компромиссы, всякий раз разъясняя массам важность и предпочтительность прямого пути в решающий момент истории. Задача истинно-революционной партии не в том, чтобы зарекаться от компромиссов, а в том, чтобы «через все компромиссы, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции». («О компромиссах», XIV т., 2 ч., 97 стр.).

Ведь, как часто стачки рабочих кончаются именно компромиссом. В политической борьбе компромисс неизбежная вещь, и большевикам не раз приходилось к ним прибегать. В 1901—1902 гг. редакция «Искры» (где главную роль играли Ленин и Плеханов) заключила формальный политический союз со Струве, вождем либералов. В 1907 г. большевики заключили временный блок на выборах в думу с эсерами. После разгрома первой революции большевики пошли на компромисс, участвуя в 3-й и 4-й думах, в этом «хлеву». Во время войны большевики шли на компромиссы с левыми меньшевиками и эсерами, совместно заседая в Циммервальде и Кинтале и выпуская общие манифесты. И до, и после октября 1917 г. по отношению к меньшевикам мы применяли «тактику лавирования, соглашательств, компромиссов, разумеется, такого и таких, которое облегчало, ускоряло,

упрочивало, усиливало большевиков на счет меньшевиков». Благодаря этой тактике от меньшевизма были оторваны здоровые элементы, и он фактически сошел на-нет.

Рекомендуя немецким коммунистам не связывать себе рук относительно Версальского мира, Ленин писал: «Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы с ним воевать и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никогда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать „лавирование, соглашательство, компромиссы", чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения». И дальше: «Надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательство, зигзаги, отступления и т. п.» («Детская болезнь», XVII т., 164 и 181 стр.).

Тактика партии пролетариата должна быть проста, прямa, ясна и понятна широкой массе. Тактический лозунг должен отличаться теми же качествами. Он должен звать вперед, повышать активность масс. Правильность тактических лозунгов и поддержка их реальной силой рабочих масс—залог успеха. Тактика большевиков всегда была рассчитана именно на активное участие массы. Именно на этой почве мы возражали против индивидуалистического террора эсеров. Еще в 1900 г. Ленин объявил террор «нецелесообразным средством борьбы» и предложил партии его отвергнуть (I т., 384 стр.).

В «Искре» Ленин писал, что террор—«одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях». Но террор эсеров был независимым от всей армии средством нападения, он отрывался от широких масс, мешал их организации, облекал на пассивность, отвлекая революционеров от основной задачи объединения и просвещения массы. («С чего начать?», «Революционный авантюризм», IV т., 34, 120—122 стр.).

Большевики признавали «всенародный, действительно обновляющий страну террор, которым прославила себя ве-

ликая французская революция». После 1917 года нам пришлось прибегнуть именно к такому террору против врага трудящихся, как к одному из орудий подавления эксплоататоров.

Эти основные черты большевистской тактики выявились уже в период первой революции.

2. Тактика большевизма в первой революции.

а) Вооруженное восстание.

Тактические разногласия между большевиками и меньшевиками в революцию 1905—7 гг. опирались на различное понимание характера происходившей революции и роли в ней различных классов. Как мы видели в одной из предыдущих глав, большевики считали, что революция победит лишь в том случае, если пролетариат поведет за собой демократическое крестьянство и против старого порядка, и против либералов.

«Основы социалистической тактики во время революции состоят в том (писал Ленин), чтобы передовой класс, пролетариат, шел во главе народной революции. Передовой класс должен поэтому неуклонно разоблачать перед всеми массами лживость всяких надежд на переговоры и соглашения со старой властью вообще, на соглашение помещиков и крестьян в земельном вопросе в частности. Передовой класс должен самостоятельно вести линию неуклонной борьбы, поддерживая лишь тех, кто действительно борется, лишь в той мере, в какой они борются». («Услышишь суд глупца», VIII т., 120 стр.).

Поэтому тактика большевиков сводилась к тому, чтобы вести за собой мелкую буржуазию и особенно крестьянство, отрывать ее от либералов, парализовать неустойчивость последних, развивать борьбу масс для полной победы над самодержавием и крепостничеством.

Стремясь довести революцию до конца и учитывая бешеное сопротивление царизма и буржуазии, большевики в качестве одной из основных форм борьбы выдвинули вооруженное восстание.

Упоминание о восстании, как о форме борьбы, мы встретим уже в первых работах Ленина. Правда, в это время

слово «восстание» Ленин употреблял в очень распространительном смысле, например, рабочие волнения середины 80-х и 90-х гг. он называет «рабочими восстаниями» (см., напр., I т., 305, 283, 418 стр. и др., или IV т., 199 стр., где ростовская стачка названа восстанием). О восстании в смысле «вооруженного восстания» Ленин писал в «Задачах русских с.-д.», говоря, что нельзя предвидеть, как именно партия пролетариата нанесет решительный удар абсолютизму: через «восстание или массовую политическую стачку, или другой прием атаки». О «подготовке восстания», как одной из задач партии, Ленин упоминал в 1902 г. в «Письме товарищу» (об организационных задачах).

В «Что делать?»,—этой гениальной квинт-эссенции большевизма, содержащей почти все основные положения будущего ленинизма, Ленин уже довольно подробно касался лозунга «подготовки, назначения и проведения всенародного вооруженного восстания». «Мы должны думать о нем и готовиться к нему». Ленин указывал, что план создания газеты помог бы подготовке и осуществлению восстания. Сеть агентов по постановке и распространению газеты «делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы наибольшую вероятность успеха в случае восстания». План общерусской газеты является «самым практичным планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию» (V т., 264—266 стр.).

В проекте резолюции, которую Ленин набросал для белостокской конференции (март 1902 г.), рекомендовалось комитетам «обратить внимание на необходимость подготовительных мероприятий к общенародному вооруженному восстанию против царского самодержавия».

Когда осенью 1904 г. меньшевики агитировали за план своей земской кампании, превращавшей пролетариат в подсобников либералов и принижавшей движение, большевики предлагали «пропагандировать идею восстания». И сейчас же после 9 января лозунг восстания принял у большевиков вполне конкретную форму очередного лозунга. «Немедленное восстание народа» (рабочих в первую голову) было поставлено на очередь дня.

Тщательно разбирая стратегический план «петербургского сражения царских войск с рабочими» 9 января, Ленин

призывал «учиться этим военным урокам у правительства», учиться искусству гражданской войны.

Меньшевики, конечно, были крайне возмущены тем, что большевики говорят о подготовке восстания и даже о назначении его, и обвиняли Ленина в «бланкизме», заговорщичестве, забвении азбуки марксизма. В этом случае меньшевики попросту путали восстание с революцией. Ленин пояснял им: «Не может быть назначена народная революция, это справедливо... Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу совершившихся переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая... Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно слагается из тысячи отдельных актов, порождаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно... Восстание может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент. («Две тактики»—статья во «Вперед», VI т., 78 стр.).

Весной 1905 г. наша партия (на III съезде) приняла резолюцию о вооруженном восстании, как об «одной из самых главных и неотложных задач партии». Комментируя этот лозунг, Ленин говорил: «Социал-демократия не сгоряча выдвинула лозунг восстания. Она всегда боролась и будет бороться с революционной фразой, будет требовать трезвого учета сил и анализа момента... Самодержавие само сделало этот лозунг практическим лозунгом рабочего движения... Нет, не мечта всенародное вооруженное восстание» («Борьба пролетариата и холопство буржуазии», VI т., 252—253 стр.).

Выставив прямой призыв к восстанию, как ясный и точный лозунг момента, большевики тем самым ярко подчеркнули, что путь революции идет через непосредственную борьбу революционного народа, минуя какие бы то ни было парламентские пути и формы.

После московского восстания тактика уличного боя и условия вооруженной борьбы должны были еще более привлечь к себе внимание социал-демократии. Как же отнеслись к этому вопросу меньшевики? Плеханов дал такое категорическое резюме их позиции: «Сила пролетариата ока-

залась еще недостаточной для победы. Это обстоятельство не трудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Он рекомендовал обратить внимание не на вооруженное восстание, а на профсоюзы. Таков был единственный урок, извлеченный меньшевиками из героической борьбы пролетариата на улицах Москвы.

Большевики делали, конечно, совсем иные выводы. «Нужно было браться за оружие, ибо движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания, не могло освободиться от узких сторон одной только мирной стачки, исчерпавшей себя в качестве средств борьбы» («Современное положение России», VII т., 1 ч., 68 стр.). Большевики звали рабочих тщательно изучать декабрьский опыт, отмечая, что неудача восстания вовсе не является неуспехом,—предстоит еще сделать немало опытов и ошибок, покуда победит всенародное восстание, в котором сольются в одно разрозненные потоки восстания—рабочие, крестьянские и военные. Анализируя ход декабрьского восстания, Ленин указывал на необходимость решительной наступательной тактики, выводил ряд организационных положений (создание «пятков», «троек» и пр.), детально касался технических вопросов восстания (системы вооружения) и т. д.

Вооруженное восстание в Москве не только подняло массовое движение на высшую ступень, но и наглядно доказало возможность борьбы с войсками, несмотря на все усовершенствования военной техники.

После роспуска 1-й гос. думы вопрос об очередном лозунге борьбы и в частности о вооруженном восстании встал снова. В дискуссии на эти темы Ленин дал общее указание о тактических лозунгах. «Марксист ни в каком случае не должен забывать, что лозунг непосредственно предстоящей борьбы не может быть выведен просто и прямо из общего лозунга известной программы... надо учесть конкретную историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из предыдущих шагов и этапов движения» («Роспуск думы», VII т., 2 ч., 11 стр.). На основе такого анализа большевики выдвигали лозунг восстания, соединенного как с массовой

политической стачкой, так и с активным участием войск: рабочий взрыв, крестьянское восстание и военный «бунт» должны слиться в одно русло всенародного восстания. Только таким путем можно было достигнуть свержения самодержавия и захвата власти революционным народом.

Лишь в 1907 г., когда революция фактически закончилась, и не было оснований ждать нового подъема в самые ближайшие годы, лозунг вооруженного восстания был большевиками оставлен. Изменившаяся ситуация требовала иных методов борьбы. Когда революция кончена, надо прямо и открыто сказать это массам, чтобы совместно перейти к новым лозунгам.

б) Бойкот и участие в гос. думе.

Впервые вопрос о тактике бойкота был поднят осенью 1905 года, когда царское правительство издало манифест и закон о созыве совещательной думы («булыгинская дума»). Среди меньшевиков раздались голоса за участие в выборах даже в такую думу (хотя она не давала никаких избирательных прав рабочим и бедноте деревни). Большевики призывали к бойкоту думы и к организации вооруженного восстания.

Страна уже была потрясена «Девятым января», всеобщими стачками, восстанием на «Потемкине», масса перегоняла лозунги вождей. При такой революционной обстановке единственно правильной тактикой была тактика, поднимающая массу на новую ступень борьбы, зовущая не к принятию царских подачек, а к решительной борьбе против самодержавия. Лозунги большевизма, кроме бойкота думы, были: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство.

Меньшевики сочинили взамен этих лозунгов проект немедленной организации «революционного самоуправления» на почве избирательной кампании в думу, как «возможный пролог восстания». Ленин указывал, что «организация революционного самоуправления, выбор народом своих уполномоченных есть не пролог, а эпилог восстания... Надо сначала победить в восстании... и учредить временное революционное правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождь революционного народа,

могло приступить к организации революционного самоуправления» («Бойкот булыгинской думы», VI т., 412—413 стр.).

Тактика бойкота по взгляду большевиков была тесно связана с «непосредственной борьбой со старой властью, с восстаниями против нее, с массовым неповиновением ей». Бойкот есть отказ признавать старую власть, отказ не на словах, а на деле.

Тактика бойкота блестяще оправдалась событиями, и булыгинская дума умерла, не родившись.

Закон о виттевской думе был гораздо более «левым». Споры об участии или неучастии в выборах приняли в рядах социал-демократии весьма ожесточенный характер. Меньшевики, с их склонностью к половинчатым решениям, предложили участвовать в выборах, выбирать выборщиков, но в думу депутатов не посылать.

Большевики, считаясь с революционным настроением масс (декабрьское восстание, аграрное движение) и полагая, что было бы вредным вселять в народ веру в думу и поощрять конституционные иллюзии, стояли за решительный и полный бойкот гос. думы. «Участвуя в выборах, мы невольно поддержим в народе веру в думу, мы ослабим этим силу своей борьбы против подделки народного представительства».

Призыв к бойкоту был горячо поддержан рабочими низами, особенно на окраинах, и правительство даже издало специальный закон против бойкота.

После роспуска 1-й гос. думы Ленин, давая оценку итогов бойкота думы, указывал, что весной 1906 г. «пролетариат должен был бороться против укрепления самодержавия займом под обеспечение виттевской думы... против конституционных иллюзий, на которых целиком строилась весной 1906 г. избирательная кампания кадетов и выборы в крестьянстве». Поэтому бойкот был правильной тактикой и принес несомненную пользу («О бойкоте», VII т., 2 ч., 29—30 стр.) *).

*) В «Детской болезни левизны» Ленин писал: «Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками „думы“ в 1906 г.».

Эту оценку вряд ли можно признать правильной. Не исчерпав всех революционных возможностей, партия не могла пойти на путь парламентаризма, тем более, что лозунг бойкота рождался как-раз под гром пушек и ружей московского, сормовского и др. восстаний.

Но учитывая изменившееся положение и необходимость использования парламентской трибуны, Ленин высказывался за участие в выборах во 2-ю гос. думу. Бойкот—вопрос не принципа, а целесообразности. Лозунг бойкота булыгинской думы был лозунгом борьбы за путь непосредственно-революционной борьбы против пути конституционно-монархического. Бойкот сыграл большую роль и при выборах в 1-ю гос. думу; теперь обстоятельства иные, и участие необходимо.

После разгона 2-й думы еще раз стал вопрос о бойкоте, но Ленин решительно настоял на участии в 3-й думе. Поворот истории в сторону монархически-конституционную—факт,—говорил он,—было бы смешной боязнью правды закрывать на это глаза. Мы должны открыто признать это. Гос. дума—это хлев, но «ежели проклятая контр-революция загнала нас в этот проклятый хлев, будем и там работать на пользу революции, не хныкая, но и не хвастаясь». Мы не отказываемся от нашей программы, мы будем готовиться к новому подъему революции, но вместе с тем «мы не отказываемся работать и по-будничному на будничном монархически-конституционном повороте» («Против бойкота», VIII т., 455, 449 стр.).

В течение думского периода русской революции разногласия между большевиками и меньшевиками сводились в значительной степени к вопросу о том, с кем социал-демократия должна итти. «С.-д. правого крыла все усилия направляли к тому, чтобы итти вместе с кадетами (поддержка думы в целом, поддержка требования о назначении думского министерства). Революционные социал-демократы направляли, наоборот, свою тактику к тому, чтобы отколоть от кадетов революционную буржуазную демократию, высвободить ее элементы из-под ига кадетов и сплотить их для боевых целей с пролетариатом» («Политический кризис», VII т., 2-ч., 37 стр.).

Накануне созыва 1-й гос. думы в брошюре «Победа кадетов» Ленин говорил: «Наша задача—не поддержка кадетской думы, а использование конфликтов внутри этой думы и связанных с этой думой для выбора наилучшего момента нападения на врага, восстания против самодержавия». В думе в первую очередь надо считаться с представителями крестьянской массы.

Меньшевики предлагали, наоборот, «поддерживать думу во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства» (не царизма) и поддерживать образование кадетского министерства. Таким образом, революционная борьба сразу сводилась к парламентским пустякам. и заменялась соглашением социал-демократии с кадетами и царской властью. Дума играла роль «понятых, призванных полицией для одобрения ее действий по расходованию награбленных с народа денег», а меньшевики звали ее поддерживать и превращались в подголосков кадетов, типичных «соглашателей» (как мы потом стали говорить).

При выборных кампаниях во 2-ю и 3-ю думы большевики, следуя своим принципам о совместных действиях пролетариата с крестьянством, защищали избирательное соглашение с трудовиками и другими революционными группами, возражали против соглашений с кадетами и запрещали какие бы то ни было блоки в рабочей курии. Меньшевики были за блоки и в рабочей курии, за соглашение с кадетами и доходили до торговли с кадетами о дележе мест (за спиной и тайком от рабочих).

Даже участвуя в думе, большевики всячески боролись против преувеличения роли парламентаризма, против конституционных иллюзий,—этого политически-оппортунистического и буржуазного яда. Бернштейнианцам и оппортунистам всех мастей свойственно рассматривать парламентскую борьбу не как одно из средств пролетарской борьбы, пригодное в известных условиях, а как главную и исключительную форму борьбы, делающую ненужным всякое «насилие», диктатуру и пр. Необходимо отвергнуть этот парламентский кретинизм, но необходимо также использовать парламентаризм, сделав его орудием социалистического воспитания и организации рабочих масс.

Парламентская фракция пролетарской партии не должна заниматься сочинением законопроектов и поправок к ним, а использовать трибуну для агитации, выяснения истинного характера различных партий, для организации рабочих.

Наши думские фракции в тяжелые годы реакции с честью выполняли эти задания. На основе именно этого опыта Ленин давал позднее тактические лозунги представителям рабочих партий Европы и Америки.

Буржуазные парламенты,—говорил он,—надо использовать, как трибуну, как одну из баз для пропаганды, агитации, организации, пока борьба ограничивается рамками буржуазного строя. В письме к английскому коммунисту (1919 г.) он отмечал, что «отказ от участия в парламентских выборах является ошибкой со стороны революционных рабочих Англии».

Указывая на опыт России, Ленин в «Детской болезни левизны» писал: «Доказано, что даже за несколько недель до победы советской республики, даже после такой победы участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность доказать отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчает успех их разгона, облегчает «политическое изживание» буржуазного парламентаризма... Мы, большевики, участвовали в самых контр-революционных парламентах, и опыт показал, что такое участие было не только полезно, но и необходимо для партии революционного пролетариата» (XVII т., 149—150 стр.).

Но участие в парламенте, особенно в разлагающей обстановке продажного парламентаризма Европы, требует от коммунистов специальной парламентской тактики. Надо создать новый, не оппортунистический, не карьеристский парламентаризм. Выборы надо использовать не для погони за местечками, а для самой широкой агитации в народе, в низах, в захолустьях, в простонародных собраниях. Депутаты парламента должны находиться под строжайшим контролем партии, быть одной из ее организаций.

Такая парламентская борьба стала бы одной из полезных форм революционной борьбы пролетариата в буржуазной обстановке.

3. Борьба за власть (тактика наступления).

Революция 1905—7 гг. была репетицией, которая дала возможность пролетариату испробовать все формы борьбы, учесть соотношение классовых сил, на опыте многому научиться. В арсенале тактического оружия нашей партии были массовая стачка и вооруженное восстание, бойкот и уча-

стие в парламенте. 1917 г. поставил перед партией труднейшую стратегическую задачу—захват власти, и только благодаря предыдущим годам революционной учебы, эта задача была успешно выполнена.

После февральской революции, покуда Ленин был еще вне России, наша партия обнаруживала несколько неустойчивую линию поведения. Не было вполне четкого анализа положения, и в связи с этим не имелось вполне ясной тактической линии.

Ленин уже в своих письмах из-за границы, а затем в апрельских тезисах и подробно на апрельской конференции дал свой отчетливый анализ момента.

Своеобразие момента Ленин определил, как переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. На очередь дня ставился таким образом вопрос о захвате власти. Никакой поддержки буржуазному временному правительству. Его надо свергнуть, но сразу, сейчас его свергнуть нельзя, тем более, что оно имеет опору в другой власти—в Советах рабочих депутатов.

Налицо двоевластие. Власть советов должна победить, но сейчас в Советах засилие соглашательских, меньшевистских, мелкобуржуазных элементов. Партия большевиков там в меньшинстве. Стало - быть, на очереди дня—завоевание большинства в Советах и в народной массе. Мы должны проповедывать необходимость перехода всей государственной власти к Советам и вести «терпеливое», систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок и тактики».

Таким образом, самой основной практической работой являлась «работа критики, разъяснение ошибок мелкобуржуазных партий с.-р. и с.-д., подготовка и сплочение элементов сознательно-пролетарской, коммунистической партии, высвобождение пролетариата из „общего" мелкобуржуазного угара» («О задачах пролетариата» и «Задачи пролетариата», XIV т., 1 ч., 18, 42 стр.).

Итак, надо завоевать большинство на свою сторону,—иного пути к власти нет. «Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством». Мы будем бороться за боль-

шинство в Советах. «Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы рабочих и солдатских депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки».

Ленин определял и ту программу, которая будет выставлена Советами после захвата власти—создание республики Советов, национализация земли, заключение мира и т. д. Эту программу Ленин неоднократно и подробно разъяснял. Революция—дело масс. Массам нужно ясно и прямо представить не только положение дела, но и задачи, которые партия себе ставит, цели, к которым она зовет. «Бояться народа нечего». «Надо не затушевывать, а говорить правду народу прямо».

Так Ленин систематически подготовил мнение партии к необходимости захвата власти и сделал основные лозунги большевиков популярными в массе. Когда на первом съезде Советов (середина июня 1917 г.) Церетели бросил замечание, что в России нет политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя, Ленин сказал: «Я отвечаю—есть; ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком» (XIV т., 1 ч., 264 стр.). Меньшевики и эсеры ответили на эти слова смехом, а через 4½ месяца Ленин был председателем Совета Народных Комиссаров.

Июльские дни, загнавшие партию в подполье и обнаружившие определенную победу контр-революционных сил, заставили иначе поставить очередные тактические лозунги. «Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь». Власть уже нельзя взять мирным путем. С другой стороны, и сам лозунг «вся власть Советам» может быть понят теперь, как переход власти к данным Советам, скомпрометированным поддержкой, которую они оказали реакции. Таким образом, на очереди подготовка захвата власти пролетариатом путем восстания. Но это не значит немедленное восстание, мы должны укрепить свои ряды и использовать новый поворот революции.

Восстание Корнилова (конец августа) явилось крутым поворотом событий. Он потребовал и пересмотра, и изменения тактики. «Мы будем воевать с Корниловым, но мы не под-

держиваем Керенского, а разоблачаем его слабость», так формулировал позицию Ленин. Развитие такой войны против Корнилова «одно только может нас привести к власти». Надо увлекать массу рабочих и крестьян дальше, к новым требованиям (передача земли, арест Милюкова и Родзянко, разгон гос. думы и пр.).

События развивались с чрезвычайной быстротой. Большевики значительно усилились в советах. Крестьянские волнения шли здесь и там. Армия требовала мира. В сентябре месяце Ленин (в письме к ЦК, ПК и МК) решительно поставил вопрос о немедленном захвате власти. Он давал такую оценку положения: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо активного большинства революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским,—большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет. Большинство народа за нас».

Ленин указывал, что власть надо взять именно теперь, так как отдача Питера немцам (о чем шла речь) ухудшит положение во много раз, ждать Учредительного Собрания нельзя, ибо его могут сорвать, ждать формального большинства наивно. Решается судьба революции. «Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства... Взять власть и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнет, может-быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно» («Большевики должны взять власть», XIV т., 2 ч., 133—135 стр.).

В эти дни Ленин с изумительной активностью ведет агитацию и в самой партии, и вне ее (через печать) за эти лозунги, тщательно разъясняя и обосновывая каждое положение.

Он дает анализ сущности восстания и условий, обеспе-

чивающих его успех. Эти замечания о восстании являются поистине классическими. Ленин писал: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться*) не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это—во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это—во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это—в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма».

Разбирая создавшееся в сентябре 1917 г. положение, Ленин указывал, что все эти условия налицо: «За нами большинство народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров и от самих эсеров земли не получит. А в этом гвоздь общенародного характера революции. За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и всего империализма, и всего блока меньшевиков с эсерами. За нами верная победа, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход». («Марксизм и восстание», XIV т., 2 ч., 136—137 стр.).

Ленин доказывал и в статьях, и в специальной брошюре, что большевики прочно захватят власть и сумеют удержаться. Большевики учли бы опыт Коммуны, не оставили бы банка в руках буржуазии, перешли бы в наступление против корниловцев, они дали бы мир, дали бы крестьянам землю. Эти меры сделали бы их власть прочной.

В качестве очередных ближайших мер Ленин предлагал сплотить фракцию большевиков (на происходившем тогда демократическом совещании), гонясь не за численностью, а за выдержанностью и сплоченностью, «не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они там полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов». Затем—выступить с краткой декларацией, поставив ребром вопрос о переходе власти в руки революционной

*) В «Собрании сочинений»—«упираться»; видимо, опечатка.

демократии, возглавляемой пролетариатом. «Всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель демократического совещания. Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет». («Марксизм и восстание» и «О героях подлога», XIV т., 2 ч., 139—140 и 144 стр.).

Ленин предлагал тогда же свой стратегический план восстания: «Мы должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. («Марксизм и восстание», XIV т., 2 ч., 140 стр.).

Большинство ЦК в тот момент не согласилось с Лениным, признав момент еще неподходящим для восстания. Через несколько дней Ленин писал письмо непосредственно Питерскому и Московскому Комитету, призывая не медлить с восстанием. Все письмо в коротких резких формулировках. «Промедление становится положительно преступлением», говорит Ленин в первой фразе и четыре раза в письме повторяет эту мысль: «медлить—преступление», «ждать—преступление перед революцией». Оценка положения такова: «Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут... Выборы в Москве—47% большевиков—гигантская победа. С левыми с.-р. явное большинство в стране». Ждать съезда Советов—ребяческая, позорная игра в формальность. «Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание». «Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным. Победа обеспечена, и на $^9/_{10}$ шансы, что бескровно» («Письмо в ПК и МК», XIV т., 2ч., 266—267 стр.).

А через несколько дней в «Правде» он дает «Советы постороннего» (XIV т., 2 ч., 269—271 стр.), где анализирует условия для успеха восстания, намечавшиеся Марксом (Энгельсом). Он формулировал пять правил: никогда не играть с восстанием, и, начиная его, итти до конца, собрать большой перевес сил в решающем месте и в решающий момент, действовать с величайшей решительностью и непременно переходить в наступление, захватить неприятеля врасплох, ежедневно добиваться хоть маленьких успехов, поддерживая этим моральный перевес, и главное—смелость, смелость и смелость.

Эти общие правила Ленин конкретизировал применительно к октябрю 1917 г. так: одновременное внезапное наступление на Питер извне и изнутри (флот, войска из Финляндии), захват во что бы то ни стало телефона, телеграфа, железнодорожных станций, мостов, участие ударников из рабочих в занятии важнейших пунктов и т. д.

Победа 25 октября совершилась почти так, как это намечал Ленин. Даже его чисто-военный план был осуществлен во всех деталях. Наша партия обнаружила величайшее стратегическое и тактическое искусство.

Анализируя впоследствии цифровые данные о соотношении классовых сил перед октябрем (по итогам выборов в Учредительное Собрание), Ленин указывал, как точно подтвердилась оценка положения, данная большевиками. Большевики получили 9 милл. голосов (из 36¼ милл.), меньшевики около 1,7 милл., эсеры (всех оттенков) собрали 20,9 милл. (т.-е. 58% всех голосов), но преимущественно в деревне. А революцию решал город. В обеих столицах большевики имели подавляющий перевес сил, в четыре раза больше, чем эсеры, и больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые. Всюду в промышленных районах большевики шли на первом месте (Петроградская губ. — 50%, Лифляндская — 72%, Московская губ.—56%, Тверская—54% и т. д.). Столицы и крупнейшие центры решают исход революции. «В решающий момент, в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил— этот „закон“ военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией». («Выборы в Учредительное Собрание», XVI т., 443 стр.). Большевики как-раз имели такой перевес сил.

4. Тактика при отступлении.

а) Брестский мир.

После революции 1905—1906 гг. большевикам впервые пришлось проделать общее отступление. Горьким опытом довелось изучить и эту сторону революционной стратегии. В общем, это отступление прошло благополучно. «Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их „армии", с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу широко, правильно и энергично» («Детская болезнь», XVII т., 121 стр.). Это объясняется тем, что большевики выгнали из своей среды «революционеров фразы», которые были против отступления и против легальной работы в реакционных парламентах, профсоюзах и т. п. организациях.

Вскоре после октябрьской победы, блестяще оправдавшей ленинскую тактику наступления, нам еще раз пришлось прибегнуть к сложному лавированию и к прямому отступлению.

После октября нам предстояло провести лозунг о прекращении войны. Попытка побудить все воюющие державы начать мирные переговоры ничем не кончилась, и мы предложили Германии открыть с ней переговоры. С конца ноября эти переговоры начались. Остро вопрос о мире стал в начале января,—тогда Ленин впервые письменно сформулировал свою позицию по этому вопросу («Тезисы о мире», 7 янв.).

При обсуждении вопроса в ЦК и на ряде совещаний с партийными работниками мнение Ленина, стоявшего за немедленное подписание мира, не собрало большинства. Было решено мира не подписывать, но войны не вести, о чем 10 февраля Троцкий и заявил немецкой делегации.

17 февраля получились первые сведения о немецком наступлении. Ленин настаивал на немедленной посылке телеграммы с предложением мира, но снова остался в меньшинстве. На втором заседании ЦК 18 февраля Ленин получил на 1 голос больше, и телеграмма Германии была послана.

Ряд товарищей подали заявление об оставлении ими всех ответственных постов, оставляя за собой свободу агитации как внутри партии, так и вне ее,—иными словами, угрожали полным расколом.

В ответе немцев были нам поставлены худшие условия, чем предъявленные в Бресте, и дан 48-часовой срок для ответа. Ленин заявил, что условия надо принять, и что если они будут отвергнуты и будет продолжаться политика «революционной фразы», он выйдет из правительства и из ЦК.

ЦК принял точку зрения Ленина семью голосами из 15 (при четырех против и четырех воздержавшихся). Мир был подписан. Мы получили передышку.

Такова краткая схема событий, вокруг которых произошла в нашей партии горячая дискуссия о тактике.

В те дни перед партией открывались три возможности: сепаратный мир, революционная война или средняя, в сущности демонстрационная, позиция: войну прекратить, но мира не подписывать.

Группа товарищей решительно высказывалась против подписания мира. Это были «левые коммунисты», во главе с Бухариным, Радеком, Пятаковым, Осинским и др. Они полагали, что заключение мира с германским империализмом подорвет все значение октябрьской победы и затормозит ход мировой революции, особенно германской. Они рассчитывали, что революционная война советской России против Германии даст непосредственный толчок к взрыву революции в Германии, а вместе с тем и во всем мире.

Троцкий занимал типичную для него среднюю позицию. Он предлагал войну прекратить, армию демобилизовать, но мира не подписывать. Некоторые «левые коммунисты» присоединялись к этой же позиции.

Ленин, защищая мир, исходил из анализа внутреннего и международного положения. Страна устала от войны. Новый строй завоеван, но не реализован. Крестьянин имеет законы о земле, но ни одного года свободной от помещика и мучений войны работы. Рабочий не успел еще сорганизовать производства, снабжения хлебом и пр. «Крестьянин не хочет войны и не пойдет на войну». «Армия—теперь больная часть русского государственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобили-

зуем, тем скорее она рассосется среди частей еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых испытаний». Мы должны считаться с желаниями широкой пролетарской и крестьянской массы, с миллионами населения России; ведь, «политика начинается там, где миллионы, не там, где тысячи; только там, где миллионы, начинается серьезная политика». Не имея армии, воевать нельзя, и говорить о войне—пустая фраза. «Итти на серьезное повстанческое или военное столкновение заведомо без сил, заведомо без армии есть авантюра».

Говорят, что если мы будем вести революционную войну, это даст толчок революции в Германии. Но прежде всего «для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать; у нас же неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать; в Европе, наоборот: там будет гораздо легче продолжать уже начавшуюся революцию». («Доклад на VII съезде о мире», XV т., 128, 131, 133, 134 стр. и др.).

На-ряду с этим мы должны признать, что вероятный момент взрыва такой революции на Западе совершенно не поддается учету. «Было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства в России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок), или не наступит».

Поэтому объективная обстановка требует заключения мира. Готовить революционную войну мы должны, но вести ее сейчас мы не можем. Конечно, немедленная революционная война «отвечала бы, может-быть, потребностям человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов» («Тезисы о мире», XV т., 64, 67 стр.).

Фразы о революционной войне при таких условиях могут погубить революцию. «Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов, без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место». Болезнь революционной фразы есть проявление мелкобуржуазности.

Единственный выход—мир, хотя бы и на архитяжких условиях. Только таким путем мы можем сохранить советскую республику. Ведь, за границей движение еще не началось, а у нас «оно уже имеет новорожденного и громко кричащего ребенка». Если начнется война, наше правительство будет сметено, и мир заключит буржуазное правительство.

«Пример социалистической советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское революционизирующее действие этого образца будет гигантским».

Заключая мир, мы используем антагонизм империализма немецкого и англо-французского. Мы получим передышку, которую мы сможем использовать для социалистического строительства. Нам нужна такая отсрочка для проведения социальных реформ и подведения экономической базы под Советскую власть.

Конечно, за отсрочку мы заплатим тяжким миром, но это единственный путь. Мы должны итти на невыгодный сепаратный мир, зная «что т е п е р ь мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче».

Ведь, наша тактика должна диктоваться целесообразностью,—«только ц е л е с о о б р а з н о е сопротивление реакции служит революции». «Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра; очень часто мы осуждали, как нецелесообразные и вредные с точки зрения революции, самые героические формы индивидуального сопротивления» («О революционной фразе», XV т., 100—106 стр.).

Мы не имеем сейчас сил для борьбы против международного империализма, потому единственно целесообразной тактикой будет тактика лавирования, выжидания и отступления.

Надо уметь отступать—таково правило для всякой партии в политической борьбе. В нашем прошлом мы уже имели

несколько тяжелых уроков отступления. В 1907 г. после столыпинского режима мы должны были пойти в подполье потому, что жизнь масс, жизнь истории сильнее наших желаний. «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет, потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно» («Доклад на съезде о Брестском мире», XV т., 135 стр.).

Мы должны отступить если не в порядке, то хотя бы в полупорядке. Мы отдаем пространство, чтобы выиграть время. Полководец, уводящий в глубь страны остатки разбитой армии и заключающий тягчайший мир с неприятелем, не совершает измены по отношению к тем частям, которые отрезаны неприятелем. Он исполняет свой долг, спасая то, что еще можно спасти.

Мы должны вспомнить из истории, что такие похабнейшие миры вовсе не губили страны, а давали ей возможность восстановить свои силы. Наполеон в Тильзите принудил Пруссию к тяжелейшим условиям мира, худшим, чем в Бресте, лучшие люди страны, подписывая эти договоры, не приходили в отчаяние, не падали духом, а умели выжидать, стойко сносили иго, опять воевали, и, в конце-концов, освободились.

Пролетарий стоек и знает, что «приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало, подниматься снова и снова, накапливая силы при всяких условиях». («Странное и чудовищное», XV т., 115 стр.).

Нам нужно дисциплинироваться, организоваться, зажав зубы, перенести тяжелый мир, и мы освободимся от него. Крах германского империализма неизбежен. Революция в Германии рано или поздно начнется, и Брестский мир будет сметен.

Немцы после Тильзитского мира 1807—1810 гг. пришли к освобождению от Наполеона в 1813—1814 гг. «Расстояние, отделяющее наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее».

Конечно, подписывая мир, мы должны помнить, что передышка может быть очень недолга. Империализм органиче-

ски не может ужиться с советской республикой, и конфликт здесь неизбежен. «Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что наша (в «Собр. сочинений»—«иная», видимо, опечатка) эпоха—как была эпоха наполеоновских войн—будет эпохой освободительных войн (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями Советской России» («Странное и чудовищное», XV т., 115 стр.).

К этим войнам мы должны готовиться. Организация рабоче-крестьянской Красной армии становится на очередь. «Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне серьезно». А сейчас нужен мир. «Меня оправдают всякий серьезный крестьянин и рабочий, потому что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История скажет, кто прав».

Оба предвидения Ленина—скорого крушения Брестского мира и полосы интервенций—оправдались в том же году (1918 г.). История быстро дала свой ответ. Тактика, им защищавшаяся, получила блестящее подтверждение в ходе событий. Совершенно очевидно, что пойди наша партия за «левыми коммунистами», на революционную войну, Советская власть была бы сметена в несколько недель.

Борьба вокруг Брестского мира была периодом тяжкого кризиса внутри нашей партии из-за тактических разногласий. И мы еще долго будем учиться на этом опыте, как нужно уметь лавировать и отступать партии пролетариата в такой трудной международной и внутренней обстановке.

б) Переход к нэп'у.

Второе крупное отступление нашей партии пришлось проделать после 1921 г. в связи с переходом к нэп'у. В период военного коммунизма мы пытались сразу перейти к социалистическому производству и потреблению. Эту задачу мы пытались решить «лобовой атакой» и потерпели неудачу. «К весне 1921 г. выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке „штурмовым“ способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым и непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения».

Первое—это дать себе ясно отчет в поражении. «Не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы». Надо не бояться признать поражение и учиться на его опыте.

А раз поражение налицо, нам приходится отступать, пока мы не научимся и не соберем сил для нового наступления. «Отступать весьма неприятно, но когда бьют, не спрашивают о приятности и неприятности».

И Ленин ссылался на военный опыт. «Если бы армия, убедившись, что она неспособна взять крепость штурмом, сказала бы, что она не согласна сняться со старых позиций, не займет новых, не перейдет к новым приемам решения задачи,—про такую армию сказали бы: тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать, тот войны не окончит победоносно. Таких войн, которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключения». А при борьбе за социализм народ разве сможет сразу найти правильный путь? Предстоит еще много наступлений и отходов («Речь на московской губ. парт. конфер.», XVIII т., 1 ч., 396, 400, 408 стр.).

Конечно, «отступление—штука трудная». Главная опасность—это паника. «Ежели вся армия... отступает, тут такого настроения, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение, до известной степени подавленное... И вот в этом громадная опасность: отступать после победоносного, великого наступления страшно трудно; тут совершенно иные имеются отношения; ...когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: „стреляй". И правильно» («Доклад о деятельности ЦК на XI съезде», XVIII т., 2 ч., 37 стр.).

Вопрос об отступлении заставил коснуться темы: насколько можно считать первоначальную тактику—штурм капиталистических позиций—ошибкой. По этому поводу Ленин привел сравнение из Японской войны: взятие Порт-Артура генералом Ноги. Любопытно, что еще в 1906 г., полемизируя против Плеханова, который говорил: «Нам не нужны бунты,

нам нужна победоносная революция», Ленин писал: «Это все равно, как если бы Ноги в августе 1905 г. сказал: „Нам нужны не атаки на Порт-Артур, *а* взятие Порт-Артура". Можно противополагать несвоевременные атаки своевременным, неподготовленные подготовленным, но нельзя противополагать атаки вообще „взятию" крепости. Это ошибка. Это значит обходить вопрос о способах взятия крепости» («Тактические колебания», VII т., 2 ч., 56 стр.).

В споре о военном коммунизме и нэп'е Ленин использовал пример с осадой Порт-Артура с иной стороны. Как известно, сперва Ноги подверг крепость ряду ожесточенных штурмов, а затем уже перешел к медленной и упорной осаде. Были ли ошибкой первые штурмы, стоившие столько жертв? Нет,—отвечает Ленин. Во-первых, трудно иначе было определить с какой-либо точностью силу крепости, состояние ее гарнизона и т. д. С другой стороны, война требовала возможно более быстрых решений. Поэтому Ноги был прав, начав штурмами. В таком же положении находились и мы в период военного коммунизма.

Сознав поражение и совершив отступление, мы должны иначе подойти к очередным нашим задачам. Определим их поскромнее, сделаем побольше уступок. «Сосредоточим на меньшем ослабленные силы рабочего класса, но зато укрепимся потверже, проверим себя не раз и не два, а много раз практическим опытом. Шаг за шагом, вершок за вершком» («Новые времена, старые ошибки», XVIII т., 1 ч., 359 стр.).

И в заключительной речи на XI съезде (последнем, где он участвовал) Ленин снова говорил об «архимедленном и архиосторожном движении», но зато «более широкой и мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством».

Только соединяя «умение беззаветно бороться и наступать с умением отступать в революционном порядке», революционная партия пролетариата сможет победить.

Учитывая богатый опыт русского большевизма, Ленин делал выводы и для тактики других коммунистических партий. И в то же время он советовал присматриваться и изучать тактику буржуазии. «Наши тактические и стратегические приемы отстали еще (если судить в интернациональном масштабе) от превосходной стратегии буржуазии»,—го-

ворил он. Анализируя, например, стратегию буржуазии после октября, которая решительно, не идя на уступки, боролась против Советской власти и толкала нас на самые крайние проявления отчаянной борьбы, Ленин признавал ее правильной (с точки зрения ее интересов). Буржуазия хотела сперва решить основной вопрос о власти, померяться силами в бою, она не хотела «никакого перехода ни к какому новому» (порядку); и только потерпев поражение в этом основном, она могла говорить об уступках («Письмо к немецким коммунистам», XVIII т., 1 ч., 352 стр. Речь на моск. конф., там же, 394 стр.).

Только путем такого внимательного изучения тактики своей и враждебных партий можно научиться искусно действовать тактическим оружием.

Глава VIII.

От II Интернационала к Коминтерну.

1. Империализм.

Работа Ленина протекала в тот исторический период, когда капитализм, дойдя до своей империалистической стадии развития, начал обнаруживать признаки явного упадка и разложения.

Еще в своих первых статьях Ленин отмечал быстрый темп развития капитализма и, тем самым, скорое приближение его конца. Посмотрите, напр., проект программы (1896 г.). Первая фраза гласит: «все быстрее и быстрее развиваются в России фабрики и заводы, разоряя кустарей и крестьян», и т. д. Во втором параграфе говорится о том, что этот рост капитализма означает «еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих». Мы знаем также, что ожесточенный спор внутри редакции «Искры» между Плехановым и Лениным относительно текста программы партии в значительной степени вращался вокруг того, что Ленин настаивал на большой жесткости и категоричности в характеристике основных тенденций капитализма, концентрации производства, дифференциации классов и пр., а Плеханов давал формулировки более сдержанные и осторожные (знаменитые «более или менее» в программе).

В период первой революции Ленин несколько раз говорил о близости социалистической революции. Но уже только в период мировой войны он смог посвятить специальную работу характеристике последнего этапа капитализма. Сжатая, насыщенная содержанием, брошюра «Империализм, как новейший этап капитализма» (весна 1915 г.,—напечатана в

1917 г.) является экономическим обоснованием тактики ленинизма во время и после войны.

Ленин дает такое определение империализму: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» («Империализм», 2-е изд., 72 стр., или XIII т., 306 стр.).

Империализм имеет пять основных признаков: 1) смена свободной конкуренции монополиями, создавшимися на почве концентрации производства и капитала, 2) слияние банкового капитала с промышленным и образование финансовой олигархии, 3) крупное значение вывоза капитала в отличие от вывоза товара, 4) образование международных монополистических союзов капиталистов, которые делят между собой мир; таких мировых картелей перед войной насчитывалось свыше ста, 5) территориальный раздел между капиталистическими державами закончен (см. «Империализм», 72 стр., или XIII т., 305—306 стр., и несколько иную формулировку пяти признаков в статье «Империализм и раскол социализма»—«Против течения», 529 стр., или XIII т., 468—469 стр.).

Превращение капиталистической конкуренции в монополию является одной из самых главных особенностей новейшего капитализма. Статистика промышленных стран дает яркие цифры на этот счет. В Соед. Штатах половина всего производства находится в руках трех тысяч предприятий-гигантов, т.-е. у одной сотой общего числа предприятий. В отдельных отраслях промышленности картели и тресты часто сосредоточивают 70—80% всего производства данной отрасли.

Монополии, таким образом, подводят капитализм к самому всестороннему обобществлению производства, сохраняя присвоение частным. Так капиталисты, вопреки их воле и сознанию, вталкиваются «в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению». Но в то же время монополии «усиливают и обостряют хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом».

Империализм можно назвать монополистическим капитализмом. Надо особо отметить четыре главных вида проявления монополистического капитализма нашей эпохи. Прежде всего, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени его развития—тресты, синдикаты, картели. К началу XX века они имели в передовых странах явное преобладание. Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату источников сырья, особенно в каменноугольной и железоделательной промышленности. В-третьих, монополия выросла из банков. В каждой из передовых стран три-пять крупнейших банков объединили промышленный и банковый капитал, сосредоточили в своих руках громадные капиталы и подчинили себе все политические и экономические учреждения буржуазного общества. В-четвертых, монополия выросла из колониальной политики. Финансовый капитал боролся в колониях за источники сырья, концессии, вывоз капитала и т. д.

Новая роль банков заслуживает также специального рассмотрения. Первоначальной функцией банков было лишь посредничество в платежах. По мере развития и концентрации банкового дела, банки превращаются «во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья». В результате Германией перед войной управляло каких-нибудь 300 магнатов-финансистов, и это число все уменьшается.

На-ряду с этим происходит сращивание банкового и промышленного капитала, сопровождаемое личной унией банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли. Таким путем создаются финансовый капитал и могущественная финансовая олигархия.

Если для старого капитализма был типичен вывоз товара, то для монополистического капитализма стал типичным вывоз капитала. Перед войной капитал, вложенный за границей тремя главными странами Европы (Англией, Францией, Германией), достигал 200 миллиардов франков, а годовой доход с них не меньше 8—10 миллиардов франков. Англия вывозила капитал, главным образом, в свои колонии, Франция—в страны Европы (и прежде всего в Россию),—это был ти-

пичный ростовщик европейских государств. Этим путем финансовый капитал раскинул свои сети по всему миру.

Создавшиеся союзы капиталистов (картели, синдикаты, тресты) разделили между собой внутренний рынок и затем рынок внешний. Так создались международные картели, поделившие между собой весь мир. Так, напр., Всеобщая Компания Электричества, тесно кооперируя с фирмой Сименс-Шуккерт, фактически монополизировала электротехническую промышленность Германии. В Америке одновременно создается свой трест. Американский и немецкий тресты заключают договор о разделе рынков мира. То же самое с нефтяными синдикатами, в торговом судоходстве, и т. д. На почве этих соглашений трестов фиксируются и политические отношения между странами.

Конец XIX в. характеризуется окончательным разделом территорий мира (дольше всех была не разделена Африка). С 1876 г. по 1914 г. размер колоний шести великих держав увеличился в полтора раза (с 40 до 65 милл. кв. килом.). Размер колоний у них в четыре раза превышает площадь метрополий. В 1876 г. три державы из шести не имели никаких колоний, а четвертая почти не имела их. К 1914 г. они имели уже территорию колоний, в полтора раза превышавшую Европу.

Целый ряд государств (особенно в Азии) обратился в полуколонии, зависящие от капиталистических стран Европы и Америки.

В свою очередь эти последние из государств промышленных перерастают в государства-кредиторы. В Англии, напр., доход от капитала, доход рантье впятеро превышает весь доход от внешней торговли. Тем самым эти страны превращаются в паразитические, капитализм загнивает.

Этот паразитический характер капиталистических держав кладет отпечаток и на рабочий класс. Так, в Англии мы можем выделить верхние привилегированные слои пролетариата, которые тянутся за буржуазией, под руководством разных оппортунистов, именующих себя социалистами, и низшие слои рабочего класса, обездоленные, резко враждебные сложившемуся строю, но недостаточно сознательные и организованные.

Империализм, таким образом, создает оппортунизм в ра-

бочем движении, откалывая верхушку пролетариата, материально заинтересовывая ее в своей политике.

«Монополия, олигархия, стремление к господству, вместо стремления к свободе, эксплоатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций,—все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его, как паразитический или загнивающий капитализм» («Империализм», 102 стр., или XIII т., 333 стр.).

В политическом отношении империализм характеризуется поворотом от демократии к реакции. «Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция» («О карикатуре на марксизм», т. XIII стр. 353).

Как внешняя, так и внутренняя политика империализма одинаково реакционны. Империализм есть отрицание демократии вообще.

Империализм—это «умирающий капитализм». Начавшаяся война это лишний раз подтвердила. Война, начавшаяся из-за передела мира, из-за рынков для банковского капитала, из-за удушения малых народностей, ярко показала, что час капитализма пробил, эра пролетарской социалистической революции началась.

2. Мировая война.

Мировая война 1914—1918 гг. выявила не только всю отвратительную сущность империализма и буржуазной цивилизации, но обнаружила и разложение международной социал-демократии. Она знаменовала крах II Интернационала.

Возможность войны не была ни для кого тайной. Ее предсказывали даже буржуазные публицисты. Резолюции международных конгрессов не раз касались тактики пролетариата в случае войны. Нашей партии пришлось уже пережить одну из войн (1904—1905 гг.), и нам довелось и теоретически, и практически иметь дело со всеми лозунгами военного времени.

В статье «Мир и реакция» (сентябрь 1905 г.) Ленин дал такую оценку войны: «Война—это великое народное бедствие. Но социал-демократ не может рассматривать войну независимо от ее исторического значения. Для него не может быть абсолютного бедствия, как не может быть и абсолют-

ного блага, и абсолютной истины. Он должен рассматривать и оценивать значение войны с точки зрения интересов своего класса, пролетариата, интересов его развития и освобождения. Он должен оценивать войну не по количеству жертв, а по ее политическим последствиям. Выше интересов л и ч н о с т е й, гибнущих и страдающих от войны, должны стоять интересы к л а с с а» («Мир и реакция», VI т., 457 стр.).

Так давался совершенно отчетливый классовый подход к войне. Ленин указывал дальше, что если война освобождает пролетариат от части его уз, то она прогрессивна, и нелеп был лозунг меньшевиков: «мир во что бы то ни стало», так как это значило—мир хотя бы ценой сохранения самодержавия в неприкосновенности.

Когда началась полемика среди социалистов разных стран об отношении к империалистической войне, Ленин и большевики указывали, что начавшуюся войну нужно рассматривать, учитывая все ее исторические особенности. В брошюре, специально посвященной этому вопросу («Социализм и война»), Ленин писал: «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т.-е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)» (XIII т., 93 стр.).

Анализируя начавшуюся войну, Ленин указывал, что она, несмотря на все рассуждения социал-шовинистов, ни в какой мере не может быть приравнена к войнам, которые чем-либо облегчали положение пролетариата, и не имеет какого-либо прогрессивного значения.

До начала мировой войны левые социал-демократы разных стран не один раз ставили вопрос об отношении к войне именно на такую же диалектическую почву. Международные социалистические конгрессы несколько раз давали директивы, как должны вести с.-д. борьбу против милитаризма и войны. Так, Цюрихский конгресс (1893 г.) указывал, что «представители рабочей партии обязаны отвергать все кредиты на военные надобности». В Париже (1900 г.) эта резолюция была сделана еще более категоричной—«б е з у с л о в н о обяза-

ны». Штутгартская резолюция (1907 г.) звучала еще решительнее. На случай возникновения войны социалистам рекомендовалось «всемерно использовать вызванные войной экономический и политический кризисы, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение капиталистического господства». Это был лозунг гражданской войны. На Базельском конгрессе (1912 г., во время Балканской войны) была провозглашена угроза революцией в случае войны. «Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга»,—говорил конгресс.

Несмотря на эти категорические решения, в самой среде II Интернационала существовало несколько разнородных течений по этим вопросам. Так, немецкие оппортунисты стояли на позиции «защиты отечества» в оборонительной войне, и будущий палач Носке говорил: «С.-д. не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружья на плечи» (история показала, что господа Носке не только в одном этом не отстали от буржуазии). С другой стороны, будущий социал-патриот Эрве говорил анархические фразы о забастовке и восстании, которыми ответят пролетарии на всякую войну. Тем самым, он предлагал пролетариям принять бой в тот момент и в тех условиях, какие изберет буржуазия. Это была «героическая глупость» в параллель «оппортунистической трусости» гг. Носке и др.

Когда разразилась война, социал-демократия, не исключая даже ее вождей, казавшихся более левыми, изменила делу пролетариата и своим собственным решениям. Она вотировала кредиты на войну. Он стала на сторону своей буржуазии. Она порвала узы пролетарской солидарности.

Изо всех парламентских фракций только одна наша большевистская фракция гос. думы осталась верна интернационализму и революционному марксизму—и пошла за это в тюрьму и ссылку. Лидеры европейской социал-демократии пошли на министерские посты буржуазных правительств.

Меньшевистская фракция в государственной думе, руководимая Чхеидзе, заняла промежуточную позицию. Правда, они не вотировали за кредиты на войну (но в России даже партия трудовиков не вотировала за кредиты), но они ничем не проявили своего отношения к социал-шовинизму, и не вынесли никаких протестов против него. С дальнейшим ходом войны меньшевики все более и более правели в своем отно-

шении к войне, и даже их интернационалистская часть, с Мартовым во главе, фактически скатывалась к тому же социал-шовинизму.

Только Ленин и группа большевиков уже осенью 1914 г. дали марксистский боевой лозунг: превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Ленин указывал, что наступившая война является результатом империалистского этапа в развитии капитализма. Империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным. Борьба, начавшаяся между империалистскими державами, есть борьба не за освобождение угнетенных наций, а лишь за дальнейшее их угнетение. «Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их» («Социализм и война», т. XIII, стр. 97).

Эта война есть война за укрепление рабства,—говорил Ленин. Она ведет к укреплению рабства колоний, к укреплению гнета над чужими нациями, к укреплению и продолжению наемного рабства, в котором находится пролетариат.

Единственная тактика партии—это решительная борьба против войны.

«Поднимем знамя гражданской войны», — писал Ленин, комментируя манифест ЦК нашей партии о войне. «Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех стран». И Ленин намечал конкретную линию работы, идущую в направлении указанного лозунга гражданской войны: «не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму „своей" страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом „своей" буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы» («Положение и задачи социал. Интернационала», «Против течения», 6—7 стр., или в XIII т., 16 стр.).

Конференция заграничных секций РСДРП (март 1915 г.), подтвердив основной лозунг манифеста ЦК, наметила такие «первые шаги» на пути к гражданской войне: 1) безусловный

отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств, 2) полный разрыв с политикой «национального мира», 3) создание нелегальной организации, 4) братание солдат на фронтах, 5) поддержка массовых революционных выступлений.

Таким образом, позиция большевиков с самого начала исходила из революционного толкования решений международных конгрессов. Оппортунисты всех стран, отступив от этих решений, принялись всячески оправдывать свое предательство.

Цитируя фразу: «Война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами», Ленин отмечал, что такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, «каждую войну рассматривавших, как продолжение политики данных заинтересованных держав — и разных классов внутри них—в данное время». Это значило, что мировая война есть продолжение хищнической, эксплоататорской политики буржуазных классов Европы.

Социал-шовинисты, вместо этого положения, выдвинули утверждение о необходимости пролетариям защищать (рука об руку с буржуазией) свое отечество, так как-де начавшаяся война—«оборонительная» и ведется в интересах всего народа. Тот же самый Каутский, который в 1905 г. разъяснял, что разницы между оборонительной и наступательной войной провести нельзя, теперь пустился доказывать как-раз обратное положение.

Большевизм стоял на точке зрения «пораженчества». «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству». Обращаясь к положению России, Ленин писал: «Нельзя в XX веке в Европе, хотя бы и дальневосточной Европе, „защищать отечество“ иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т.-е. худших врагов нашей родины».

Раз мы призываем к революционной борьбе против правительства, тем самым мы стремимся к поражению его в войне и содействуем такому поражению. «Пролетарий не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату-пролетарию „чужой“, воюющей с „нами“ страны, не совершая „государствен-

ной измены", не содействуя поражению, не помогая распаду „своей" империалистской „великой" державы» («О национальной гордости» и «О поражении своего правительства»—«Против течения», 33 и 111 стр., или XIII т., 27 и 82 стр.). Отказываться от лозунга поражения, значит превращать революционность в пустую фразу *).

Тезис Ленина о «поражении своего правительства» оспаривался и ликвидаторами и «центристами». К последним в данном вопросе принадлежал, напр., т. Троцкий, который являлся тем самым «беспомощным прислужником социал-шовинистов». Троцкий утверждал, что желание поражения России есть «ничем не вызываемая и ничем не оправдываемая уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии наименьшего зла». Разбирая это положение, Ленин отмечал, что революционная борьба против войны есть пустая фраза, если под ней не разуметь революционных действий против своего правительства. А последние, конечно, фактически являются содействием поражениям своего правительства (см. XIII т., 79 и сл. стр.).

В течение всей войны Ленин не один раз нападал на половинчатость позиции Троцкого по вопросу об отношении к войне и в частности резко возражал против стремления Троцкого создать единство большевиков и группы Чхеидзе и др. меньшевиков, обретавшихся в тесном союзе с явными социал-шовинистами. В письме к Коллонтай (17 марта 1917 г.) Ленин писал: «По-моему, главное теперь—не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, в роде организационного комитета, Троцкого и К°) и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе». («Ленинский сборник», № 2, 292 стр.).

Касаясь вопроса о «демократическом мире», который проповедывали оппортунисты, большевики доказывали, что

*) Напомним, что такую же позицию занимали большевики в русско-японскую войну. «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия, это дело много выиграло от военного краха»,—писал Ленин по поводу падения Порт-Артура (VI т., 39 стр.).

он невозможен без ряда революций. «Программа мира», выдвигавшаяся Лениным, сводилась, прежде всего, к разъяснению именно этого положения. Затем большевики указывали на необходимость применения на деле лозунга отрицания аннексий и права самоопределения в целях интернационалистской пропаганды. Выставлялся также лозунг отказа от государственных долгов.

Главное, большевики указывали, что демократического мира можно добиться не путем соглашения капиталистических держав (как полагали оппортунисты), а лишь в социалистической революции пролетариата.

Когда началась революция в России, вопрос о революционном окончании войны стал на вполне конкретную почву, и тогда еще раз столкнулись два разных подхода к войне.

Февральская революция 1917 г. была началом фактического превращения империалистской войны в войну гражданскую. Лозунг большевиков начал оправдываться историческими событиями. Войне был нанесен первый удар. Второй удар, который может обеспечить прекращение ее,—это переход государственной власти к пролетариату. «Это будет началом всемирного „прорыва фронта“,—фронта интересов капитала, и, только прорвав э т о т фронт, пролетариат может избавить человечество от ужасов войны» («Задачи пролетариата», XIV т., 1 ч., 46 стр.). Это значило: войну можно кончить только дальнейшим развитием революции; надо поддерживать революцию угнетенных капиталистами классов и свергать класс капиталистов в своей стране. Только в этом борьба с войной. Поэтому большевики были за братанье на фронте, как практическую меру для борьбы за мир, как одно из проявлений начинающегося пробуждения масс в борьбе против буржуазных правительств.

Наши оппортунисты—меньшевики, эсеры и т. д.—выдвинули лозунг «революционного оборончества», не желая видеть, что после появления у власти временного правительства социально-политический характер войны, начатой царским самодержавием, ни капли не изменился. Власть была в руках буржуазии. А «класс, который господствует, определяет политику и в войне». Внешняя политика Милюкова, Керенского, Терещенко и др. была сколком с царской политики. Они клялись в верности союзникам, скрывали хищни-

ческие тайные договоры, продолжали войну в интересах англо-французского капитала. Оборончество при таких условиях ни на одну иоту не было революционным, а насквозь буржуазным.

Понятно, что меньшевики и эсеры, поддерживавшие старую политику, стояли и за наступление на фронте, т.-е. за деятельное продолжение империалистической войны со всем ее внутренним содержанием.

Революционную войну и революционное оборончество большевики признавали лишь при условии перехода власти к пролетариату, отказа на деле от всяких аннексий и полного разрыва со всеми интересами капитала. «Ни один революционный класс зарекаться от революционной войны не может, потому что иначе он осуждает себя на смешной пацифизм. Мы не толстовцы» («Речь о войне на съезде советов», XIV т., 1 ч., 316 стр.).

Перед октябрем Ленин формулировал точно и ту программу мира, которую будет осуществлять пролетариат, захватив власть. Советское правительство немедленно предложит всем воюющим народам заключить мир. Главным условием мира должен быть отказ от аннексий, в том смысле, что «каждая народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она отдельное государство, или входит в состав любого иного государства». Наконец, советское правительство должно будет опубликовать и расторгнуть тайные договоры и предоставить украинцам, финляндцам и др. народностям право отделения («Задачи революции», XIV т., 2 ч., 128 стр. *).

На другой день после захвата власти большевики выразили эту программу в «декрете о мире». Россия первая революционным путем вышла из войны и указала на своем опыте, каков единственный выход из империалистической бойни.

---

*) Еще в № 47 „С.-Д.“, а затем в Швейцарии перед отъездом в Россию Ленин так формулировал программу партии, если бы она встала у власти: 1) Мы немедленно предложили бы мир всем народам. 2) Мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении всех колоний и всех угнетенных и неполноправных народов. 3) Мы немедленно начали бы и „довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами“ (XIV т., 2 ч., 405 стр. и „Против течения“, 301 стр.).

3. Крах II Интернационала.

Первый Интернационал, руководимый Марксом и Энгельсом, заложил основы международному объединению пролетариата. Он создавался, когда еще были в памяти революционные грозы середины XIX в. Он распался вскоре после героической Коммуны, первого провозвестника грядущей диктатуры пролетариата. Первый Интернационал наметил линии, по которым должно итти объединение пролетариата в его борьбе против капитализма.

Внутренняя борьба в I Интернационале шла, главным образом, между марксистами и анархистами.

Второй Интернационал (с 1889 г.) сложился и действовал в период спокойной парламентской борьбы и в годы быстрого роста капитализма, захвата и раздела колоний, эксплоатации капиталистическими державами других стран и колоний. Рост международного рабочего движения пошел вширь, и это сопровождалось усилением оппортунизма, который привел, в конце-концов, международную организацию рабочих к позорному краху. Внутренняя борьба во II Интернационале шла между революционными марксистами и оппортунистами.

Оппортунизм отражает буржуазное влияние в рабочем классе. Энгельс еще в 1858 г. писал о том, что обуржуазивается английский пролетариат на почве эксплоатации Англией всего мира. И в других странах капиталу, благодаря колониальным владениям и сверх-прибыли, удалось выделить сравнительно широкий слой рабочей аристократии, лучше оплачиваемой. Это и была истинная опора оппортунистов II Интернационала. «Вожди» II Интернационала, занимавшие парламентские, профессионалистские, журналистские местечки, точно так же подпали под влияние буржуазии, которая прямо и косвенно подкупала их.

Получая крохи с империалистского стола, рабочая аристократия отрывалась от бедствий и страданий миллионов разоряемой капиталом нищеты, заключала союз с буржуазией против массы пролетариата, приносила в жертву временным интересам ничтожной кучки рабочих коренные интересы всего класса.

Основную сущность оппортунизма Ленин выразил так: «Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя „широкие массы населения“ (читай: мелкую буржуазию),—таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма» («Положение и задачи социал. Интернационала», «Против течения», 3 стр., или XIII т., 12 стр.).

Русскому большевизму пришлось немало посражаться с оппортунизмом в собственных рядах. Струвизм был одним из видов этого оппортунизма. Ленин указывал, что струвизм есть международное явление. Струвизм—это выхолощенный марксизм, марксизм без его революционности, без его истинной души. Струвизм—это «международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм „посредством мягкости“, удушить посредством объятий... взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до „общего“ признания „социалистических идеалов“ и смены капитализма „новым строем“, и отбросить „только“ живую душу марксизма, „только“ его революционность» («Крах II Интернационала», XIII т., 147 стр.).

Все эти разновидности оппортунизма десятилетиями выращивались в рабочих партиях Европы. Война подняла оппортунизм на высшую ступень, увеличила число его сторонников, количество оттенков, разнообразие аргументации. Оппортунизм стал социал-шовинизмом, скрытое предательство рабочего класса превратилось в открытую измену пролетариату, маскировавшийся ранее союз оппортунистов с буржуазией теперь был открыто провозглашен и наглядно засвидетельствован вхождением «социалистов» в буржуазные правительства.

В связи с войной во II Интернационале резко определились три течения: 1) шовинистов, предателей пролетариата, 2) выдержанных марксистов-интернационалистов и 3) центр,

составившийся из колеблющихся и растерявшихся, которые фактически помогали оппортунистам (Каутский).

Во II Интернационале верх одержали оппортунисты, и это означало, что он погиб, потерпев позорное банкротство. Крах II Интернационала выразился, прежде всего, в измене большинства с.-д. партий своим убеждениям и резолюциям социалистических конгрессов. Благодаря ему, рабочие партии превратились в национал-либеральные.

Это предательство оппортунистов поставило ребром вопрос об отношении к ним. Ведь, «социалистические партии—не дискуссионные клубы, а организации борющегося пролетариата», и элементарная дисциплина требовала изгнать из своих рядов изменников, перешедших в лагерь классовых врагов. «Единство пролетариата есть величайшее оружие его в борьбе за социалистическую революцию»; поэтому, если к пролетариату примыкают или в рядах его оказываются мелкобуржуазные, оппортунистические элементы, фактически не желающие борьбы, единство с ними «вредно и губительно». Оппортунисты, раз они перешли к буржуазии,—наши классовые враги, они агенты буржуазии в рабочем движении, и нам нужно, безусловно, отделиться от них. Беспощадная борьба против них, изгнание их из рабочих партий, раскол с ними—очередная задача партий. Так формулирована была позиция большевизма сейчас же после начала мировой войны.

В течение всего военного периода и затем после победы в октябре Ленин не один раз возвращался к вопросу об отношении к оппортунистам в рядах европейских партий. Он учил европейских товарищей, что, «имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, н е л ь з я победить в пролетарской революции, н е л ь з я отстоять ее».

Оппортунизм погубил II Интернационал. Но рабочий класс должен помнить и об исторических заслугах II Интернационала, к которым относится «создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических, использование буржуазного парламентаризма, как и всех вообще учреждений буржуазной демократии» и т. п. («О задачах III Интернационала», XVI т., 276 стр.).

III Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отбросил его оппортунизм и повел дальше борьбу за диктатуру пролетариата.

4. III Интернационал.

В своей статье по поводу манифеста нашей партии о войне (1 ноября 1914 г.) Ленин провозгласил лозунг: «Да здравствует III Интернационал», и указал, что «III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма».

В брошюре «Социализм и война», вышедшей как-раз накануне Циммервальдской конференции, Ленин указывал, что III Интернационал должен строиться на революционной базе, и поэтому первая задача—это решительный раскол с оппортунистами и шовинистами. Разрыв с социал-шовинистами должен быть самым решительным и бесповоротным. Только при этом условии возможно действительно говорить о воссоздании Интернационала.

В сентябре 1915 г. был сделан первый практический шаг для нового объединения рабочих мира: в Циммервальде собралась конференция, на которой были представлены группы меньшинства с.-д. партий, не согласные с шовинистской политикой II Интернационала. Здесь образовалась под руководством Ленина «Циммервальдская левая», группа марксистски выдержанных и революционных делегатов. И хотя манифест конференции страдал оппортунистическими уклонами, все же был дан толчок к сплочению интернационалистских групп. Была создана интернациональная социалистическая комиссия фактически в противовес Международному Социалистическому Бюро—центру II Интернационала. На конференции в Кинтале вопрос о формальном расколе и образовании III Интернационала стал еще более резко, но и на этот раз определенного лозунга к расколу и созданию новой организации не было дано,—сторонники большевизма все еще были в меньшинстве.

Перевес «центристов» на обеих конференциях вообще помешал полному выявлению марксистской позиции в вопросе о войне. Так, например, было отвергнуто предложение левых призвать рабочих всех стран к непосредственной борьбе против своих правительств. По ряду вопросов конференции за-

няли половинчатую, колеблющуюся позицию. Поэтому «левые» выступили со своими манифестами и заявлениями.

После февральской революции наша партия с полной определенностью ставит одной из очередных задач: «обновление Интернационала... создание революционного Интернационала против социал-шовинистов и против „центра" (апрельские тезисы Ленина).

В статье «Задачи пролетариата в нашей революции» (10 апреля 1917 г.) Ленин предлагал «основать именно нам, именно теперь, без промедления, новый революционный, пролетарский Интернационал». Он указывал, что завоеванной свободой надо, прежде всего, воспользоваться именно для основания Третьего Интернационала. И апрельская конференция нашей партии (1917 г.), в полном согласии с своим вождем, поручила ЦК «приступить немедленно к шагам по основанию Третьего Интернационала».

Наша партия первая формально порвала с II Интернационалом. Только она в 1917 г. решительно стала на сторону революционной тактики против оппортунизма, «центризма» и пр. Ее примеру последовал ряд стран. К началу 1919 г. независимые от II Интернационала коммунистические партии существовали уже в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Финляндии и некоторых других странах. Основание Коммунистического Интернационала стало фактом. Первый съезд Коминтерна (март 1919 г.) оформил создание нового Интернационала.

Задачу и будущую роль III Интернационала Ленин тогда же определил так: «Всемирно-историческое значение III Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата» («Третий Интернационал и его место в истории», XVI т., 182 стр.).

На первом конгрессе Коминтерна Ленин считал нужным подчеркнуть два основных лозунга: борьбу за диктатуру пролетариата и создание советской системы. В качестве практических мер он особенно выдвигал борьбу с оппортунизмом. Он указывал в этом случае на ряд необходимых мер: всю пропаганду и агитацию надо вести с точки зрения револю-

ции, в противоположность реформизму, соединять легальную и нелегальную работу, беспощадно изгонять из рабочего движения оппортунистических вождей, вести борьбу против своей буржуазии, и т. д.

Первый конгресс провозгласил основные принципы: диктатуру пролетариата и Советскую власть. Второй конгресс занялся с особым вниманием организационным оформлением III Интернационала, с целью на деле избавиться от прямых и косвенных оппортунистов, которые хлынули в Коминтерн под давлением поворота рабочей массы. В то же время второй конгресс дал более конкретные указания, как следует вести подготовку для осуществления лозунгов «диктатура пролетариата» и «Советская власть».

В своих тезисах ко второму конгрессу Ленин особенно останавливался на том, что все разговоры о мирном, реформистском переходе к социализму есть не только тупоумие, но и прямой обман. Он указывал, что победу над эксплоататорами даст «только насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, бюрократического, административного, муниципального и пр., вплоть до поголовного изгнания и интернирования эксплоататоров, наиболее опасных и упорных» (XVII т., 231 стр.).

Победа социализма, по тезисам Ленина, требует осуществления пролетариатом трех основных задач: 1) надо свергнуть эксплоататоров и подавить их сопротивление; 2) увлечь за пролетарским авангардом не только подавляющее большинство пролетариата, но и массу трудящихся и эксплоатируемых капиталом и 3) нейтрализовать или обезвредить колебания между пролетариатом и буржуазией со стороны мелких хозяев в земледелии, торговле и промышленности и в слоях интеллигенции.

В этих целях особенно важно правильное отношение между партией и массой трудящихся.

Ленин делал в тезисах целый ряд указаний коммунистическим партиям по вопросам тактики в борьбе пролетариата за власть. В докладе и прениях он обращал особое внимание на крупную роль национального и колониального вопросов в современном рабочем движении.

На основании частью тезисов, частью других указаний Ленина, Коминтерн составил знаменитые 21 условие, затруднявшие вступление в III Интернационал колеблющихся и оппортунистических элементов. Но, отметая врагов справа, Ленин наносил удары и тем товарищам слева, которые забывали основы марксистской теории. В брошюре «Детская болезнь „левизны"» (1920 г.), уже не один раз нами цитировавшейся, Ленин указывал на опасность левых уклонов (в роде отрицания парламентаризма, отказа от участия в реакционных профсоюзах), кажущихся революционными, а фактически носящих мелкобуржуазный, чисто-анархический характер. И на втором конгрессе, особенно во время прений, Ленин боролся и с правым, и с левым крылом.

Когда в 1921 г. собрался III конгресс, успехи коммунистического движения во всем мире были налицо. Об этом свидетельствовал уже один рост числа примкнувших партий и число делегатов с решающим голосом. На первом конгрессе было 33 представителя с реш. гол. от 19 партий (и 19 представителей от 16 партий с совещ. гол., при чем преимущественно были представлены небольшие страны (Венгрия, Швеция, Латвия, Армения и т. д.). Второй конгресс собрал 169 делегатов от 48 партий (и 45 делегатов от 16 партий с совещ. гол.), и на этот раз были представлены все крупные страны мира. На третьем конгрессе было 502 делегата от 43 партий и 28 организаций (и 101 делегат от 27 партий и организаций с совещ. голосом). Всего в партиях с решающим голосом было тогда (через два года после создания Коминтерна) два миллиона членов.

Третьему конгрессу предстояло наметить пути для деловой, положительной работы на основе учета опыта коммунистической борьбы, определить, как именно работать в области тактической, организационной и т. д.

Выступление Ленина на этом конгрессе с особенной отчетливостью выдвинуло три вопроса: нэп, завоевание коммунистами большинства пролетариата, отношение к центризму.

Подробно защищая политику нэп'а с точки зрения необходимости тесного союза пролетариата с крестьянством, Ленин обобщал русский опыт в целях использования его западно-европейскими коммунистами. Он указывал, что нэп в

том или ином виде должны пережить и другие страны, которые вступят на путь пролетарской революции.

Отметив, что для России «главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию», Ленин говорил, что и эта труднейшая задача социалистического строительства встанет перед всеми капиталистическими странами. Вовлечение крестьянства и мелкой буржуазии в борьбу пролетариата под его руководством является существенным условием для победы. «Для победы нужно сочувствие масс. Не всегда необходимо абсолютное большинство, однако, для победы, для удержания власти необходимо не только большинство рабочего класса..., но и большинство эксплоатируемых и трудящихся сельского населения» («Тезисы о тактике», XVIII т., 1 ч., 313 стр., «Речь в защиту тактики», XVIII т., 1 ч., 310 стр.).

«Главнейшей задачей» перед коммунистическими партиями было поставлено завоевание на свою сторону большинства пролетариата. Такое завоевание рабочей массы на сторону коммунизма мыслилось не формально, а как фактический уход массы из-под влияния буржуазных вождей II Интернационала. Касаясь специально германской партии, пострадавшей от неудачного мартовского восстания (1921 г.), Ленин говорил: «Не терять хладнокровия и выдержки; систематически исправлять ошибки прошлого; неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах, и вне их; терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий, вырабатывать в себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой „просвещенной“ (вековым опытом вообще, „русским опытом“ в особенности) передовой буржуазии» («Письмо немецким коммунистам» о III конгрессе, XVIII т., 1 ч., 344 стр.).

Третьим вопросом, который Ленин называл сам «гвоздем» III конгресса, было выправление линии по отношению к центризму. По его словам, некоторые из лучших частей Коминтерна «чуточку преувеличили „борьбу с центризмом“, чуточку перешли ту грань, за которой эта борьба превращается в спорт».

В тезисах и выступлениях Ленин касался еще ряда важнейших вопросов международного движения, его организации, стратегии и тактики.

На IV конгрессе Ленин выступал больным с одним докладом. Он подвел итог нэп'а и отношениям пролетариата и крестьянства. Он указал на «колоссальное количество глупостей», сделанных русскими коммунистами, и на некоторые ошибки III конгресса, и кончил призывом «учиться и учиться». Русским «необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное», иностранцам—«учиться в специальном смысле, чтобы постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы» («Пятилетие российской революции», XVIII т., 2 ч., 99—100 стр.).

Конечно, эти выступления Ленина были только небольшой частицей гигантской работы, сделанной им для упрочения Коминтерна. III Интернационал, как и РКП, были поистине детищами, которых выпестовал Ленин.

5. Социалистическая революция.

III Интернационал создался, как боевая организация международного пролетариата, для захвата власти, установления диктатуры, осуществления социалистической революции.

Вопреки теоретикам и практикам II Интернационала, откладывавшим период социалистической революции в какое-то далекое будущее или даже вовсе отрицавшим пролетарскую революцию (ибо социализм-де внедрится в капиталистическом мире через парламентские реформы), Ленин уже во время первой русской революции определенно приближал этот исторический момент к нашему времени.

В статье «Борьба пролетариата и холопство буржуазии» («Пролетарий», июнь, 1905 г.) он писал: «Нет, не мечта всенародное вооруженное восстание, не праздная мысль о полной победе пролетариата и крестьянства в настоящей демократической революции. А какие великие перспективы открывает такая победа для европейского пролетариата... Победа демократической революции будет сигналом к началу социалистической революции, к победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран» (VI т., 253 стр. Курсив мой).

Много раз отмечая связь первой революции с международным движением рабочих Запада, Ленин говорил, что там—«революционный резерв» революции, что единственной гарантией от реставрации будет социалистический переворот на Западе, который не за горами. В 1908 г. Ленин давал такую оценку положения на Западе: «В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией,—борьбы, во много раз более подготовленной со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев». И он ставил в связь рост горючего материала в Европе с обострением революционной демократической борьбы в Азии («Горючий материал в мировой политике», XI т., 1 ч., 103 стр.).

Социалистическая революция в глазах Ленина была уже «на пороге» Европы. Мировая война, так ярко выявившая крах капитализма, заставила сформулировать лозунг захвата власти и социалистической революции, как очередной. В 1915 г. Ленин писал, что «освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно... для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» («О двух линиях революции», «Против течения», 308 стр. или XIII т. 214 стр.).

Пытаясь наметить условия и обстановку грядущей социалистической революции, Ленин писал в эти годы: «Возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране». Словно предвидя будущую борьбу советских республик, он добавлял: «Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств». («О лозунге Соед. Штатов Европы», «Против течения», 30 стр. или XIII т., 133 стр.).

О самом характере революции Ленин писал, что социалистическая революция в Европе неизбежно будет «взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных недовольных».

К началу февральской революции позиция Ленина на этот счет была вполне определенна. В первом «Письме издалека» (март 1917 г.) борьба за «демократическую республику и полную победу крестьянства над помещиками» тесно связывалась с непосредственно следующим этапом—социализмом, «который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу».

На апрельской конференции, касаясь социалистической революции в России, Ленин указывал, что неправильно думать, будто «социализм должен притти из других стран с более развитой промышленностью». Русская обстановка такова, что захват власти и проведение социалистических мер более осуществимы, чем на Западе.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. Этого не понимают меньшевики и эсеры, которым социализм представляется «чем-то далеким, неизвестным, темным будущим». Между тем, «социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма». Если мы, завоевав республику и демократизм, хотим итти вперед, то нет другого пути, как итти к социализму. Ведь, «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа» («Грозящая катастрофа», XIV т., 2 ч., 208—209 стр.).

После победы пролетарской революции в России Ленин подверг тщательному учету всю обстановку, содействовавшую успеху, дал характеристику своеобразия социалистической революции в отличие от буржуазной, вывел правила стратегии борьбы за захват власти и т. д.

С точки зрения «марксистов» в кавычках, которые привыкли мыслить по шаблону, казалось всегда невозможным, чтобы первой страной, начавшей социалистическую революцию и установившей диктатуру пролетариата, могла явиться Россия, т.-е. одна из наиболее отсталых стран Европы, вдобавок полукрестьянская по характеру. Эти люди забывали всю сложность экономических и политических условий отдельных стран, все исключительное разнообразие периодов революционных взрывов. «История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, „хитрее", чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых партий» («Детская болезнь», XVII т., 181 стр.).

В статье «Третий Интернационал» Ленин указал шесть главнейших причин, почему Россия оказалась первой страной пролетарской диктатуры: 1) политическая отсталость царской монархии вызвала необычайную силу революционного натиска масс, 2) пролетарская революция против буржуазии сливалась с крестьянской против помещиков, 3) революция 1905 г. явилась «генеральной репетицией», много сделавшей для политического обучения масс пролетариата и крестьянства, 4) географические условия позволили России продержаться против внешнего перевеса капиталистических стран, 5) своеобразие отношений пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, 6) долгая школа стачечной борьбы и опыт европейского массового рабочего движения облегчали возникновение революционной организации советов (XVI т., 185 стр.).

Касаясь в «Детской болезни „левизны"» того же вопроса, Ленин добавлял еще несколько штрихов для характеристики своеобразных условий России, помогших ей начать социалистическую революцию. Он обращал внимание на возможность соединить октябрьский переворот с окончанием войны, на использование антагонизма двух враждующих групп империалистических хищников, на возможность выдержать долгую гражданскую войну отчасти в связи с гигантскими размерами страны и плохими путями сообщения (XVII т., 153 стр.).

Разбирая книгу Суханова о революции, Ленин отмечал полную неспособность мелкобуржуазных «социалистов» понять конкретную обстановку, которая сделала возможным переход к социализму. На их обычный довод, что в России-де нет «объективных экономических предпосылок для социализма», Ленин отвечал: «Ну, а что, если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западно-европейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся, революций Востока,—в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз „крестьянской войны" с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой „марксист", как Маркс, в 56 году по отношению к Пруссии».

Если для социализма нужен известный уровень культуры, то «почему нам нельзя начать сначала с завоевания рево-

люционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» («О нашей революции», XVIII т., 2 ч., 119 стр.).

Тесную связь буржуазной и пролетарской революции в эпоху империализма Ленин не раз отмечал. «Чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей пролетарски революционной, социалистической работы... Буржуазно-демократические преобразования,—говорили и доказывали делом мы,—есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической революции... Герои „2½-ного" марксизма не сумели понять такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба, и только борьба, решает, насколько удастся второй перерасти первую» («К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», XVIII т. стр. 365—366).

Опыт Октябрьской революции дал нам фактические материалы для суждения об особенностях социалистической революции в сравнении с бывшими ранее революциями буржуазными. «В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения». Оно выполняло эту созидательную работу довольно легко, во-первых, потому, что сопротивление распыленных масс было слабо, а, во-вторых, потому, что стихийно растущий вширь и вглубь рынок сам создавал организующую основу для такой работы. Ведь, для буржуазной революции «новые экономические ситуации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества». Поэтому перед буржуазной революцией стоит одна задача—отбросить и разрушить все путы старого общества.

Совершенно иные условия социалистической революции. К задачам разрушения прибавляются неслыханно трудные организационные проблемы. Переход от капиталистических отношений к социалистическим, особенно в странах отсталых, как Россия, безусловно труден. «Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции... является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей». «Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле («Доклад по поводу Брестского мира», XV т., 124—125 стр. и «Очередные задачи Сов. власти» XV т., 194—195 стр.).

Буржуазия в момент своих революций уже имела готовые формы капиталистических организаций, пролетариату приходится самому строить заново организации, которые бы превратились в «единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом».

Касаясь осуществления социалистической революции, Ленин иронически отзывался о тех, кто рассчитывает получить социализм чистеньким, готовеньким, гладеньким. Социалистическая революция проходит через сложные этапы борьбы, бешеного сопротивления буржуазии. Ее основные этапы, по опыту Октябрьской революции, можно наметить так: первой задачей партии пролетариата является убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики, завоевать массу. Вторая задача—захват власти и подавление сопротивления эксплоататоров. Третья задача — организация управления страной, т.-е. организация управления хозяйством в первую очередь. Само собой понятно, что эти этапы являются лишь примерными вехами пролетарской революции.

Социалистическую революцию в Европе будет труднее начать, чем это было в России, но легче продолжать. Она неизбежно будет связана с освободительной борьбой колоний и восстаниями угнетенных народностей.

Самый момент социалистической революции в той или иной стране мы, конечно, не можем предсказать. Но мы можем дать себе отчет, готовы ли мы к последнему решительному бою. Для этого надо считать миллионами и десятками миллионов. Надо дать отчет в расстановке и соотношении всех классовых сил данного общества. «Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса, а еще и о том, размещены ли исторические действенные силы в с е х классов, обязательно всех без изъятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим». А для этого надо: 1) чтобы все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, передрались и обессилели, 2) чтобы мелкая буржуазия и др. промежуточные элементы достаточно опозорили себя своим банкротством, и 3) чтобы в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу самых решительных революционных действий против буржуазии («Детская болезнь „левизны“», XVII т., 180 стр.).

Учение Ленина о социалистической революции будет неполным, если мы не принимаем во внимание его взглядов на роль государства, диктатуру пролетариата, учение о переходном периоде к коммунизму, о роли массы, и т. д. Этих вопросов мы коснемся дальше.

Глава IX.

Национальный вопрос.

1. Пролетариат и национальный вопрос.

Первые статьи Ленина, затрагивающие национальный вопрос, мы находим в «Искре». Они касаются, главным образом, трех тем: националистической политики царизма, роли национального момента при организации рабочей партии и права наций на самоопределение.

Характеризуя колониальную грабительскую политику царизма на Востоке и систему угнетения окраин и еврейских погромов, Ленин призывал пролетариат восстать против тех, кто, разжигая национальную ненависть, развращает сознание народных масс и кто ведет колониальную политику в угоду кучке фабрикантов и капиталистов. «Мы все еще до такой степени рабы,—писал он,—что нами пользуются для обращения в рабство других племен».

Главным средством против антисемитизма и национализма вообще является «революционное просвещение народной массы и организация ее передового элемента—пролетариата».

Для этого требуется единство действия всех социал-демократических рабочих. «Единство же действий всего лучше обеспечивается единством организации при единстве программы». Поэтому Ленин решительно восставал против попыток («Бунда» и др.) строить партию пролетариата по национальному признаку, т.-е. создавать ряд национальных рабочих партий, разъединяющих пролетария-еврея от поляка, русского и создающих искусственный антагонизм и организационную раздробленность в рядах пролетариата.

«Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную отчужденность рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освящать этого безобразия никакими «принципами» партийной особности или партийной «федерации» («Национальный вопрос в нашей программе», IV т., 247 стр.). Ленин требовал организационного единства партии независимо от национального признака.

Бунд стоял на позиции сепаратизма, федерации. Он претендовал на то, чтобы объединять еврейских рабочих в самостоятельную партию, входящую в российскую партию лишь на началах федерации. Практически это приводило к созданию в Ю.-З. крае и Польше параллельных рабочих с.-д. организаций, раздроблению сил, усилению национализма. Это нарушало и основной принцип большевизма в организационном вопросе—централизм, монолитность партии. К тому же Бунд предъявлял требование признать его «единственным» представителем еврейского пролетариата.

В 1903 г. бундовцы формально вышли из партии из-за этих разногласий. Когда в 1906 г. они снова вернулись в партию, то партия поставила условием прекращение сепаратизма, т.-е. объединение на местах рабочих социал-демократов всех и всяких национальностей.

По вопросу о праве наций на самоопределение Ленин писал, что это требование программы должно быть подчинено интересам классовой борьбы. «Безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократия, как партия пролетариата, ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности». Отметив необходимость стремиться к самому тесному объединению всех национальностей, Ленин указывал, что «лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставить и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства» («Национальный вопрос в нашей программе», IV т., 240 стр.).

Таким образом, право наций на самоопределение должно

в каждом отдельном случае оцениваться с точки зрения классовой борьбы пролетариата и в зависимости от данной конкретной обстановки. И оно никоим образом не должно затемнять классовой борьбы и разрушать единства пролетариата.

Только после 1912 г., перед войной, Ленин вплотную занялся национальным вопросом. Непосредственным толчком был рост национализма в России и обострение национальных противоречий в Европе в связи с балканской войной.

В «Критических заметках по национальному вопросу» Ленин наметил две исторических тенденции в национальном вопросе при капитализме. «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма». Программа социал-демократии в национальном вопросе считается с обеими этими тенденциями. Поэтому она отстаивает, «во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении (а также право наций на самоопределение), а. во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным» (XIX т., 46 стр.).

Бундовцы, украинские национал-социалисты и кое-какие меньшевики выставляли лозунг «национальной культуры» и «культурно-национальной автономии», т.-е. изъятия школьного дела из рук государства и передачи его в руки каждой нации в отдельности. Большевики возражали против этих мелкобуржуазных лозунгов. Мы должны стремиться к соединению рабочих всех наций против всякого национализма, за истинно-демократическую общую школу. О национальной культуре могут говорить только буржуа и клерикалы, пролетарии думают о международной культуре, создаваемой рабочим движением.

«В каждой национальной культуре есть хотя бы и неразвитые элементы демократической и социалистической

культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная), притом не в виде только „элементов", а в виде господствующей культуры. Поэтому „национальная культура" вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» (XIX т., 43 стр.).

Выдвигая лозунг интернациональной культуры, мы берем из каждой национальной культуры только ее демократические и социалистические элементы в противовес буржуазному национализму каждой нации.

Поэтому русский пролетариат не должен допускать лозунга национальной культуры, а «бороться против своих великорусских помещиков и буржуа, против их «культуры» во имя интернационализма». Конечно, одновременно нужно бороться и с буржуазным национализмом других стран.

В школьном деле мы должны не разгораживать нации, а, наоборот, создать условия для мирного сожительства наций на основе равноправия. Точно так же вредно требование сделать русский язык обязательным. «Мы не хотим загонять в рай дубиной». Население должно иметь право обучать своих детей на местном родном языке.

Вопрос о национальной культуре не возбуждал никаких разногласий в среде большевиков. Другой вопрос—о праве наций на самоопределение—послужил предметом больших расхождений как с польскими товарищами, близко к нам стоявшими, так позднее и в среде самой партии.

2. Право наций на самоопределение.

Уже со второго съезда в программе партии стоял пункт о «праве на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» (§ 9). Резолюция по национальному вопросу, принятая на совещании ЦК с партийными работниками (лето 1913 г.), указала, что под правом на самоопределение разумеется право «на отделение и образование самостоятельного государства». Резолюция отмечала, что это право социал-демократия должна отстаивать как в интере-

сах борьбы против национального угнетения, созданного царской монархией, так и в интересах дела освобождения самого великорусского населения.

Против этого права наций особенно резко возражала Роза Люксембург, и, защищая его, Ленин, главным образом, полемизировал против нее. Он отмечал прежде всего, что национальные движения, свойственные эпохе капитализма, имеют глубокую экономическую основу: для победы товарного производства необходимо завоевание буржуазией внутреннего рынка и государственное сплочение территории с населением, говорящим на одном языке. Поэтому образование национальных государств является тенденцией всякого национального движения. Так образуются рамки для свободного развития товарного хозяйства. Национальное государство создает наилучшие условия для развития капитализма.

Право наций на отделение от чуженациональных коллективов, выдвигаемое русской социал-демократией, нужно рассматривать не абстрактно, а в условиях конкретной русской действительности. В чем характерные особенности России в области национального вопроса? Россия—государство с единым национальным центром—великорусским. Великоруссы (ок. 70 милл. чел.) занимают гигантскую сплошную территорию. «Инородцы» (ок. 57% населения) населяют окраины. Национальное угнетение в России гораздо сильнее, чем в других странах. Во многих случаях угнетенные народности России имеют за границей сородичей, пользующихся большей национальной независимостью. Развитие капитализма и общий уровень культуры на окраинах часто выше чем в центре государства (Польша, Финляндия). В соседних азиатских государствах начались буржуазные революции и национальные движения, частью захватывающие и родственные народности в России.

Эти особенности делают исключительно важным признание права наций на отделение, иначе мы будем играть на-руку феодалам, буржуазии и абсолютизму, угнетающей нации—царскому самодержавию.

Только признание этого права поможет сплочению пролетариев разных национальностей в их общей классовой борьбе.

Угнетение великороссами других национальностей является препятствием для их собственного освобождения.

Здесь полная аналогия с отношениями Англии и Ирландии. Маркс советовал поставить английским рабочим в программу пункт о полном отделении Ирландии. «Прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией»,—писал Маркс.—Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии».

Национальное угнетение всегда крайне развращающе действует на рабочий класс и приводит к резкому разделению его. Положение рабочих в угнетающих и угнетенных нациях чрезвычайно различно. «Рабочие угнетающей нации до известной степени участники своей буржуазии в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенных наций». В политическом отношении рабочие угнетающих наций занимают привилегированное положение в сравнении с рабочими угнетенных наций. Кроме того, «рабочие угнетающей нации всегда воспитываются и школой, и жизнью в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций» («О карикатуре на марксизм», т. XIII, стр. 365).

Программа с.-д. в национальном вопросе сводится к двухсторонней задаче: с одной стороны, надо бороться со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским и добиваться права наций на самоопределение вплоть до отделения, с другой—отстаивать единство пролетарской борьбы и слияние пролетарских организаций в Интернационал (см. «О праве наций на самоопределение», XIX т., 97 и сл. стр.).

Империалистическая война снова со всей остротой подняла национальную проблему. В тезисах весной 1916 г. Ленин еще раз централизирует внимание социалистических партий на праве наций на самоопределение, т.-е. «праве на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации».

«Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а следовательно, не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, т.-е. право на свободное политическое отделение. Социалистические партии, ко-

торые не докажут всей своей деятельностью и теперь, и во время революции, и после победы, что они освободят порабощенные нации и построят отношения к ним на основе свободного союза,—а свободный союз есть лживая фраза без свободы отделения—такие партии совершили бы измену по отношению к социализму».

Конечно, задачей социализма является не только уничтожение раздробления на мелкие государства, а сближение и слияние наций. Для того, чтобы достигнуть этой цели, надо покончить с национальным гнетом—итти к слиянию через известный период временного разделения. «Подобно тому, как человечество может притти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может притти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.-е. их свободы отделения». Первая задача социалистов—требовать свободы отделения для наций и колоний, угнетаемых их отечественной буржуазией. Английские социалисты, не защищающие права на отделение Индии и Ирландии и не поддерживающие их освободительной борьбы,—не социалисты, а шовинисты, лакеи буржуазии. Когда начнется социалистическая революция (а она «может начаться в самом близком будущем»), необходимо будет тотчас же провозгласить и на деле осуществить свободу всех угнетенных народов. («Социалистическая революция и право наций на самоопределение»—тезисы, XIX т., 168, 172, 176 стр.).

В полемике против П. Киевского (Ю. Пятакова) Ленин указывал, что самоопределение наций вплоть до отделения является необходимым этапом в деле социалистической революции. Он отмечал, что социализм невозможен без демократии, в том смысле, что, во-первых, пролетариат подготовляется к социалистической революции борьбой за демократию, и, во-вторых, что при победе социализм может удержаться и привести человечество к отрицанию государства только путем полного развития демократии. («О карикатуре на марксизм», т. XIII, стр. 384).

Национальный гнет исчезает, конечно, только при социализме. Но надо себе ясно представлять те основные переходные ступени, по каким пойдет это отмирание национа-

лизма. «Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создаст возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действительность „только"—„только"!—при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства, сообразно „симпатиям" населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь разовьется практически абсолютное устроение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства». («Итоги дискуссии», XIX т., 185 стр.).

В этих словах уже кроется предвидение Союза Советских Республик, начавших осуществлять свободу национальностей.

В связи с правом на самоопределение стоял вопрос об аннексиях. В эпоху войны лозунг «мир без аннексий» широко употреблялся самыми заядлыми шовинистами. При этом под аннексиями каждая страна разумела свое, чаще всего речь шла о новых возможных захватах, или захватах не так давно совершонных (Эльзас-Лотарингия). Ленин поставил аннексии в связь с правом на самоопределение. В понятии аннексии он отмечал три основных элемента: насильственное присоединение, чуженациональный гнет и (иногда) нарушение status quo.

Социалисты—против аннексий, потому что аннексии есть нарушение самоопределения наций, установление границ государства вопреки воле населения. Таким образом, под понятие аннексии попадают Финляндия, Курляндия, Польша и пр.

Чтобы воспитать рабочих в угнетающих странах в духе интернационализма, мы должны сугубо бороться за свободу отделения угнетенных наций. «Член угнетающей нации должен быть „равнодушен" к вопросу о том, принадлежат ли маленькие нации его государству или соседнему, или сами по себе, смотря по их симпатиям: без такого „равнодушия", он не социал-демократ. Чтобы быть социал-демократом-интернационалистом, надо думать не о своей только нации, а выше ее ставить интерес всех, их всеобщую свободу и равноправие». «Наоборот, с.-д. маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на втором слове

нашей общей формулы: „добровольное соединение наций". Он должен бороться против мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего» («Итоги дискуссии», XIX т., 204—205 стр.).

На VIII съезде партии лозунг о праве нации на самоопределение подвергся дискуссии, так как тов. Бухарин и др. выдвигали вместо него лозунг «право трудящихся на самоопределение». Ленин возражал. Такая перемена лозунга не считается с теми трудностями, с какими происходит дифференциация (отделение) пролетариата от буржуазных элементов. Каждая нация должна получить право на самоопределение, это способствует самоопределению трудящихся. Говорить, что мы наций не признаем, потому что в них входит и буржуазия, значит просто не считаться с фактами. Национальное освобождение—этап к освобождению пролетариата от национального шовинизма.

Позиция Ленина была съездом одобрена.

Национальный гнет в обстановке капитализма так велик, национальная рознь еще так значительна, что нельзя ожидать скорого изживания национализма. Поэтому глубоко ошибочна та «прудонистская» позиция некоторых с.-д., которые говорили: пролетариат борется за социализм, за интернационализм и не должен иметь в своей программе пунктов о национальном самоопределении. Ленин указывал, что мы еще увидим впереди ряд национальных войн. Такие войны возможны даже в самой Европе, поскольку теперь война кончится порабощением жизнеспособных наций, или со стороны маленьких угнетенных наций. Совершенно неизбежны национальные войны в колониях и полуколониях. Национальные освободительные движения здесь очень сильны, продолжение этих движений неизбежно превратится в войны против угнетающего империализма Англии, Америки, Франции и т. д.

Эти перспективы тем более обязывают с.-д. иметь специальную программу по национальному вопросу и не стоять в стороне от национальных движений.

Так была сформулирована позиция большевизма еще до февральской революции.

3. Восток и колонии.

Национальный вопрос привлекал внимание европейской социал-демократии лишь как вопрос о национальном освобождении некоторых культурных наций (Польши, Финляндии, Чехии и т. д.). Об угнетенных нациях Азии, Африки, Полинезии речи не было. В этом сказывалось буржуазное влияние на пролетариат, которое создавало привилегированные слои в рабочем классе за счет сверхприбылей, получаемых от эксплоатации колоний.

Величайшая заслуга Ленина состояла в том, что он перенес центр внимания именно на угнетенные национальности вне Европы—на колонии и полуколонии. В своей речи на II конгрессе Коминтерна Ленин дал яркую формулировку общего положения мира. Из 1¾ миллиардов населения земного шара около 600 милл. живет в угнетенных колониях, и около 400 милл. в полуколониях (Персия, Турция, Китай). После войны еще около ¼ миллиарда подпала под гнет, равный колониальному. Так мы имеем 1¼ миллиарда населения угнетенных стран, ¼ миллиарда в странах, положение которых не изменилось, и ¼ миллиарда в странах, которые воспользовались победой.

Уже одно это соотношение цифр показывает всю важность для пролетариата национальной борьбы угнетенных империализмом стран и колоний.

Еще во время первой революции Ленин отмечал важность колониального вопроса и то развращающее влияние, которое оказала грабительская политика капитализма на пролетариат крупнейших держав.

«Широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий о т ч а с т и попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти порабощенных колониальных туземцев. Английская буржуазия, например, извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих». Отсюда колониальный шовинизм некоторых слоев пролетариата Англии («Международный Социалистический конгресс в Штутгарте», VIII т., 500 стр.).

Когда началась революция на Востоке (Турция, Персия, Китай) и усилилась националистическая борьба колоний и полуколоний, Ленин решительно приветствовал пробуждающийся Восток, как символ скорого краха империализма. В «Правде», в статье парадоксально названной «Отсталая Европа и передовая Азия», он писал: «В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение... Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию! Каким сочувствием к молодой Азии проникнуты все честные демократы». (XIX т., 30 стр.).

Во время войны Ленин писал, что принцип самоопределения наций должен быть особенно решительно применен именно к колониям. «Социалисты должны не только требовать безусловного, без выкупа, и немедленного освобождения колоний..., социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию, а при случае и их революционной войне, п р о т и в угнетающих их империалистических держав» («Тезисы о социалистич. революции», XIX т., 176 стр.).

Набрасывая для Коминтерна тезисы по национальному вопросу, Ленин связал с ними и вопрос колониальный, подчеркивая тем самым важность его в странах именно угнетенных.

В национальном вопросе во главу угла надо ставить не абстрактные и формальные принципы,—говорится в этих тезисах,—а: 1) точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки, 2) отчетливое выделение интересов угнетенных классов из общего понятия народных интересов господствующего класса, 3) отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплоататорских, полноправных,—ведь, громадное большинство населения земли порабощено ничтожным меньшинством капиталистических стран.

При капитализме нет и не может быть никакого «равенства» наций, только сближение пролетариев и трудящихся

всех наций и победа их над капитализмом уничтожает это неравноправие и национальный гнет.

Политика коммунистических партий должна быть активна. Необходимы не только разоблачения всех нарушений принципа равноправия национальностей и разъяснение, что только советский строй на деле дает равноправие, но и прямая помощь революционным движениям зависимых или неравноправных наций (Ирландии, негров в Америке и т. д.) и колоний.

Особенно нужно бороться против национального эгоизма господствующих наций. «Пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе, во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, итти на величайшие национальные жертвы, ради свержения международного капитала» («Тезисы», XIX т., 239 стр.).

По отношению к отсталым странам (т.-е., главным образом, Азии и колониям) Ленин делал специальные указания: необходима помощь освободительным движениям угнетенных наций в этих странах прежде всего со стороны рабочих страны, от которой нация зависит; необходимость борьбы с духовенством и другими реакционными элементами и панисламизмом и т. п. течениями; необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах, осуществляя «возможно более тесный союз западно-европейского, коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке, в колониях, в отсталых странах вообще».

Этот последний пункт указывал и на тесную связь национального вопроса с коренным положением ленинизма о руководстве пролетариата крестьянской борьбой за освобождение.

Ленин указывал еще на необходимость борьбы против перекрашивания буржуазно-демократических учений в отсталых странах в цвет коммунизма и сохранения полной самостоятельности пролетарского движения, в какой бы зачаточной форме оно ни существовало. Необходимо также разоблачение того обмана, который систематически проводят импе-

риалистические державы, создавая «независимые государства»—фактически своих вассалов.

Ленин призывал также пролетариат относиться с особой осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях.

Надо итти даже на разные уступки национальным предрассудкам, в целях их быстрейшего изживания.

Поддержка коммунистами буржуазно-демократических движений в отсталых странах и колониях будет иметь место, конечно, лишь в том случае, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут нам препятствовать воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплоатируемых. Если этих условий нет, коммунисты в этих странах обязаны бороться против таких реформистских буржуазных течений.

Призывая европейский пролетариат помочь борьбе угнетенных национальностей Азии, Африки и др. стран, Ленин отмечал, что неправильно утверждение, будто для отсталых народов, ведущих борьбу за освобождение, неизбежна капиталистическая фаза развития. «Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народов». «С помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» («Речь на II конгрессе», XVII т., 277 стр.).

На III конгрессе Ленин снова обращал внимание на движение в колониях, где сотни миллионов угнетенных превращаются и самостоятельные активные революционные силы.

«В грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может-быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы все ожидаем» («Речь о тактике», XVIII т., 1 ч., 323 стр.).

И в своих последних статьях о Рабкрине Ленин снова говорил о том, что, благодаря втягиванию в борьбу многомиллионных масс населения Индии, Китая и др. отсталых стран «победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

В том, что Ленин связал международную борьбу пролетариата с национальной борьбой угнетенных наций, было самое крупное завоевание ленинизма в национальном вопросе.

Социалистическая революция предстала пред нами уже не только как борьба революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, а и как одновременная борьба всех угнетенных империализмом стран и колоний против международного империализма.

4. Союз Советских Республик.

Большевикам пришлось не только четко формулировать свою программу по национальному вопросу, но и начать ее проведение в жизнь. На апрельской конференции партии в 1917 году дана была последняя перед захватом власти редакция наших лозунгов по национальному вопросу.

В своей речи на конференции Ленин говорил: «Поскольку есть остатки нерешенных буржуазной революцией вопросов, мы стоим за их разрешение, мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист. Финляндцы хотят сейчас только автономии. Мы за то, чтобы Финляндии была дана полная свобода, тогда доверие к русской демократии усилится, именно тогда они не отделятся, когда это будет проведено в жизнь... Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся» («Речь на парт. конфер. по национальному вопросу», XIV т., 2 ч., 449—450 стр.).

Резолюция конференции провозглашала за всеми нациями, входящими в состав России, право на свободное отделение и образование самостоятельного государства, отмену обязательного государственного языка, и т. д.

Вр. правительство при поддержке эсеров и меньшевиков продолжало политику царизма в национальном вопросе. Оно не соглашалось даже на автономию Финляндии, боролось против украинцев, насильственно поддерживало государственный язык.

После свержения власти буржуазии наша партия приступила к практическому осуществлению своей национальной программы. Приходилось найти те формы организации, которые более всего соответствовали бы нашему стремлению сочетать право на отделение наций с единством борьбы всех трудящихся.

Так мы подошли к принципу федеративного объединения Советских Республик. Когда раздавались возражения, что наша политика практически ведет к распаду государства, Ленин возражал: «Нам говорят, что Россия распадется, раздробится на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких-угодно наций» («Речь на съезде военного флота», XV т., 43 стр.).

Советское правительство рядом декретов осуществило принцип национального самоопределения. Тем нациям, которые (под влиянием своей буржуазии) захотели целиком отделиться от Советской Республики (напр., Финляндия), была дана возможность это сделать. Другие нации, получив полную самостоятельность, вошли в состав Союза Советских Республик.

В период этого строительства советской федерации Ленин писал украинским рабочим и крестьянам: «Мы хотим добровольного союза наций,—такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,—такого союза, который был бы основан на полном доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу, до него надо добраться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дела, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды

из-за ее разделов и переделов. Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия» («Письмо к рабочим и крестьянам Украины», XVI т., 461 стр.).

Для того, чтобы изгладить все остатки национального гнета, нужно особенно решительно бороться против шовинизма угнетавших наций, против великорусского шовинизма в первую очередь.

Такой шовинизм сидит еще во многих коммунистах.

Этого вопроса Ленин касался в специальной статье «О национальной гордости великороссов» еще в 1914 г. «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет. Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. $^{9}/_{10}$ населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация т о ж е создала революционный класс, т о ж е доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряд виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепие перед попами, царями, помещиками и капиталистами» («Пр. течения», стр. 32, или XIII т., 27 стр.).

Именно из-за этой национальной гордости мы должны ненавидеть свое рабское прошлое, когда великороссов царизм превращал в орудие угнетения других наций. Не может быть свободен народ, который угнетает другие народы. Не может быть доверия и действительно братского союза наций в СССР, если мы не вытравим в себе эти пережитки прошлого.

Сейчас великодержавные нации Союза должны делать максимальные уступки национальным стремлениям (и даже заблуждениям) малых, угнетавшихся до сих пор наций. Мы должны предоставить нациям возможность развития своего языка и своей культуры. Только путем долгого опыта и ряда переходных ступеней мы достигнем полного единства всех трудящихся, изживем все национальные предрассудки и перегородки.

Федеративная система государственного устройства не вызывала у нас в прошлом никаких симпатий. Ленин писал в 1914 г.: «Мы вовсе не сторонники непременно маленьких наций, мы, безусловно, при прочих равных условиях, за централизацию и против мещанского идеала федеративных отношений» («Пр. течения», 33 стр., или XIII т., 28 стр., см. также XIV т., 1 ч., 260 стр., XIX т., 63 стр.).

Но опыт показал, что федерация после победы пролетариата является наиболее подходящей и гибкой формой для многочисленных наций, образовавших государственные объединения различного характера. По мысли Ленина, «федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций». Необходимо стремиться к все более и более тесному федеративному Союзу. Это тесное единство федерации вызывается военной необходимостью отстоять Союз против империалистов мира, экономическими потребностями отдельных республик и общей тенденцией к созданию единого целостного всемирного хозяйства, по общему плану, регулируемому пролетариатом всех стран. Таков был теоретический и практический путь, который ленинизм наметил и начал осуществлять в области национальных отношений.

Глава X.

Пролетариат и государство.

1. Учение о государстве.

После июльских дней Ленин просил Каменева в случае, если его «укокошат» агенты Керенского, напечатать рукопись о государстве.

Речь шла о брошюре «Государство и революция», законченной в августе-сентябре 1917 г. и опубликованной после октябрьской победы.

Эта работа является одним из наиболее ценных теоретических исследований Ленина. Она имеет три корня—работы Маркса и Энгельса на эту тему, тщательное изучение революционной борьбы русского пролетариата в обеих революциях (1905—1917 гг.) и особенно учет роли Советов в борьбе пролетариата.

Еще в своих ранних работах, в полемике против народников и Струве Ленин касался понятия государства в его марксистском толковании. В предисловии к письмам Маркса к Кугельману (1907 г.) Ленин особенно подчеркивал слова Маркса, что в эпоху Коммуны восставший пролетариат Парижа пытался «разрушить бюрократическую машину, а не просто передать ее в другие руки».

В апрельских тезисах (1917 г.) Ленин выставил требование «государства-коммуны» (т.-е. государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна). «Не парламентская республика,—возвращение к ней от СРД было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу доверху, устранение полиции, армии, чиновничества» (XIV т., 1 ч., 18—19 стр.).

В «Задачах пролетариата в нашей революции», где Ленин набросал проект программы партии (апрель 1917 г.), он указывал, что марксизм в отличие от анархизма признает необходимость государства для перехода к социализму, но не такого, как обычная парламентская республика, а такого, как Коммуна 1871 г. и Советы Рабочих Депутатов 1905 и 1917 гг.

Советы Рабочих Депутатов представляют из себя «новый тип государства», более совершенный, чем самая лучшая демократическая республика. В демократической республике «власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и органы управления обычные: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее над народом». Вся монархическая машина угнетения народа останется неприкосновенной. Парламентская республика «душит самостоятельную сознательную жизнь масс, их непосредственное участие в демократическом строительстве, всей государственной жизни снизу доверху». Государство-коммуна, республика Советов разбивает, устраняет машину угнетения. Армия и полиция заменяются непосредственным вооружением самого народа. Массы непосредственно участвуют в государственной работе. Чиновничество устраняется («Задачи пролетариата», XIV т., 1 ч., 46, 47, 61 стр.).

Ленин обращал внимание, что этот новый тип государства уже рождается на деле «по инициативе многомиллионного народа, самолично творящего демократию по-своему».

Так, уже в апреле 1917 года, когда большинству нашей партии весьма смутно рисовались перспективы революции и роль в них Советов, Ленин твердо провозгласил лозунг «Республики Советов».

В книжке «Государство и революция» Ленин дал подробное теоретическое обоснование этому лозунгу. Прежде всего ему пришлось восстановить истинное учение Маркса и Энгельса о государстве, искаженное оппортунистами всех оттенков.

По словам Энгельса, «государство есть продукт общества, находящегося на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые

противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг-друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах „порядка". И эта сила, происходящая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» («Государство и революция», XIV т., 2 ч., 300 стр.).

Таким образом, государство есть продукт непримиримости классовых противоречий. Само его существование свидетельствует, что противоречия классов непримиримы. Поэтому нелепы утверждения мелкобуржуазных и буржуазных идеологов, будто государство есть орган примирения классов.

В чем же состоит, главным образом, эта сила, ставящая себя над обществом? Энгельс отвечает: она организуется, как вооруженная сила, она состоит из особых отрядов вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и пр. Иными словами, главными орудиями силы государственной власти является постоянное войско и полиция. Третьей группой являются чиновники. Для содержания общественной власти, стоящей над обществом, нужны налоги. «Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как орган общества, н а д обществом». Создаются особые законы о их святости и неприкосновенности.

По общему правилу, государство находится в руках самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государственной машины становится и политически господствующим. В виде исключения бывают положения, когда борющиеся классы достигают известного равновесия сил, и государственная власть получает на-время некоторую самостоятельность по отношению к борющимся классам.

Итак, государство зародилось на известной ступени общественного развития, в связи с возникновением классов. «Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов, исчезнет неизбежно и государство».

Какие этапы проходит этот процесс исчезновения государства?

Когда пролетариат берет государственную власть, он унич-

тожает, разбивает буржуазное государство. Государство есть «особая сила для подавления». После пролетарской победы эта сила подавления направляется пролетариатом против буржуазии (диктатура пролетариата). В этом и состоит уничтожение государства, как государства. В дальнейшем, в связи с укреплением социализма, «вмешательство государственной власти в общественные отношения становится в одной области за другою излишним и само собой засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не „отменяется", о н о о т м и р а е т» (Энгельс).

В «Коммунистическом манифесте» по поводу социалистической революции и роли государства после нее мы читаем: «Первым шагом к рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии... Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.-е. организованного, как господствующий класс пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

Здесь дается уже определение «диктатуры пролетариата»— этой центральной идеи марксизма.

В брошюре «18 брюмера» Маркс дает точную формулировку, как быть с государственной машиной. Все прежние революции (во Франции) усовершенствовали ее,—пишет он,— а ее надо сломать.

После Коммуны это положение было развито Марксом и Энгельсом еще более подробно. «Коммуна доказала,—говорил Маркс,—что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». Надо «не передать из одних рук в другие бюрократическо-военную машину, как бывало до сих пор, а с л о м а т ь ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции».

Чем же заменить разбитую государственную машину? Ответ на это дает опыт Коммуны, проанализированный и прокомментированный Марксом. Коммуна заменила постоянное войско вооружением народа. Члены Коммуны, как и все чиновники, были выборные и в любое время сменялись. Они

были ответственны перед народом. Им было назначено жалованье по ставкам заработной платы рабочих.

Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы.

«Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю». (Маркс).

Комментируя эти слова, Ленин писал: «Специфическое „начальствование" государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями надсмотрщиков и бухгалтеров, функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за заработную плату рабочего». В дальнейшем, при наличии пролетарской власти и крупного производства, всякое чиновничество будет отмирать, и мы придем к порядку, «когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как о с о б ы е функции особого слоя людей» («Государство и революция», XIV т., 2 ч., 336 стр.).

Учение о диктатуре пролетариата в период после свержения власти капитала является наиболее характерной чертой теории Маркса о государстве. Когда сам Маркс говорил о том, что нового он сделал, он неизменно напоминал свои положения: классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата, а эта диктатура составляет лишь переход к уничтожению всяких классов.

В критике готской программы он писал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как р е в о л ю ц и о н н о й д и к т а т у р о й п р о л е т а р и а т а».

Энгельс пояснял, что пролетариату, пока он нуждается в государстве, приходится пользоваться им для борьбы против своих врагов, «он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников».

Диктатура пролетариата даст демократию для народа и подавит меньшинство эксплоататоров.

В течение первой фазы коммунизма (которую зовут обычно социализмом) средства производства будут обобществлены, но распределение будет частным, еще будут действовать остатки капитализма, пережитки буржуазного права, будет существовать государство и т. д. В этот период еще не может быть полного равенства, различия в богатстве еще останутся.

С того момента, как все члены общества сами научатся управлять государством, сами возьмут это дело в свои руки,—начнет исчезать надобность во всяком управлении вообще. Государство станет отмирать. Так начнется переход в высшую стадию коммунистического общества, когда «исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет противоположность умственного и физического труда, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни, когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы,... и общество сможет написать на своем знамени „каждый по способностям, каждому по потребностям“».

Только тогда в связи с перерастанием социализма в коммунизм, «будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности, без насилия и без подчинения» (XIV т., 2 ч., 374—375, 364 стр.).

Таковы основные черты учения марксизма о государстве.

Нам предстоит теперь более подробно познакомиться с тем, как ставились Лениным в обстановке пролетарской революция вопросы о диктатуре пролетариата, демократии, советской системе и пр.

2. Диктатура пролетариата.

Анализируя положение, создавшееся после февральской революции, Ленин характеризовал его словом «двоевластие». Налицо два правительства—главное, настоящее, буржуазное вр. правительство и добавочное, контролирующее—Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Суть этого двоевластия в том, что революция не только смела царизм и передала власть буржуазии, но и «дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Ибо Советы, по своему классовому составу объединяющие пролетариат и крестьянство, есть «революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон... Эта власть того же типа, какого была Коммуна 1871 г.».

Создается «переплетение вместе, воедино двух диктатур: диктатуры буржуазии... и диктатуры пролетариата и крестьянства» («О двоевластии», XIV т., 1 ч., 24 стр., «Задачи пролетариата», XIV т., 1 ч., 40—41 стр.).

Таким образом, теоретическое требование нашей программы Ленин связал с теми еще слабыми ростками пролетарской диктатуры, которые были налицо после февральской революции.

После Октября, опять также на почве опыта революционной борьбы, Ленин подробно охарактеризовал сущность и задачи диктатуры.

Диктатура—самый главный, самый центральный вопрос классовой борьбы пролетариата. Она означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме, новыми орудиями.

«Диктатура—слово большое, жестокое, кровавое слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох» («Заметки публициста», XVII т., 16 стр.).

В нашу эпоху краха империализма и начала социалистической революции вопрос стоит так: «либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, речами о демократии и т. п. буржуазным обманом, которым

ослепляют дураков... или диктатура пролетариата, чтобы железной рукой подавить буржуазию» («О профсоюзах», XVI т., 14 стр.).

Когда Ленин после Октября выступал с речами о диктатуре пролетариата на съездах и заседаниях, где присутствовали и правые «социалисты»,—с их скамей не раз раздавались возгласы: «диктатор!». И Ленин отвечал тогда: да, мы проводим диктатуру и будем действовать по-диктаторски, потому что другого пути для подавления капиталистов нет. «Представлять себе социализм так, что нам господа социалисты преподнесут (его) на тарелочке, в готовеньком платьице, нельзя,—этого не будет. Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплоатируемых масс против эксплоататоров,—да, мы за такое насилие» («Доклад о деятельности Совнаркома на III съезде», XV т., 76 стр.).

На VII съезде партии Ленин отмечал, что марксисты всегда говорили о насилии, как неизбежном спутнике при родах социалистического общества. «Это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эпохой самых разнообразных войн—войн империалистических, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами... Эта эпоха—эпоха гигантских крахов, массовых, военных, насильственных решений кризисов; она началась, мы ее ясно видим, это только начало» (речь о программе, XV т., 151 стр.).

В такой обстановке пролетариат сможет удержать власть и победоносно бороться только путем железной диктатуры.

Диктатура есть «большое слово», это «слово—тяжелое, жестокое, кровавое, мучительное, и этаких слов на ветер не бросают». Диктатура—это «железная власть, революционно-смелая, быстрая, беспощадная в подавлении как эксплоататоров, так и хулиганов» (XV т., 214 стр., XVI т., 206 стр.).

Диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т.-е. явного меньшинства населения в интересах большинства—трудящихся и эксплоатируемых. Создавая диктатуру, пролетариат продолжает свою классовую борьбу при помощи государственной власти.

Почему диктатура пролетариата неизбежна и необходима? Потому что из общества, в котором один класс угнетает

другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса, потому что победить буржуазию, свергнуть ее в состоянии только пролетариат... потому что только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого трудного подавления сопротивления эксплоататоров» («О демократии и диктатуре», XV т., 611 стр.)

В «Очередных задачах Сов. власти» Ленин указывал две главных причины необходимости диктатуры. «Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплоататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания». Несомненно, что они много раз будут пытаться свергнуть власть трудящихся и восстановить свою власть. Во-вторых, диктатура вызывается тем, что социалистическая революция неизбежно сопровождается внешними войнами и особенно упорной гражданской войной. В связи с этим поднимается волна преступлений, хулиганства, спекуляции, подкупа. Сладить с этим можно лишь железной рукой. («Очередные задачи Сов. власти», XV т., 214 стр.).

«Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала, от лжи, фальши, лицемерия буржуазной демократии, этой демократии для богатых, в состоянии установить демократию для бедных, т.-е. сделать блага демократии доступным фактически для рабочих и беднейших крестьян». Вот одна из основных задач диктатуры пролетариата («О демократии и диктатуре», XV т., 609 стр.).

Железная рука диктатуры не только разрушает, но и созидает. «Диктатура пролетариата вовсе не в том только, чтобы свергнуть буржуазию. или свергнуть помещиков,—это бывало во всех революциях,—наша диктатура пролетариата преследует обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда, учета и контроля, пролетарской и Советской власти» («Доклад о задачах Соввласти» в заседании ВЦИК, 1918 г., апрель, XV т., 239 стр.).

Приветствуя венгерских рабочих после образования Советской республики в Венгрии, Ленин указывал, что диктатура пролетариата подразумевает применение беспощадно сурового насилия к эксплоататорам и их прихвостням. И тут

же он добавлял: «Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя—пролетариата. Его цель—создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву для всякой эксплоатации человека человеком».

Достижение этой цели требует довольно продолжительного переходного периода, «потому что переорганизация производства—вещь трудная и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни» («Привет венгерским рабочим», XVI т., 226, 227 стр.).

Одной из задач диктатуры будет «демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии, и что ничего третьего быть не может» («Выборы в Учр. Собр.», XVI т., 453 стр.).

Мелкая буржуазия, колеблющаяся между буржуазией и пролетариатом, может дать победу капиталу, если не перетянуть ее на сторону пролетариата. Для этого опять-таки необходима железная рука рабочего. «Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, с силой его организованности и дисциплинированности, его центральная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники, капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог вести за собой крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще» («Привет венгерским рабочим», XVI т., 227 стр.).

Таким образом, диктатура пролетариата есть выражение его гегемонии, его руководства всеми трудящимися в социалистической революции.

«Один пролетариат может господствовать». Политическая власть целиком в его руках. Пролетариат, как руководящий, господствующий класс, направляет при диктатуре всю политику и должен научиться это делать.

Пролетариат руководит и крестьянством. Что значит ру-

ководить крестьянством? «Это значит вести линию на уничтожение классов, а не на мелкое производство». («Закл. слово на партконференции—май 1921 г.», XVIII т., 1 ч., 270 стр.).

Сущность гегемонии не в командовании, а в том, чтобы передовые рабочие «воспитали, обучили и дисциплинировали весь отсталый пролетариат, часто несознательный, и всю трудящуюся массу и крестьянство». Надо воспитать не по книжкам, а на деле, на практике («Речь на совещании по работе в деревне», XVII т., 219 стр.).

Гегемония (руководство) пролетариата над крестьянством будет крепко только в том случае, если рабочие сохранят доверие крестьян к себе, если крестьяне будут уважать рабочего. Надо, чтобы крестьянин видел, что «железная власть пролетариата не только разбивает Колчака и Деникина на фронте военном, но и объединяет и организует труд на фронте труда» («Речь на съезде текстильщиков», XVII т., 108 стр.).

За свою гегемонию пролетариат должен нести большие жертвы, неизбежные для победы социализма. Пролетариат не смог бы завоевать себе доверия трудящейся массы и крестьянства, если бы он «не принес больше всего жертв и не голодал сильнее всех остальных слоев этой массы в самые трудные времена натиска, войн, блокады со стороны всемирной буржуазии» («Тезисы об основных задачах II конгресса Коминтерна», XVII т., 238 стр.).

Пролетариат, как руководящая партия, может распределять лишения, падающие на страну. И мы обязаны, распределяя эти лишения, возлагать их больше на рабочий класс, чем на крестьянство.

Мы должны делать эти уступки крестьянству, в интересах сохранения диктатуры и для укрепления доверия крестьянства к пролетариату.

Такова единственно правильная и практическая политика. Надо помнить, что победа пролетариата недостижима без тяжелых жертв со стороны рабочего класса. «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть».

Как организована диктатура пролетариата? Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков и ее

ЦК. Ни один важный политический и организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением республики без руководящих указаний ЦК партии.

В своей работе партия непосредственно опирается на профессиональные союзы, в которых руководящие учреждения состоят из коммунистов. Так получается «гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой, и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса» («Детская болезнь», XVII т., 139 стр.).

Понятно, что партия может руководить всей этой грандиозной работой лишь при условии железной дисциплины в своих рядах.

Дисциплина эта опирается на продуманность и сознательность, на преданность рабочего класса. На вопрос, чем держится дисциплина революционной партии пролетариата, чем проверяется и чем подкрепляется, Ленин отвечал: «Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широке массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии... неосуществима» («Детская болезнь», XVII т., 118 стр.).

Намечая тактику Коминтерна, Ленин усиленно подчеркивал необходимость систематической подготовки коммунистических партий и пролетариата в целом к осуществлению диктатуры. В качестве основных директив Ленин намечал решительный разрыв с оппортунизмом и вытеснение представителей обуржуазившейся рабочей аристократии и старых «социалистических» вождей с их постов, тесную связь с массами, систематическое и терпеливое их завоевание, строгий контроль над парламентскими фракциями, систематическое соединение легальной и нелегальной работы и т. д.

Лозунг диктатуры пролетариата, выкинутый за борт II Интернационалом, стал основной задачей, ставшей перед Интернационалом Коммунистическим.

3. Буржуазная демократия и советский строй.

Поскольку мы боролись против самодержавия и остатков феодализма, мы выставляли в своей программе требование демократической республики. В период краха капитализма и перехода к социалистическому строю нашим лозунгом становится уже не демократическая республика, а новый тип государства—республика Советов.

В странах, где буржуазная республика с той или иной степенью демократичности существует, мы должны разъяснять рабочим массам всю лживость и обманность этой буржуазной демократии.

Ведь, «самая демократическая из буржуазных республик представляет собой не что иное, как машину для угнетения рабочего класса буржуазией, трудящихся масс—горсточкой капиталистов» («Тезисы о буржуазной демократии», XVI т., 37 стр.).

Это только «наряд для хищника, самого зверского, циничного».

Всякий буржуазный парламент есть лишь пустая говорильня. Настоящая работа выполняется за кулисами, в канцеляриях, штабах, департаментах по указке господствующих классов. Избирательное право есть лишь фикция политических прав. В действительности трудящиеся, благодаря комедии выборов, лишаются реальной возможности постоянно влиять на политику.

«Свобода» в буржуазной республике есть по существу свобода для богатых, для имущих. Эта свобода на бумаге, а не на деле.

Как могут трудящиеся, например, осуществить свободу собраний, когда лучшие общественные и частные помещения в руках богачей, когда рабочие не имеют достаточно досуга для общественной работы, когда их митинги разгоняются полицией. Сперва надо отобрать лучшие здания для рабочих,—тогда можно говорить о свободе собраний.

Свобода печати в буржуазном обществе есть лишь наглое

издевательство. Покуда лучшие типографии и самые большие запасы бумаги будут в руках капиталистов, а пресса будет под пятой капитала, ни о какой свободе печати не может быть и речи. Капиталисты подкупают газеты, нанимают себе писателей, фальсифицируют общественное мнение («Тезисы к I конгрессу Коминтерна», XVI т., 39—40 стр.).

Еще лживее фразы о «равенстве» в буржуазной республике. О равенстве какого класса с каким идет речь? Какой нации с какой? Какого пола с каким? Мы знаем, что не может быть равенства между эксплоатируемыми и эксплоататором. Не может быть равенства, где есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал. «Пока не уничтожены классы, всякие разговоры о свободе и равенстве вообще являются самообманом или обманом рабочих, а также всех трудящихся, эксплоатируемых капиталом... Лозунг свободы и равенства, при умолчании о вопросах о частной собственности на средства производства, есть ложь, лицемерие буржуазного общества».

Не может быть и речи о равенстве собственника и неимущего, сытого и голодного, эксплоататора и эксплоатируемого. «Понятие равенства, помимо уничтожения классов, есть глупейший и вздорный предрассудок... Мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов» («Фальшивые речи о свободе», XVII т., 380—381 стр., «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», XVI т., 208—209 стр.).

Истинная демократия, демократия для трудящейся массы, создается лишь через систему Советов. «Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии. Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики». «Есть ли хоть одна страна в мире, из числа наиболее демократических буржуазных стран, в которой средний массовый рабочий, средний массовый батрак или деревенский полупролетарий вообще (т.-е. представитель угнетенной массы, громадного большинства населения), пользовался хоть приблизительно такой свободой устраивать собрания в лучших зданиях, такой свободой иметь для выражения своих идей, для защиты своих интересов крупнейшие типографии и лучшие склады бумаги, такой свободой выдвигать именно людей своего класса на управление госу-

дарством и на «устраивание» государства, как в Советской России» («Пролетарская революция и ренегат Каутский», XV т., 462 стр.).

Этих условий для трудящихся пролетариат добился, благодаря диктатуре и советской системе.

Республика Советов, по мысли Ленина, должна была явиться новым типом государства, формой диктатуры пролетариата, для проведения в переходную эпоху необходимых мер, обеспечивающих победу социализма.

Основную задачу республики Советов Ленин уже в апреле формулировал как привлечение массы трудящихся к политической и общественной работе. Возражая тов. Каменеву, он писал: «Я рассчитываю т о л ь к о на то, и с к л ю ч и т е л ь н о на то, что рабочие, солдаты и крестьяне, лучше, чем чиновники, лучше, чем полицейские, справятся с п р а к т и ч е с к и м и трудными вопросами об усилении производства хлеба, о лучшем распределении его, о лучшем обеспечении солдат и пр., и т. п. Я глубочайше убежден, что Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов скорее и лучше проведут самостоятельность м а с с ы народа в жизнь, чем парламентарная республика... Они лучше, практичнее, вернее решат, как можно сделать и какие именно можно сделать ш а г и к социализму» («Письма о тактике», XIV т., 1 ч., 36 стр.).

В брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» (сентябрь 1917 г.) Ленин формулировал в шести пунктах основные особенности советской ситемы, при чем он частью исходил из опыта наших Советов, частью набрасывал совсем новые перспективы, которые удалось осуществить лишь после Октября.

Эту важнейшую цитату по вопросу о советском государстве надо привести полностью.

«Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила постоянной старой армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она не заменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большин-

ством народа, настолько тесную, неразрывную, легко проверимую (вероятно, опечатка: «проверяемую») и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат, в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь, таким образом, аппаратом, посредством которого авангард угнетенного класса может поднимать, воспитать, обучать и вести с собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом, это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение» (XIV т., 2 ч., 228—229 стр.).

В этой характеристике перечислены в сущности уже все элементы, типичные для завоеванного и установленного впоследствии советского строя. В той же брошюре Ленин особенно подробно останавливается на самой основной особенности советской республики, на «чудесном средстве» усилить и упрочить государственный аппарат. «Это чудесное дело—привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством».

Конечно, «любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством». Но надо теперь же разорвать с предрассудками, «будто управлять государством, нести будничную ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами, и чтобы начато было оно немедленно, т.-е

обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (там же, 236—238 стр.).

Вскоре после Октября, во время VII съезда партии (март 1918 г.), Ленин определял сущность советской системы так: «Советская власть есть новый тип государства, без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного бюрократизма новой демократией—демократией, которая выдвигает в авангард трудящиеся массы, делая из них и законодателей, и исполнителей, и военную охрану, создавая аппарат, который может перевоспитать самые массы». И, снова подчеркивая особенно привлечение масс к управлению, он добавлял: «Граждане должны участвовать поголовно в суде и управлении страны. Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это—гигантски трудная задача. Социализма не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами. Свою заслугу мы видим в стремлении к тому, чтобы помочь массе немедленно взяться за это самой, а не учиться этому из книг, из лекций» («Доклад об изменении программы», XV т., 153—155 стр.).

Советы являются, таким образом, непосредственной организацией самих трудящихся масс, облегчающей им возможность самим устраивать государство и управлять им. Целью нашей является привлечение бедноты к практическому участию в управлении, бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся после 8-часового урока своей производительной работы.

В своих «Десяти тезисах о Советской власти», представленных на VII съезд партии, Ленин так перечисляет исторические задания нового типа государства:

1) Объединение и организация угнетенных капитализмом трудящихся и эксплоатируемых масс, и только их, с лишением избирательных прав буржуазии и кулачества.

2) Объединение активного и сознательного авангарда угнетенных классов, который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством.

3) Уничтожение парламентаризма, т.-е. соединение законодательной и исполнительной работы.

4) Более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма.

5) Создание вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа.

6) Более полный демократизм, в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва.

7) Тесная и непосредственная связь с профессиями и производительными экономическими единицами.

8) Возможность устранить бюрократство.

9) Перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального равенства буржуазии и пролетариата на практическую осуществимость пользования демократией для трудящейся массы населения.

10) Дальнейшее развитие советской системы должно состоять в том, чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, и чтобы все население поголовно привлекалось к участию в советской организации и государственному управлению. («Черновой набросок программы», XV т., 160, 161 стр., см. также «Задачи Советской власти», XV т., 221—222 стр., «Пролетарская революция и ренегат Каутский», XV т., 460—462 стр.).

К первому конгрессу Коминтерна (март 1919 г.) Ленин еще раз формулировал основные особенности советской системы в сравнении с буржуазной демократией. Он указал, что советская система есть форма диктатуры пролетариата. Сущность Советской власти в том, что основой всей государственной власти и государственного аппарата являются классы, которые были угнетены капиталистами. Советская власть фактически провела равенство граждан, независимо от пола, вероисповедания и национальности, она дала трудящимся материальную возможность использовать те свободы слова, печати, собраний и пр., которые в буржуазных республиках остаются лишь на бумаге. Советский строй максимально привлекает рабочие массы к правительственному аппарату, вовлекает всех в государственную работу.

Когда в своих последних статьях о реформе Рабкрина Ленин заговорил о плохом качестве нашего государственного аппарата и о необходимости его систематического улучшения, он ставил вопрос именно о том, чтобы практически выполнить

одну из основных особенностей советской системы—фактическое вовлечение масс в управление государством, уничтожение бюрократизма, упрощение аппарата на основе НОТ'а и так далее.

В то же время «советская организация государства приноровлена к тому, чтобы пролетариат, как класс, наиболее сплоченный под влиянием капитализма и наиболее сознательный, занял руководящую роль в государстве» («Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», XVI т., 44—45 стр.).

Ленин указывал, что советская система является не только специальной русской формой нового государства, но будет неизбежна во всех странах после победы пролетариата над капиталом.

4. Массы в революции.

Революция совершается только массами, двигаемыми глубокими экономическими нуждами. Партия пролетариата является выразительницей стремлений рабочего класса и всех угнетенных масс населения. Только такое творчество масс обеспечивает победу коммунизма. Только опираясь на непосредственную работу масс, мы можем рассчитывать на грандиозное переустройство мира.

Ленин и в течение первой революции, и особенно в период 1917—1924 гг. часто и охотно возвращается к этим проблемам. Коммунисты говорят о необходимости завоевания масс на свою сторону. Прежде всего, что понимать под словом «массы»? «Понятие массы изменчиво, соответственно изменению характера борьбы. В начале войны достаточно было несколько тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе. Если партии удается вовлекать в борьбу не только своих членов, если ей удается встряхнуть и беспартийных, то это уже является началом завоевания массы. Во время наших революций бывали случаи, когда несколько тысяч рабочих представляли собой массу... Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обывательской жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слыхавших о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса... Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие „масса" ста-

новится другим: несколько тысяч рабочих более не составляют массы. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не просто лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплоатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера» («Защита тактики Коминтерна на III конгрессе», XVIII т., 1 ч., 309 стр.).

В обращении к работницам Ленин указывал, что «главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме... Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплоатируемых масс. Они сами, эти массы, берут в свои собственные руки политику, т.-е. дело строительства нового общества» («Международный день работниц», XVIII т., 1 ч., 99 стр.).

Массы сами являются строителями коммунизма. Партия пролетариата обязана быть тесно связанной с трудящейся массой населения. Во все трудные минуты борьбы партии Ленин учил, что надо итти к «низам», к широкой массе.

Когда произошла измена вождей социал-демократии рабочему классу, и выявилась необходимость беспощадной борьбы против оппортунизма, Ленин писал: «Наш долг, если мы хотим оставаться социалистами, итти ниже и глубже к настоящим массам; в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы» («Империализм и раскол социализма», «Против течения», 541 стр., или XIII т., 482 стр.).

В период подготовки захвата власти (лето 1917 г.) Ленин много раз говорил: место нашей партии не в предпарламентах, а на заводах и казармах, в гуще самой трудящейся массы, «поближе к массам». Живо только то, что связано с массами. В советах английским коммунистам Ленин писал: «Неразрывная связь с массой рабочих, уменье постоянно агитировать в ней, участвовать в каждой стачке, откликаться на всякий запрос массы,—это главное для коммунистической партии» («Письмо английскому коммунисту», XVI т., 309 стр.).

Для связи с массой трудящихся партии недостаточно одних профессиональных союзов. Необходимы также всякие

другие формы связи и общения, напр., беспартийные рабочие и крестьянские конференции. Через них, напр., можно «следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы». Правильное соотношение между коммунистической партией и массой, т.-е. всей совокупностью трудящихся и эксплоатируемых, необходимо для успеха победы над капитализмом. Партия должна уметь неразрывно связать себя со всей жизнью своего класса, а через него и со всей массой эксплоатируемых, внушить к себе полное доверие и классу, и массе.

Масса, освобожденная от гнета буржуазии, сумеет «развернуть впервые в истории всю инициативу и всю энергию десятков миллионов задавленных капитализмом людей» («Тезисы об основных задачах II конгресса», XVII т., 232 стр.).

Революционной инициативе трудящихся масс Ленин придавал исключительное значение. В этот период, когда эсеры и меньшевики призывали рабочих и крестьян ждать Учредительного Собрания, которое-де даст и свободу, и землю, Ленин призывал толкать вперед смелую, решительную инициативу масс в деле самочинного осуществления, развития и укрепления свобод, демократии, общенародного владения землей.

4 ноября 1917 г., на заседании ВЦИК, Ленин говорил: «Живое творчество масс—вот основной фактор новой общественности. Социализм не создается по указу сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой есть создание самих народных масс... Только тот переборет и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» («Ответ на запрос левых эсеров» и «Реплика левому эсеру», XV т., 28—29 стр., запись не стенографическая*).

Всем скептическим людям в футлярах, которые толковали, что «ничего еще не сделано», Ленин отвечал: «Ум десятков миллионов творцов создаст нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение». «Загля-

*) В этой же речи находится фраза „социализм—это прежее всего учет". Меньшевики и К°, пропустив в этой фразе слова „прежде всего", чрезвычайно любили отмечать, „как плохо понимает Ленин социализм, называя его учетом". Образец типичной подтасовки, которой занимались и занимаются горе-социалисты.

нite в самые недра трудового народа, в толщу масс,—там кипит организационная, творческая работа, там бьет ключом обновляющаяся, освященная революцией жизнь» («Заключительное слово по докладу на III Съезде Советов», XV т., 89—91 стр.).

Мы должны вовлечь всю массу в активную работу, поднять, просветить и организовать ее для самостоятельных действий. Масса должна на своем собственном опыте научиться управлять страной, строить новое хозяйство, строить социализм.

Мы совершаем величайшую революцию впервые в истории. Мы идем ощупью, проверяя себя. Только из опыта масс мы учимся, как выполнять это новое дело.

Вовлекая массы на сторону коммунизма, мы обязаны научиться подходить к ним особенно «терпеливо» и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты, психологию каждого слоя, профессии и т. п. этой массы («Тезисы об основных задачах II конгресса», XVII т., 236 стр.).

И мы должны говорить массам правду, прямиком, не утаивая. «Классов обмануть нельзя». Только тогда партия будет иметь доверие в широких слоях трудящихся, а в этом основное условие для победы коммунизма.

Эти взгляды Ленина на роль массы, как видим, непосредственно сочетались со всем его учением о государстве, советской системе и о путях к коммунизму.

Глава XI.

Создание Союза Республик.

1. Переходная эпоха.

Еще перед Октябрем Ленин в книжке о государстве напоминал учение Маркса о переходном периоде и об этапах коммунизма. Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит переходный период революционного превращения первого во второе,—период диктатуры пролетариата. В самом коммунистическом обществе Маркс различал две основных фазы. Первая, когда коммунистическое общество только-что появилось из недр буржуазного общества и носит на себе его печать. Средства производства уже обобществлены, частная собственность на них исчезла, но распределение продуктов и распределение труда регулируются еще «буржуазным правом». Эту фазу можно назвать социализмом. Вторая высшая фаза — коммунизм в его развитой форме, будет характеризоваться отмиранием государства, коммунистической системой распределения продуктов («каждый по способностям, каждому по потребностям»), исчезновением противоположности между умственным и физическим трудом и т. д.

Таковы основные этапы коммунистического общества, такова научная разница между социализмом и коммунизмом.

В первой (социалистической стадии), таким образом, коммунизм еще не может быть экономически зрелым, он не свободен от традиций и следов капитализма.

В этот первый период «социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только

контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих». «Учет и контроль—вот главное, что требуется для налаженния, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного „синдиката". Все дело в том, чтобы они работали поровну... Когда большинство народа начнет проводить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным» («Государство и революция», XIV т., 2 ч., 376—379 стр.).

Таким образом, основные стадии коммунистической эпохи были намечены теоретически вполне четко, но нам, естественно, еще недоставало более конкретной формулировки этапов внутри самого переходного периода. Только непосредственный опыт революции мог дать материал для этого. Период перехода капитализма в социализм, конечно, мыслился в различных формах, в зависимости от экономического характера страны и всех конкретных условий революционной борьбы.

Намечая меры переходного периода, Ленин исходил из анализа различных, общественно-экономических укладов, имевшихся налицо в России после победы Октябрьской революции. Он так перечислял эти элементы: 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм. Все эти типы общественно-экономического уклада переплетаются в стране («О левом ребячестве», XV т., 264 стр.).

На вопрос, какие же элементы преобладают, и между какими идет главная борьба, Ленин отвечал: преобладает мелкобуржуазная стихия. Мелкая буржуазия плюс частно-

хозяйственный капитализм яростно борются и против государственного капитализма, и против социализма.

Ленин указывал, что при создавшихся условиях государственный капитализм был бы для нас шагом вперед, был бы нашей победой. «Наш главный враг—это мелкая буржуазия, ее навыки, ее привычки, ее экономическое положение». Осуществлять при Советской власти государственный капитализм—это значит проводить в жизнь тот учет и контроль, который осуществляли раньше капиталистические классы. Ссылаясь на государственный капитализм в Германии (периода войны), Ленин писал: «Если подумаете хоть сколько-нибудь над тем, что бы значило в России, Советской России, обеспечение основ такого государственного капитализма, то всякий не сошедший с ума и не забивший себе голову обрывками книжных истин человек должен был бы сказать, что в государственном капитализме для нас спасение» («Доклад о задачах Советской власти», XV т., 235—236 стр.).

Характеризуя период весны 1918 г., Ленин отмечал, что в это время мы исходили из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству, без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. «Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения». В то же время мы совсем упустили из виду, в каком положении наша экономика окажется к рынку, к торговле» (см., напр., «Речь на моск. партконференции», XVIII т., 1 ч., 391 стр.).

Перед Октябрем и через полгода после него мы осторожно намечали экономические пути перехода к социализму, хотя и не учитывали многих факторов. Однако, создавшаяся с лета 1918 г. внутренняя и внешняя обстановка заставляла нашу партию во многом отступиться от пути, намечавшегося первоначально. Восстание чехо-словаков, интервенция союзников, восстания белогвардейцев, яростное сопротивление капиталистов (отнюдь не желавших работать на правах служащих под контролем рабочих), гражданская война и вызванные всем этим продовольственные и топливные затруднения, расстройство промышленности и сельского хозяйства,—все это толкнуло нас к так-называемому «военному коммунизму».

Буржуазия не хотела никакого перехода ни к какому новому порядку. Она оказала самое бешеное сопротивление и заставила нас прибегнуть к самым крайним приемам гражданской борьбы.

«Чем труднее становилась борьба, тем меньше оставалось места для осторожного перехода».

Попытка перейти к социалистическим основам производства и распределения самым сокращенным и быстрым путем потерпела неудачу. Мы должны были повернуть руль к новой экономической политике.

С точки зрения политической нэп был решением вопроса об отношениях между пролетариатом и крестьянством. Как тактический прием, это был маневр отступления, отхода. С точки зрения экономической, это была конкретизация мер переходного периода к социализму. Опыт предыдущих трех лет с полной наглядностью показал нам, что «социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким землевладельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство» («Натур. налог», XVIII т., 1 ч., 137 стр.).

Один из таких переходных этапов отражает новая экономическая политика. Ее суть в том, что мы начинаем строить свое хозяйство, равняясь по крестьянскому, середняцкому хозяйству, по деревенской экономике. Раз так, мы должны удовлетворить стремление мелкого производителя к свободному товарообороту. Мы должны дать толчок крестьянскому хозяйству, заинтересовать его в увеличении своего производства. Продналог вместо разверстки является одной из мер к этому. Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе мешали подъему производительных сил. Мы должны создать обстановку для крестьянского хозяйства, которая бы, наоборот, содействовала их росту. Для этого мы частично восстанавливаем капитализм, ибо свобода торгового оборота—это есть уже начало, откуда рождается капиталистическое рабство. Свобода торговли обозначает рост капитализма.

На эту опасность мы не должны закрывать глаза. Враг по-

среди нас. Возрождение капитализма мы допускаем лишь на известных пределах, и сами этот предел устанавливаем.

Наш капитализм—это государственный капитализм, и само собой понятно, что в пролетарском государстве, при диктатуре пролетариата, он резко разнится от того государственного капитализма, который мы видим в буржуазных странах.

Государственный капитализм при диктатуре пролетариата—это совсем новое явление, не изученное еще, и нам практически надо испытать, как его осуществить. Вся трудность задачи именно в тех формах, какие мы ему сумеем придать в интересах борьбы за социализм.

Этот капитализм необходим для широкого крестьянства и частного капитала, обслуживающего деревню. Без обычного хода капиталистического оборота народ сейчас жить не может. Но мы должны найти те рамки, в которых государственный капитализм был бы выгоден и неопасен.

Касаясь отдельных проявлений государственного капитализма, Ленин указывал некоторые конкретные примеры. Самый простой случай—это концессии. Концессии—это «блок, союз советской, т.-е. пролетарской, государственной власти с государственным капитализмом против мелкособственнической, патриархальной и мелкобуржуазной стихии». Мы платим этим известную дань международному капитализму, отступаем от него и получаем некоторые экономические выгоды.

Вторым видом государственного капитализма является кооперация. Кооперация мелких товаропроизводителей, неизбежно порождает мелкобуржуазные капиталистические отношения. При Советской власти «кооперативный капитализм» в отличие от частнохозяйственного является разновидностью государственного капитализма и нам выгоден. Кооперация содействует подъему мелкого хозяйства и облегчает его переход к крупному производству, к социализму.

Когда государство привлекает частного торговца и платит ему комиссионный процент за продажу государственных продуктов или скупку продуктов мелкого производства, или когда оно сдает в аренду частному капиталу государственные предприятия, земли, леса—это тоже разновидности государственного капитализма» (см. «О продналоге», XVIII т., 1 ч., 217—220 стр.).

Новая экономическая политика давала, таким образом, конкретные указания на те формы, в какие выливается строительство социализма в переходную эпоху в обстановке российской действительности.

2. Экономическое строительство.

Строить социализм в крестьянской, мелкобуржуазной стране—дело гигантской трудности. Должно быть совершенно ясным, что для этого нужно создать высокую техническую основу. Восстанавливая нашу промышленность и сельское хозяйство, мы должны возрождать их по последнему слову науки. «Социализм не мыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. «Без капиталистической фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности, не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской» («О продналоге» и «Доклад о продналоге», XVIII т., 1 ч. 206 и 260 стр.).

Чтобы осуществить такой переход к высокой технике, мы создали план электрификации страны. По словам Ленина, это—наша вторая программа партии. «Коммунизм—это Советская власть плюс электрификация всей страны... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» («Доклад Совнаркома на VIII Съезде Советов», XVIII т., 426—428 стр.).

Электрификация являлась лозунгом, наглядно показывавшим, что мы должны работать в направлении самой совершенной научной техники, и в то же время электрификация выражалась практическим, детально разработанным планом для работы ближайших лет.

Подчеркивая всю важность техники в деле строительства социализма, Ленин говорил: «На трибуне всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это—начало

самой счастливой эпохи, когда политики будут становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы» (там же, 426 стр.).

Ленин сделал сам непосредственно очень много для того, чтобы поддержать развитие нашей техники и помочь работе наших научных сил. Так благодаря ему был дан толчок радио-телефонному строительству, изучению горючих сланцев, изготовлению в России химически-чистых реактивов, исследованию Курской магнитной аномалии, Волховстрою, орошению Муганской голодной степи, тепловозу, электропахоте, сельскохозяйственной выставке и т. д., и т. д. (см., например, ст. Горбунова «Ленин и научно-техническая работа» в сборнике «Великий строитель», стр. 66—69).

Строя социализм, мы должны использовать тех людей, какие есть под руками. Это только социалисты-утописты воображали, что они сперва воспитают «хорошеньких, чистеньких, прекрасно обученных людей» и будут строить с ними социализм. Это—пустяки, мы должны строить из обломков капитализма, при помощи людей, исковерканных капитализмом. «Капитализм дает культуру только для меньшинства. А мы должны построить социализм из этой культуры. Другого материала у нас нет. Мы хотим строить социализм из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены... Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство» («Успехи и трудности Советской власти», XVI т., 72 стр.).

Поэтому мы должны всячески использовать и буржуазию, носительницу старой культуры, и особенно специалистов-инженеров, техников, агрономов, врачей и т. д. Еще в 1917 году, перед Октябрем, Ленин писал: «недостаточно» убрать вон «капиталистов, надо... поставить их на новую государственную службу. Это относится и к капиталистам, и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д... Нам нужны хорошие организаторы банкового дела и объединения предприятий (в этом деле у капиталистов больше опыта, а с опытными людьми работа идет легче). Нам нужны в большем и большем против прежнего числе

инженеры, техники, агрономы, научно-образованные специалисты всякого рода. Мы всем таким работникам дадим посильный и привычный для них труд». Но, конечно, мы поставим их работу под контролем рабочих («Удержат ли большевики государственную власть?», XIV т., 2 ч., 234—235, 242 стр.).

Так само строительство социализма мы должны совершать руками спецов, мы должны управлять при помощи выходцев из того класса, который мы свергли. «Построить коммунистическое общество руками коммунистов —это ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты—это капля в море, капля в народном море... Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят... Мало буржуазию победить, доконать,—надо ее заставить на нас работать» («Доклад о деятельности ЦК на XI Съезде», XVIII т., 2 ч., 44—45 стр., а также «Отчет ЦК, на IX Съезде», XVIII т., 74—75 стр., «Отчет на VIII Съезде», XVI т., 105 стр.).

Создавая коммунистическое общество руками наших врагов, мы должны учиться у них. Пусть коммунисты учатся у организаторов трестов, у купцов, у инженеров. Коммунисты не имели и не могли иметь опыта организации промышленности, торговли, транспорта. Буржуазия и ее спецы этот опыт имели. Мы обязаны поучиться у буржуазных организаторов, иначе мы нового хозяйства не построим.

Привлеченных к строительству социализма спецов «надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но надо дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме». Поскольку они видят, что пролетариат ценит культуру и намечает проводить ее в массах, они будут менять свое недоверчивое отношение к нам. Мы должны «поменьше командовать, вернее, вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники... чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширить свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик, пропагандист, литератор, а через

данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» («Речь о партийной программе на VIII съезде партии», XVI т., 124—125 стр., и «Об едином хозяйственном плане», XVIII т., 1 ч., 87 стр.).

Хозяйственным строительством Ленину пришлось руководить в период тяжелых внутренних и внешних осложнений. Первое время мы не могли и мечтать о каком-либо общем продуманном плане восстановления хозяйства. Нам приходилось выбирать каждый раз тот вопрос, или ту отрасль, которая была наиболее важной в данный момент, и на ней сосредоточивать свое внимание. Ленин еще в «Что делать?» касался подобного положения, говоря об искусстве политики. «Вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политики в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звенышко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звенышка обладание и всей цепью» («Что делать?», V т., 253 стр.).

Уже после Октября Ленин любил возвращаться к этому же совету. «Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочный переход к следующему звену»,—писал он в «Очередных задачах Советской власти» (XV т., 223 стр.; см. также «О значении золота», XVIII т., 1 ч., 412 стр.).

VI съезд партии (июль—август 1917 г.) выдвигал еще очень осторожную программу экономических преобразований—установление действительного рабочего контроля, национализацию и централизацию банкового дела и ряда синдицированных предприятий и т. д.

Намечая накануне октября экономическую программу советского правительства после победы, Ленин повторял эту же программу: рабочий контроль над производством и потреблением, национализацию банков и страхового дела, а равно важнейших отраслей промышленности (нефтяной, каменноугольной, металлургической, сахарной и т. д.), отмену коммерческой тайны («Задачи революции», XIV т., 2 ч., 130—131 стр.).

Рабочий контроль над промышленностью—такова была наша основная линия в области хозяйства. Обстоятельства вынудили нас скоро пойти гораздо дальше. Нам пришлось мало-по-малу национализировать все основные отрасли производства, и от рабочего контроля мы перешли к рабочему управлению промышленностью. До весны 1918 г. наше главное внимание было обращено на экспроприацию капиталистов. В этот момент Ленин указал новую задачу (новое звено): организацию учета и контроля над хозяйством (в «Очередных задачах Советской власти»).

Когда наше положение стало несколько улучшаться, Ленин энергично поддерживал выработку целостного хозяйственного плана и организацию специального органа по планированию нашего хозяйства (Госплан).

В эпоху военного коммунизма мы последовательно обращались от продовольственной работы к работе по топливу, по транспорту в зависимости от того, какое «звено» было самым важным в тот момент.

Когда начался нэп, нам пришлось обратить особое внимание на торговлю. Ленин говорил: «Учись торговать». «Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным умелым „хозяином", исправным оптовым купцом». «Все дело теперь в том, чтобы уметь соединить тот революционный размах, тот революционный энтузиазм, который мы уже проявили, и проявили в достаточном количестве... с уменьем быть толковым и грамотным торгашом... под уменьем быть торгашом я полагаю уменье быть культурным торгашом» («К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», XVIII т., 1 ч., 369 стр. и «О кооперации», XVIII т., 2 ч., 142 стр.).

В период перехода к нэп'у в рядах нашей партии возник взгляд о том, что монополия внешней торговли является уже несвоевременной в новой обстановке и должна быть каким-то образом изменена. На осенней партийной конференции 1921 г. ряд ответственных товарищей, главным образом, хозяйственников, высказался за значительное смягчение и даже за почти полную отмену монополии внешней торговли. В 1922 году это течение еще более усилилось. В это время в высшие органы республики вносились предложения об установлении свободного ввоза и вывоза для ряда товаров и свободного открытия некоторых границ. При

этом предполагалось, что путем лишь таможенной политики мы сможем достаточно регулировать нашу внутреннюю торговлю.

В этот мемент Ленин решительно выступил за сохранение монополии. Он указывал, что вопрос стоит так: будет ли Народн. Ком. Внешн. Торговли работать теперь на пользу нэпманов, или на пользу пролетарского государства? Он отмечал, что «никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми». Советская республика может защитить себя против империализма не таможенными пошлинами, а исключительно нашей системой монополии внешней торговли. Свобода внешней торговли фактически явилась бы на помощь и защиту спекулянтов, мелкой буржуазии и кулачества против промышленного пролетариата. Воссоздание нашей промышленности возможно лишь при условии сохранения монополии внешней торговли. Благодаря решительной позиции Владимира Ильича все проекты об ограничении монополии были сняты. (См. ст. Красина «Владимир Ильич и внешняя торговля», в сборнике «Великий строитель», стр. 48—53).

Ленин обращал внимание на важность при нэп'е регулирования денежного обращения и установления твердого курса рубля. XIII съезд нашей партии в полном согласии с последними директивами Ленина продолжал дальше углублять оба эти лозунга: учись торговать и укрепи советский рубль.

3. Кооперация.

Вопросов кооперации Ленин касался несколько раз в течение своей политической деятельности. Сперва этот вопрос выплыл в связи с полемикой против народничества и эсеров. Народники, как известно, выдвигали кооперацию (в частности артели, ссудо-сберегательные т-ва и проч.) в качестве средства для безболезненного перехода к социализму. Ленин и другие марксисты указывали, что развитие кредитных организаций в деревне вовсе не есть движение к социализму, а является лишь проявлением роста капиталистических отношений. Он указывал, что артели играют в деле обобществления труда самую мизерную роль, и что вопрос о переходе

к социализму решается совершенно иными, революционными путями.

В связи с этой полемикой против народников Ленин, набрасывая проект программы нашей партии (в 1905—1906 гг.), предлагал вычеркнуть тот пункт о помощи производительным ассоциациям, который стоял раньше в программе группы «Освобождение Труда».

О роли рабочей кооперации в капиталистической обстановке Ленину пришлось писать в связи с работой Копенгагенского конгресса, в котором он принимал ближайшее участие. Ленин отмечал, что на конгрессе боролись два основных течения: одно течение, выдержанно пролетарское, признавало за кооперативами ценность для классовой борьбы, как одного из подсобных средств и орудий. Другое течение, мелкобуржуазное, раздвигало значение кооперации за пределы классовой борьбы и определяло цели кооперативов общими фразами, приемлемыми и для буржуазных реформаторов.

Резолюция, принятая конгрессом, была половинчатого, компромиссного характера. Ленин от имени русской делегации внес свой проект резолюции, который решительно подчеркивал, что кооперация должна явиться лишь орудием классовой борьбы, и что всякие иллюзии о том, что через кооперацию социальный вопрос может быть решен без классовой борьбы, должны быть решительно отброшены.

После победы Октябрьской революции вопрос о роли кооперации стал, конечно, на совершенно иную почву. Нашей партии пришлось впервые решать, как можно использовать кооперацию в обстановке диктатуры пролетариата.

В «Очередных задачах Советской власти» (1918 г.) Ленин говорит о том, что социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительных коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи-шести часов в сутки и еще менее» (XV т., 206 стр.).

Первой задачей таких коммун Ленин ставил всеобъемлющий учет и контроль добычи хлеба и распределение хлеба, но, кроме этой функции распределения, коммуны долж-

ны были заниматься и вопросами производства. Здесь Ленин указывал, что аппарат кооперации, оставшийся от капитализма, мог бы явиться переходным средством к массовому учету, контролю и распределению продуктов.

В наброске программы к седьмому Съезду Советов Ленин точно так же писал о производительно-потребительных коммунах, которые должны были охватить целиком все население и взять в свои руки все дело распределения. Вполне отдавая себе отчет, что такое объединение производительно-потребительных коммун не может быть достигнуто сразу, Ленин искал практических путей, чтобы подойти к организации коммун. Поэтому он с особенным вниманием отнесся к существующим уже видам кооперации, прежде всего к потребительской кооперации. Он не один раз указывал, что потребительская кооперация, оставшаяся нам от капитализма, должна быть использована. «Аппарат этот,—писал Ленин о кооперации,—как единственный, который капитализм подготовил в массах, как единственный, который действует в деревенских массах, стоящих еще на стадии примитивного капитализма, должен быть во что бы то ни стало сохранен, развит и во всяком случае не отброшен» («Речь на 8-м Съезде», т. XVI, стр. 123).

Он отмечал, что особенно важно использовать самодеятельность масс, создавших кооперативные организации. Только на базе такой массовой самодеятельности и возможно проведение широкого плана кооперирования всей страны. Чтобы сохранить и использовать аппарат кооперации, Ленин считал необходимым пойти на всевозможные компромиссы с представителями кооперации, которые в значительной части были враждебны Советской власти. При первом соглашении Советской власти с кооператорами весной 1918 г. в декрете о кооперации было отброшено все, против чего особенно резко возражали старые руководители кооперативного движения. Так, например, мы отступили от принципа объединения всего населения данной местности в одном кооперативе и отказались от принципа бесплатного вступления в кооператив. Был даже ослаблен пункт о полном исключении буржуазии из правлений кооперативов.

Так завоевание кооперации Советской властью шло под руководством Ленина чрезвычайно осторожным путем. Ле-

нин понимал, что существующая кооперация в значительной степени отражала мелкобуржуазное течение крестьянства, и что соглашение и уступки по отношению к кооператорам были необходимы именно для согласования деятельности всей массы трудящихся республики.

В своем выступлении на 3-м съезде рабочей кооперации Ленин указывал, что должно быть проведено слияние между рабочей кооперацией и советскими организациями, что не может быть речи ни о какой независимости. Работа Советской власти и дело кооперации должны быть полностью слиты.

Перед кооперацией в эпоху военного коммунизма стояла задача организации дела снабжения. Ленин всячески оберегал кооперацию от того, чтобы она была превращена исключительно в какой-либо правительственный орган. Он учитывал, что ее ценность в значительной степени именно в самодеятельности рабочего и особенно крестьянского населения. Поэтому на 9-м Съезде Ленин возражал против немедленного огосударствления кооперации.

После поворота к нэп'у роль кооперации еще более усилилась. В своей речи о новой экономической политике Ленин указывал, что кооперация может сыграть крупную роль и поможет советскому правительству получить из страны те излишки, которые поступают на рынок.

Много раз Ленину приходилось касаться специально сельскохозяйственной, производственной кооперации, особенно так-называемых земледельческих коммун и артелей. В эпоху военного коммунизма некоторые товарищи думали, что земледельческие коммуны являются очагами социализма. Им казалось, что крестьянство очень быстро объединится в такие производственные коммуны. Ленин уже на первом всероссийском съезде земотделов, комитетов бедноты и коммун отмечал это преувеличение. Он указывал, что переход от мелких единичных хозяйств к общественной обработке земли требует очень длительного периода. Крестьян нельзя убедить в преимуществах социализма теоретическими рассуждениями и агитационными речами. Их можно взять только примером. Задача коммун в деревне и совхозов именно в том и заключается, чтобы они наглядно показали крестьянам преимущество общественной обработки земли и практически помогли крестьянству поднять свое хозяйство.

На 1-м съезде земельных коммун (в 1919 г.) Ленин говорил: «Воздействовать на миллионные мелкие крестьянские хозяйства можно только постепенно, осторожно, лишь удачным практическим примером». Для этого коммуны должны не отстраняться от крестьянского населения, а обязательно оказывать ему помощь. Крестьяне должны в каждой коммуне, в каждой артели увидеть новые способы земледелия и научиться им там, а не из книжек, «Надо так поставить коммуну, чтобы она стала образцовой, и чтобы соседние крестьяне сами потянулись к ней; суметь показать им практически пример, как надо помогать людям, ведущим хозяйство при таких тяжелых условиях бестоварья и всеобщей разрухи» (т. XVI, стр. 392—396).

Последний раз вопросов кооперации Ленин коснулся в своей статье на эту тему в 1923 г. Он отмечал в этой статье, что мы все еще недостаточно внимания обращаем на кооперацию. Поскольку государственная власть находится в руках рабочих и ей принадлежат все средства производства, нам осталось лишь произвести максимальное кооперирование населения, чтобы достигнуть социализма. Ленин подчеркивал особенно, что кооперация является наиболее простым, легким и доступным для крестьянина средством перехода к новым порядкам. «Кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом... Простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма» («О кооперации», XVIII т., 2 ч., 144 стр.).

Ленин указывал, что через кооперацию всякий мелкий крестьянин практически научится делу советского строительства, что именно через нее мы сможем втянуть действительные массы в социализм.

Поэтому Ленин предлагал дать ряд привилегий, экономических, финансовых и банковых, кооперации и всячески поддерживать ее. В связи с работой кооперации в области повышения культурного уровня, Ленин отмечал, что культурная работа в крестьянстве смыкается с кооперированием:

«при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве».

Указывая две главные задачи нашей эпохи, Ленин первой из них считал переделку нашего государственного аппарата, а второй—культурную работу для крестьянства, т.-е. в первую очередь кооперирование его.

Эта небольшая статья Ленина решительным образом передвинула внимание партии к кооперации.

4. Борьба на внутреннем и внешнем фронтах.

Первые годы строительства советского строя прошли в тяжелой борьбе на фронте гражданской войны и на внешних фронтах против союзников и их вассалов—Польши, Колчака и т. д.

Партия ни на минуту не обманывалась в том, что после октябрьской победы стране предстоят еще долгие годы войны.

Во время брестских переговоров Ленин не один раз касался темы о революционных войнах, необходимых для защиты диктатуры пролетариата.

И партия открыто провозглашала внутреннюю гражданскую войну против эксплоататоров. Когда меньшевики и К° выдвигали против большевиков сентиментальный лозунг: «да сгинет гражданская война»,—Ленин отвечал: нет, только через такую войну пролетариат может победить. «На все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто, есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплоататоров» («Доклад о деятельности Совнаркома на III Съезде Советов», XV т., 79 стр.).

Марксисты знают, что не голосованием, не большинством, а непосредственной борьбой, насилием решаются важнейшие вопросы истории. И нам пришлось наряду с экономическим и государственным строительством создать специальные организации для борьбы—Красную армию, ВЧК и др.

О будущей Красной армии Ленин говорил во время Бреста. Уже в марте 1918 г. нам пришлось перейти к органи-

зованному воссозданию новой рабоче-крестьянской армии. Весной начался чехо-словацкий мятеж. В июле произошло лево-эсеровское восстание и убийство Мирбаха. В августе англичане высадились в Архангельске. Мы вступили в период интервенции и тяжелых боев на многочисленных фронтах.

ЦК партии и центральным органам правительства пришлось свое главное внимание обратить на военные задачи. В эти тяжелые годы Ленин, открыто говоря о неимоверных трудностях и необходимости все новых и новых жертв, твердо руководил делом борьбы на фронтах. Не выезжая из Москвы, сидя в своем кремлевском кабинете, он на основании тщательного анализа получаемых сообщений составлял себе точное и ясное представление о положении фронтов и давал указания, которые удивляли специалистов, бывших на месте, своей правильностью оценки существа дела.

В своих многочисленных выступлениях в эту пору Ленин уделял особенное место положению на фронте и с полной отчетливостью рисовал, что еще надо сделать для победы. Все эти речи пестрят указаниями на неизбежные тяжелые испытания, на величайшие, неслыханные трудности, стоящие впереди. В то же время Ленин отмечал все достигнутые успехи и сделанные ошибки и разъяснял задачи и смысл происходившей борьбы.

Объясняя как-то силу Красной армии, Ленин процитировал фразу одного прусского монарха: «Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести ни одной войны». Переходя к русским условиям, Ленин говорил: мы находимся как-раз в обратном положении: «Мы можем вести войну потому, что массы знают, за что воюют, и хотят воевать, несмотря на неслыханные тяжести (повторяю: тягота войны теперь больше, чем при царизме), зная, что приносят отчаянные, непосильно тяжелые жертвы, защищая свое социалистическое дело, борясь рядом с теми рабочими в других странах, которые начали понимать наше положение» («Успехи и трудности Советской власти», XVI т., 68 стр.).

Если в гражданской войне и борьбе против интервенции Ленин проявлял железную твердость и настойчивость, то в деле международных отношений он показал исключительную дипломатическую гибкость.

Наша дипломатия, в конечном счете руководившаяся Ле-

ниным, опиралась на политику разделения союзников, использования их внутренних несогласий и противоположности интересов различных стран.

«Надо использовать противоположности и противоречия между двумя империализмами, между двумя системами капиталистических государств, натравливая их друг на друга,— говорил Ленин.—...Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах» («О концессиях», XVII т., 383 стр.).

Уже тактика с Брестским миром была хорошо обдуманным ходом, который давал нам возможность обезвредить себя со стороны империализма, нам наиболее угрожавшего.

В этот момент были две группы империалистских хищников: германо-австрийская и англо-американо-французская. Мы сделали уступку одному из них—германскому, который нам особенно угрожал. В эту пору англо-французы, занятые войной, не могли еще вмешиваться в наши дела. К тому же мы предложили им мир, и Ленин вел на эту тему переговоры с американцами, бывшими в России.

Германия взяла с России лишь несколько миллионов пудов хлеба, мы выиграли время, сорганизовали армию, несколько наладили управление страной. Мы пожертвовали второстепенными, с точки зрения социализма, интересами, но удержали главное—диктатуру пролетариата и советский строй.

Убийство Мирбаха левыми эсерами поставило на карту успех, достигнутый миром с немцами. Ленин настоял на том, чтобы тов. Иоффе в Берлине пошел на всякие дипломатические шаги в целях избежания осложнений. А осенью, после германской революции, мы смогли сбросить с себя путы Брест-Литовска.

Германия, побежденная союзниками, была нам более не опасна. Но Англия, Франция, а затем и Америка приняли активное участие в борьбе против Советских республик.

И здесь нам пришлось снова применять нашу тактику использования противоречий в среде буржуазных государств. Ленин указывал на три основных противоположности, существующие в капиталистическом мире. Первая—это рознь между Японией и Америкой, которая рано или поздно грозит войной. Ведя переговоры с Вандерлипом о передаче ему

концессии на Камчатке, мы как-раз и хотели использовать в своих интересах эту рознь. Второе противоречие—между Америкой и остальным капиталистическим миром. Америка больше всех выиграла от войны, половина мирового золотого запаса сосредоточилась в банках Соединенных Штатов. Америка ведет свою особую политику. У нее сильная конкуренция с Англией. Третье противоречие—между Антантой и Германией. Победив Германию и ее союзников, Антанта решила форменно ограбить побежденных.

Но эти три основные противоречия сопровождаются рядом других. Уже в те годы (1920 г.) намечалась рознь между Англией и Францией, была острая вражда между Турцией и странами Антанты, и т.д.

Искусно используя эту запутанную ситуацию, мы сможем избавиться от ряда опасностей, грозящих нам со стороны международных хищников.

Ленин указывал, что в ряде случаев нам будет выгодно откупиться от международного капитала, чтобы спокойно продолжать хозяйственную работу. Концессии могли быть одним из таких средств для получения сносных мирных условий с той или иной капиталистической страной. Ленин учил, что в наших международных отношениях мы должны быть трезвыми практиками. Напутствуя делегацию в Генуэ, он советовал ехать туда в качестве купцов. Если будет выгодно взять на себя какие-нибудь обязательства, заплатить концессиями и т. п., то почему этого не сделать. Нам важен мир, нам нужно хозяйственное восстановление страны,—вот самое главное.

Ленин не придавал никакого значения дипломатической мишуре или «престижу», за которым так гонятся буржуазные государства.

Для нас, пролетарского государства, важно лишь существо дела, получение нужных результатов.

В своем последнем выступлении—речи в Московском Совете (ноябрь 1922 г.) Ленин говорил, что курс в международной политике был взят правильно, проводится твердо и успех его вполне обеспечен. «Экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим

и, может-быть, кое в чем довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении» («Речь на пленуме Моссовета», XVIII т., 2 ч., 102 стр.).

Это предсказание оправдалось очень скоро. Год смерти Ленина оказался поворотным годом и в нашей международной политике. Мы получили признание ряда крупнейших стран (Англия, Италия, Китай) и упрочили свое положение больше, чем когда-либо раньше.

5. Культура.

В своих последних статьях и речах Ленин указывал, что после победы на фронтах, после укрепления диктатуры пролетариата, особенно настоятельной становится работа на фронте культуры. «Задача подъема культуры—одна из самых очередных».

Ленин указывал, что мы стоим теперь перед культурной революцией, и на нее мы должны обратить все свое внимание. В статье «О кооперации» он пишет: «Раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас, действительно, теперь центр тяжести сводится к культурничеству» (XVIII т., 2 ч., 144—145 стр.).

Культурная революция прежде всего обозначает, что широкие массы должны как-то пробиться к знанию и овладеть им. Поэтому прежде всего перед нами стоит вопрос об уровне нашей культурности, хотя бы в форме элементарной грамотности.

Ведь, мы как «полудикие». У нас на тысячу населения только 319 грамотных. Даже с элементарной буржуазной культурой у нас дело обстоит весьма плохо. «Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей или кре-

постнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего» («Лучше меньше, да лучше», XVIII т., 2 ч., 125 стр.).

Нужно твердо усвоить, что задача культурная не может быть решена так же быстро, как задачи политические и военные. «Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией». Только на базе культуры мы можем провести обновление нашего госаппарата и вообще создание нового социалистического общества. Поэтому нам надо, «во-первых, учиться, а затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой» (там же, 126 стр.).

Социализм строить нам приходится из старой культуры,— другого материала у нас нет.

«Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знание, искусство» («Успехи и трудности Советской власти», XVI т., 72 стр.).

Как нельзя стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием, так нельзя построить коммунизма, не опираясь на прошлую культуру. Работа Маркса дает нам хороший пример. Учение Маркса могло овладеть сердцами и умами миллионов людей, потому что «Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания».

Таким образом, созидая на почве буржуазной культуры, мы обязаны ее основательно усвоить, но при этом критически переработать, отбросив шелуху, отметя буржуазно-классовые искажения. Усвоение и критическая переработка—вот два параллельно идущих процесса в этом случае.

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только пе-

реработкой ее, можно строить пролетарскую культуру,—без такого понимания нам этой задачи не разрешить... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» («Задачи союза молодежи», XVII т., 316—317 стр.).

Чтобы выполнить эти культурные задачи, мы должны энергично бороться с безграмотностью, поднять учителя на такой высокий уровень, на котором он никогда еще не был, создать ряд своих, марксистских учебников, вместо того буржуазного хлама, на котором еще учатся у нас общественным наукам, побудить молодежь учиться, но не начетчицки, не на одних лозунгах, а основательно, тесно связывая книгу с практикой жизни, с борьбой пролетариата и т. д.

В связи с вопросами повышения культурного уровня страны тесно стояла проблема повышения производительности труда, использования НОТ, борьбы против некоторых исконных российских привычек.

Ленин часто бичевал нашу слабость («может быть, связанную со славянским характером»,—добавлял он), т.-е. нашу неустойчивость, невыдержанность при преследовании поставленных целей, хрупкость и дряблость. «Важно не только начать, но нужно выдержать до конца, а этого наш брат, россиянин, не умеет... Вот основные черты русского характера: когда ни одно дело до конца не доведено, он все же, не будучи подтягиваем изо всех сил, сейчас же распускается. Надо бороться беспощаднейшим образом с этой чертой» («Речь на совещании по работе в деревне», XVII т., 223—224 стр.).

Мы еще «дьявольски неповоротливы, мешковаты, сколько еще у нас обломовщины, за которую нас еще неминуемо будут бить». «Всюду у нас обычное русское интеллигентское неуменье практически дела делать—бестолковщина и безалаберщина... Сутолока, суматоха и ерунда» («Доклад о деятельности ЦК РКП на XI съезде», XVIII т., 2 ч., 48—49 стр.).

«Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел» («Речь на комфракции съезда металлистов», XVIII т., 1 ч., 15 стр.).

Социалистическая революция требовала от нас повышения производительности труда, и в связи с этим его высшей организации; «производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

Повышение производительности труда обусловливалось, с одной стороны, образовательным и культурным подъемом массы населения, с другой — повышением дисциплины трудящихся, уменьем работать, интенсивностью труда, лучшей его организацией.

В связи с этим Ленин обращал внимание партии на научную организацию труда, или, как говорят за границей, «систему Тэйлора».

Системы Тэйлора Ленин касался в некоторых своих статьях, написанных еще перед войной. Он отмечал, что система Тэйлора, как и другие меры, проводимые капитализмом, организуют и упорядочивают труд внутри фабрик в целях дальнейшего угнетения рабочих, но они совершенно не в силах уничтожить того хаоса, который существует во всем производстве. Он отмечал, что система Тэйлора после победы рабочего класса должна будет применяться самими рабочими (см., напр., «Система Тэйлора», XII т., 2 ч., стр. 406 и следующие).

Сейчас же после победы Октябрьской революции Ленин снова коснулся этой темы. В начале 1918 года он писал: «На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта... и т. д. Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями... Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора, как и всякий прогресс капитализма, соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплоатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введение наилучшей системы учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники

в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашим успехом в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее («Очередные задачи Советской власти», XV т., 209—210 стр.).

В статьях о Рабкрине Ленин ребром поставил вопрос о применении научных методов к управлению, о содействии Институтам Труда и т. д. Вопросы НОТ, таким образом, впервые были выдвинуты как очередные работы партии. Комиссариату РКИ партия поручила обратить внимание на НОТ и провести директивы, намеченные в этой области Лениным.

6. Женщины и молодежь в революции.

Октябрьская революция принесла освобождение женщине от тех унизительных, устарелых законов, которые ставили ее в положение, подчиненное мужчине. Ни одна демократическая партия, ни одна буржуазная революция не сделала в этом отношении столько, сколько сделала Советская власть. От законов о неравноправности, о непризнании внебрачных детей, о стеснениях развода и т. д., не осталось камня на камне. Женщина была во всем и целиком уравнена с мужчиной.

Но это была еще небольшая часть и сравнительно легчайшая часть того, что предстояло сделать. Благодаря этим предварительным мерам женщина втягивалась в политику, ибо втягивание широких масс в политику не могло бы произойти без такого же втягивания в нее женщины. Женщина стала равноправным гражданином Советского Союза.

Отмечая все, что было сделано для женщины Советской властью, Ленин указывал, что перед нами стоит новая, гораздо более трудная задача, которой мы, к сожалению, не уделяем достаточно внимания: освобождение женщины от домашнего рабства. «Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее душит, давит, отупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и детской, расхищая ее труд работой до дикости непроизводительною,

мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство». И в другом месте Ленин говорил: «Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжелым трудом, какой осуществляет женщина. Этот труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины» («Великий почин», XVI т., стр. 256—257 и «Речь на конференции московских работниц», XVI т., стр. 359).

Таким образом, в деле дальнейшего освобождения женщины нужно более внимательно относиться к тем росткам коммунизма, которые уже имеются,—общественным столовым, яслям, детским садам и всему тому, что на деле освобождает женщину от домашнего хозяйства и подводит ее к хозяйству общественному. Но это дальнейшее освобождение женщины может быть прежде всего делом ее самой. «Мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и точно так же освобождение женщины-работницы должно быть делом самой женщины-работницы». Ленин призывал женщин-работниц к активному участию в политической деятельности в Советской республике и в ее многосложной организаторской работе—постановке крупных опытных хозяйств, в области продовольствия и получения массового питания и т. д.

В 1907 году Ленин, полемизируя против меньшевиков, цитировал слова Энгельса: «Разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь. Мы—партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы—партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы—партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первой пойдет молодежь». И Ленин говорил: «Мы всегда будем партией молодежи передового класса» («Кризис меньшевизма», VIII т., 44 стр.).

Мировая война дала яркую иллюстрацию этого. Во время краха II Интернационала в целом ряде стран — Швеции,

Швейцарии и т. д. — именно организации молодежи заняли левые позиции, примыкающие к позиции большевиков. Тогда Ленин указывал, что молодежи выпадает громадная, трудная задача борьбы за революционный социализм против разлагающего рабочий класс оппортунизма.

После победы рабочего класса в нашей стране задача молодежи, конечно, значительно усложнилась. Ленин в своей речи на III всероссийском съезде РКСМ дал подробные указания о той роли, какую молодежь будет играть в деле коммунистического строительства. Эта речь—одна из исключительно насыщенных содержанием речей Ленина. Здесь намечается программа работы на десятки лет вперед.

Основная задача молодежи, по мнению Ленина, заключается в том, чтобы учиться. Они призваны к тому, чтобы участвовать в создании коммунистического общества, и они должны научиться коммунизму. Но научиться не так, чтобы превратиться в коммунистических начетчиков и хвастунов. Нет ничего хуже разрыва книги с практикой жизни. Нужно полное сочетание жизненной практики с теорией. Без борьбы книжное знание коммунизма ничего не стоит.

Чтобы стать коммунистом, нужно усвоить то, что накоплено человеческим знанием. Ленин указывал в этом случае на Маркса. Марксизм мог создаться только на прочном фундаменте всего прошлого человеческого опыта и человеческих знаний. Не путем зубрежки и автоматического усвоения нужно создавать из себя коммуниста. Нужно произвести серьезнейшую и труднейшую работу, самому разобраться в фактах, а не усваивать лишь готовые выводы.

«Мы должны понять, что на месте старой учобы, старой зубрежки, старой муштры, мы должны поставить себе уменье взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был у вас чем-то таким, что заучено, а был тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования» («Задачи союзов молодежи», XVII т., 319 стр.).

Только при методическом изучении мы сможем превратить коммунизм из готовых, заученных формул, советов и рецептов в живое руководство для нашей практической работы. Молодежь должна воспитать из себя коммунистов.

В связи с этим возникает, прежде всего, вопрос о коммунистической морали. Здесь Ленин буквально на двух страничках дает всю квинт-эссенцию учения марксизма о морали.

«Существует ли коммунистическая нравственность?», спрашивает Ленин, и отвечает: «Конечно, да».

Конечно, мы отрицаем нравственность, взятую из внечеловеческих и внеклассовых понятий, нравственность по велению бога и т. д. «Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». «Нравственность—это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов. Коммунистическая нравственность—это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплоатации, против мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создавалось трудом всего общества» («Задачи союзов молодежи», XVII т., 321—323 стр.).

Таким образом, коммунистическая нравственность служит для того, чтобы человеческое общество могло подняться на высшую ступень и избавиться от эксплоатации человека человеком. В основе этой нравственности лежит борьба за победу коммунизма.

Ленин указывал, что мало изучать коммунизм,—что настоящая коммунистическая молодежь создается в активной работе. «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящим коммунистом». Союз коммунистической молодежи должен во всякой работе показывать свою инициативу, давать свою помощь. Например, в борьбе против безграмотности, организации общественных огородов и т. д. Коммунистическая молодежь должна показать, что она умеет трудиться, и притом трудиться организованно. Союз коммунистической молодежи должен воспитывать всех своих членов в сознательном и дисциплинированном труде.

Только в такой активной работе молодежь выработает из себя то поколение, которое сумеет построить новое общество.

Глава XII.

Ленинизм и троцкизм.

1. Троцкий в период 2-го съезда.

Мы видели, что большевизм-ленинизм создавался в непрестанной борьбе против оппортунизма в рабочем движении. Ленинизм нельзя понять, если недооценить этой непрерывной ожесточенной, непреклонной борьбы его за теоретическую выдержанность, за революционную тактику, за централизованную организацию рабочего класса.

Борясь против оппортунизма, Ленин особенно резко выступал против тех половинчатых, межеумочных групп и фракций, которые пытались занять роль «центра». Фактически такой центр всегда являлся лишь подспорьем и подмогой правому крылу рабочего движения. Центр обычно прикрывал свою сущность революционной фразой, но в практической работе был подсобником самого пошлого оппортунизма. Ленин, боровшийся за единую сплоченную партию, решительно обрушивался на такой центр, на «болото», на всяких посредников, пытавшихся мирить большевизм с меньшевизмом, или (в эпоху войны) революционный марксизм с социал-шовинизмом. В частности, Ленину и большевикам не один раз приходилось выступать против т. Троцкого, который в истории нашей партии чаще всего оказывался между двумя борющимися фракциями.

Уже первые выступления тов. Троцкого (на 2 съезде партии) обнаружили неустойчивость его позиции. На первых заседаниях съезда он все время шел с Лениным и получил даже кличку «ленинской дубинки». Однако, уже во вторую половину съезда Троцкий стал передвигаться к правому флангу. По вопросу о § 1 устава он уже определенно выступает

за формулировку Мартова. Он указывает в своей речи, будто ленинский организационный план фактически не дает возможности рабочим попасть в партию. Это вызывает замечание Ленина, что «Троцкий очень неправильно понял основную мысль «Что делать?» (протоколы 2-го съезда, стр. 222—231). Когда на съезде начинается борьба вокруг формирования крепких партийных центров (Центрального Комитета и редакции Центрального Органа), Троцкий решительно борется за меньшевиков.

После съезда он вполне определенно стоит рядом с оппортунистами и свой доклад о 2-м съезде (Женева, 1903 г.) направляет против Ленина. Брошюра Троцкого была одной из первых, которая начала меньшевистскую атаку против съезда и против его большинства. Уже первые фразы этой брошюры опорочивали съезд. В ней указывалось, что съезд не оправдал ожиданий, что «на нем происходила азартная игра голосований», что он «не создавал, а разрушал». Затем шло пристрастное изложение борьбы на съезде, при чем специально говорилось о Ленине. Троцкий заявлял, что на 2-м съезде Ленин «со свойственными ему энергией и талантом сыграл роль партийного дезорганизатора». Троцкий сравнивал Ленина с Робеспьером, утверждая, что все организационные построения Ленина имели своей задачей передать власть в партии в железные руки Ленина, что речь шла о гегемонии Ленина над социал-демократией.

Возражая против организационных принципов большевизма, Троцкий утверждал, что они проникнуты духом метафизики, что Центральный Комитет, по мысли Ленина,—это лишь «будочник централизма», что вся партия, по большевистскому плану, будет держаться робеспьеровским террором и специальным подбором лиц, «пропускаемых через фильтр». Съезд, оказавшийся большевистским, в конце своих занятий, по словам Троцкого, фактически занялся «упразднениями»: он упразднил редакцию, упразднил ЦК и вместо централизма дал победу «эгоцентризму» (см. Н. Троцкий «2-й съезд РСДРП». Отчет сибирской делегации. Женева 1903 г., стр. 11, 21, 27, 28 и др.). Памфлет Троцкого против Ленина оканчивался советом, чтобы «Ленин устранился по возможности без шума и лишних беспокойств».

В своей следующей брошюре («Наши практические задачи», 1904 г.) Троцкий продолжал борьбу против большевизма, опять направляя главные удары против Ленина, которого он причислял к «господам кандидатам в диктаторы», называл «вождем реакционного крыла нашей партии», и т. д.

В этой брошюре Троцкий особенно возражал против утверждения Ленина, что пролетариат легко подчиняется дисциплине, так как его учит этому фабрика, а буржуазный интеллигент отличается барским анархизмом и нелюбовью к дисциплине. Защищая интеллигентов против Ленина, Троцкий возражал и вообще против организационных принципов большевизма. В то время, как Ленин сугубо подчеркивал важность крепкой централизованной партийной организации, Троцкий предлагал мобилизовать пролетариат «вокруг основных лозунгов революции». Лишь этот путь казался ему правильным. Организационные задачи разрешались, по мнению Троцкого, как-то сами собой в процессе борьбы.

Организационный план большевиков Троцкий объявил «диктатурой над пролетариатом». Ему представлялось, что большевики не помогают самодеятельности рабочего класса, а лишь создают сильную организацию, господствующую над пролетариатом. Он обвинял Ленина в якобинстве, в партийном терроре, в нетерпимости к инакомыслящим и т. д.

Таким образом, в своей позиции Троцкий целиком солидаризировался с самым правым крылом нашей партии. Он абсолютно не отдавал себе отчета в роли и значении крепкого организационного строения партии, в важности централизма, дисциплины, идейной выдержанности и сплоченности. Для него партия представлялась какой-то расплывчатой организацией, допускавшей различные мнения, дискутирующей о разных позициях, объединяющей пролетариат не крепкой организационной спайкой, а лишь общим лозунгом борьбы и т. д. Троцкому было совершенно непонятно, что только на основе железной организации и путем тщательного подбора руководящего кадра партии, социал-демократия может вступить с успехом в борьбу против царизма и капитализма.

К сожалению, в своей дальнейшей политической работе Троцкий не один раз выявлял неустойчивость, переходил от одной позиции к другой, приближаясь то к правому, то к левому крылу нашей партии. Как мы видели, в одной из

предыдущих глав Ленину пришлось по этому поводу сравнить Троцкого с «тушинским переметом» (так звали в смутное время воинов, перебегавших из одного лагеря в другой).

На 2-м съезде сам Троцкий в очень горячей речи обрушился на такое «переметывание». Возражая против допущения на съезд группы «Борьба» (Стеклов, Рязанов и др.), Троцкий отмечал, что эта группа не имела устойчивой позиции: «в этой переметчивости и кроется корень морально-политического бессилия «Борьбы», но за такое бессилие не выдают диплома. Оно подлежит каре. Карой явится отказ в приглашении на съезд. Такой приговор будет не только нравственным осуждением «Борьбы», но и предупреждением всякой группке, которая в интересах своей политической карьеры захочет просунуть свою групповую физиономию в ту или иную идейную расщелину, пользуясь трагическим положением нашей партии» (Протоколы 2-го съезда, стр. 37).

Увы, именно эти слова можно было не один раз отнести к самому т. Троцкому!

2. Теория перманентной революции.

В период первой революции Троцкий отходит от меньшевиков. В это время он вместе с Парвусом выступает с теорией перманентной революции. Сущность этой теории сводилась к следующему. В России, кроме пролетариата, нет никаких революционных слоев населения. Русский пролетариат в своей борьбе может рассчитывать лишь на помощь мирового пролетариата. Поэтому Троцкий рисовал такую картину: российский пролетариат, оказавшись у власти во время буржуазной революции, будет покинут крестьянством, должен будет связать свою судьбу лишь с судьбой социалистической революции в Европе.

В связи с этим, вместо большевистского лозунга «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», Парвус с Троцким выдвинули лозунг чисто-рабочей диктатуры, утверждали, что если социал-демократы будут стоять во главе революционной борьбы пролетариата, то и временное правительство будет чисто социал-демократическое. Ошибка этого построения заключалась в том, что Троцкий и Парвус недооценивали роль крестьянства в России, не давали себе

отчета в буржуазном характере революции и не представляли себе ясно те этапы, какими самодержавная Россия перейдет к пролетарской диктатуре, и буржуазная революция превратится в революцию социалистическую. Недооценка крестьянства сопровождалась чрезмерной переоценкой силы рабочего класса в стране.

Ленин указывал, что в наших условиях революционная диктатура должна опираться на громадное большинство народа, т.-е. опираться не только на пролетариат, но и на городскую и сельскую бедноту, на рабочий класс и крестьянство. Он повторял, что русская революция должна поднять к активной жизни, к историческому творчеству гигантские массы и, только опираясь на эти массы рабочих и крестьян, можно создать демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства для проведения до конца буржуазной революции («Социал-демократия и временное революционное правительство», т. VI, стр. 132—133).

Таким образом, большевизм, с одной стороны, выделял роль крестьянства в буржуазной революции и дальнейшей борьбе пролетариата, а с другой стороны, указывал на определенные этапы в борьбе пролетариата за социализм.

Троцкий и Парвус скидывали со счетов крестьянство, составляющее подавляющее большинство в стране, предполагали, что пролетариат может один, без поддержки создать свою диктатуру и преувеличивали надежды на скорость социалистического переворота на Западе. Характерно, что одновременно с этим Троцкий отвергал возможность каких бы то ни было национальных революций. Он писал: «Национально-буржуазная революция в России невозможна за отсутствием подлинной революционной буржуазной демократии. Время национальных революций прошло,—по крайней мере, для Европы,—точно так же, как время национальных войн».

Мы помним, что Ленин 10 лет спустя, во время мировой войны, в своей полемике с Розой Люксембург повторял, что период национальных войн далеко еще не изжит.

Построение Троцкого носило, таким образом, чисто абстрактный характер и походило на какое-то алгебраическое упражнение. В нем отсутствовали самые характерные черты ленинизма: четкий анализ конкретной действительности, реа-

лизм, ясное представление о сложности этапов пролетарской борьбы, отчетливое выяснение роли отдельных классов в революционной борьбе.

Теория перманентной революции не сыграла никакой роли в истории нашей партии. Ленин назвал ее «несуразно-левой перманентной революцией».

Недооценка роли крестьянства являлась одной из характерных черт троцкизма. В дальнейшем Троцкий несколько раз повторял эту ошибку. Мы видели, например, как в эпоху борьбы за Брестский мир Троцкий высказывался против немедленного мира и говорил «революционные фразы» о войне, забывая, что крестьянство не хочет воевать, и бывшая царская армия, тоже на 95% состоявшая из крестьян, пошла за большевиками, главным образом, ради лозунга немедленного мира. Недооценивая в эти месяцы крестьянство и преувеличивая возможную близость социалистической революции на Западе, Троцкий буквально повторял ошибки своей теории, созданной за 10 лет перед этим.

Во время дискуссии о профсоюзах, Троцкий, как известно, высказывался за больший нажим на профсоюзы, не чувствуя, что период военного коммунизма подходил к концу, и крестьянство уже властно требовало перехода к новой политике.

3. После первой революции.

В период между двумя революциями Троцкий продолжал занимать позицию центра, приближаясь то к большевикам, то к меньшевикам. На Лондонском съезде (в 1907 г.) Троцкий выступил с попыткой примирить фракции. Он возражал и меньшевикам, и большевикам, упрекая последних особенно в чисто-формальном ригоризме и непримиримости и предлагал большевикам внести примирительную резолюцию по поводу ошибок меньшевистской фракции в думе (см. протоколы Лондонского съезда, парижское издание, стр. 197—203).

Ленин, характеризуя на съезде позицию Троцкого, сказал, что он выражал взгляды Бунда, т.-е. самой оппортунистической из действовавших в России с.-д. организаций. Выступления т. Троцкого он называл выявлением в нашей пар-

тии «чего-то непартийного». Фактически Троцкий на этом съезде явился подмогой оппортунистическому крылу нашей партии—меньшевикам.

В наступившие затем годы шли ожесточенные бои между большевиками и ликвидаторами, стремившимися окончательно разрушить нелегальную партию. Во время этих боев Троцкий продолжает занимать промежуточную позицию, фактически прикрывающую и помогающую ликвидаторам. В то время, как Ленин и большевики пытаются создать единую крепкую партию на единой теоретической и тактической платформе, Троцкий содействует расколу. Именно в эти годы Ленин особенно часто клеймит линию поведения Троцкого. В 1910 году Ленин писал о выступлениях Троцкого: «Мы заявляем... от имени партии в целом, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную легальность, вступает на путь авантюры и раскола» («О положении дел в партии», XI том, 2-я ч., стр. 189).

Вместо решительной борьбы против ликвидаторства, Троцкий все время стремится к соглашению с ним. Совместно с ними выступает, поддерживает их в печати и т. д. Когда в нашей собственной среде появляются оппортунистические уклоны (богоискательство, отзовизм) и проч., Троцкий сейчас же идет им навстречу, предоставляет для них страницы своего органа.

Ленин характеризует позицию Троцкого, как раболепство перед ликвидаторами, как фактическое проведение капитуляции перед ними. Одновременно он отмечает, что Троцкий и троцкисты вреднее ликвидаторов, ибо «убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочему легко разобрать их ошибочность, а тт. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него» («Примечание от редакции к корреспонденции из Петербурга», XI том, 2-я ч., стр. 359).

В то же время т. Троцкий неоднократно выступает перед заграничными товарищами и дает совершенно извращенное представление о большевизме. Он утверждает, напр., что большевистская организация близка к распаду, что она не имеет связи с рабочими массами, что идеи большевизма

пользовались некоторым успехом лишь благодаря незрелости русских рабочих, что раскол в партии вызван интеллигентскими дрязгами, и т. д., и т. д. По поводу этого выступления Ленин говорил: «Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции» («Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», XI том, 2-я часть, стр. 298).

Когда в эту эпоху реакции большевикам удается начать возрождение партии и на январьской конференции 1912 г. организационно восстановить партию, Троцкий еще теснее смыкается с ликвидаторами и меньшевиками для борьбы против большевизма. В противовес большевистскому объединению создается так-называемый «августовский блок» всех небольшевистских групп, при чем Троцкий играет в этом объединении одну из первых ролей. Ленин писал по поводу этого блока: «Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести «по-прежнему» свою линию..., а Троцкий... прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает» («Ликвидаторы против партии», т. XII, 1-я ч., стр. 94).

В период революционного подъема после ленских событий вместо лозунга революционной борьбы против самодержавия, меньшевики выдвигали лозунг «борьбы за свободу коалиций». Троцкий утверждал, что борьба за свободу коалиций является основой ленских событий, и что это требование «стоит и будет стоять в центре революционной мобилизации пролетариата». Иными словами, большевистскому лозунгу революционной борьбы пролетариата против царизма Троцкий противопоставил чисто-либеральный лозунг завоевания одного из прав. В этом было не только принижение лозунгов пролетарской борьбы, но и типично либеральный подход к основным задачам социал-демократии в полосу революционного подъема (см., например, «Лозунги всероссийской конференции», т. XII, ч. 1-я, стр. 183).

Рабочее движение растет; партийная организация большевиков крепнет; газета «Правда» связывается тысячами нитей с пролетариатом и достигает 40-тысячного тиража; успехи большевистских идей в рабочих массах совершенно очевидны; сборы денег на меньшевистские и большевистские

газеты среди рабочих ясно показывают, что большевики имеют в четыре раза больше связей и групп, чем меньшевики.

В эту пору Троцкий пишет: «Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении»... и дальше: «все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитые начала собственного разложения». Поэтому-де ленинизм сам по себе не внушает опасений. Дальше, Троцкий замечает, что ленинизм несовместим с партийной политической организацией рабочих (см. письмо Троцкого к Чхеидзе, в приложении к брошюре И. Сталина «Троцкизм или ленинизм»).

Уже перед самой войной Ленин, характеризуя т. Троцкого и до некоторой степени подводя итоги его колебаниям между правым и левым крылом рабочего движения в России, писал: «Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию, одним словом, «державу», толкующую об объединении с другими. Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело» («О нарушении единства», т. XII, ч. 2-я, стр. 463).

4. В эпоху мировой войны.

В период мировой войны Троцкий продолжал занимать ту же «центральную» позицию, лавируя между большевизмом и социал-шовинизмом. Решения нашей партии совершенно отчетливо наметили тактику пролетариата: призыв к гражданской войне, полный разрыв с социал-шовинизмом и т. д. По основным тактическим вопросам Троцкий не соглашался с позицией Ленина. Вместо решительной борьбы с оппортунистами и всеми, кто их поддерживал, Троцкий продолжал политику объединения всех социал-демократических групп, т.-е. проявлял чистейшее каутскианство, фактически означавшее прикрытие предательства социал-шовинистов и поддержку 2-го Интернационала. Совершенно логично поэтому Троцкий боролся против «Циммервальдской левой», т.-е. про-

тив течения, возглавляемого Лениным, которое положило основы III революционному Интернационалу.

Троцкий возражал и против другого основного лозунга большевиков, лозунга гражданской войны, считая его несвоевременным и неподходящим. Между тем, только под таким революционным знаменем можно было объединить передовые слои пролетариата и заложить основы Коммунистического Интернационала.

Троцкий считал также неправильным лозунг пораженчества. Большевики говорили: «революционный класс в реакционную войну не может не желать поражения своему правительству». Против этого положения возражали социал-шовинисты. Против возражал Троцкий. Ленин указывал, что, только желая поражения своему правительству, своей буржуазии, и можно поставить на реальную почву действительно революционную борьбу против войны.

Ленин в период войны зачислял Троцкого в категорию каутскианцев и других представителей центра и писал, как-раз накануне революции, что было бы величайшей глупостью и опасностью объединяться с социал-патриотами или с колеблющимися, в роде Троцкого.

В 1917 году т. Троцкий вступил в нашу партию и работал под руководством Центрального Комитета, выполняя многие крупные и ответственные задания. Однако, и за эти годы революции время-от-времени выплывали разногласия между позицией Троцкого и между троцкизмом и ленинизмом. Таковы были разногласия по поводу Брестского мира и профсоюзов (о которых говорилось в предыдущих главах). Особенно резки были расхождения в период партдискуссии перед 13-й партийной конференцией и в литературных выступлениях Троцкого в «Уроках Октября» (1924 г.). Но об этих двух последних расхождениях мы будем подробно говорить в другой работе, специально посвященной истории съездов и конференций нашей партии.

Мы видели, что в истории нашей партии Троцкий занимал всегда (до 1917 г.) обособленную позицию. Он почти не находил сторонников и, в отличие даже от ликвидаторов, не имел никаких серьезных связей с рабочими массами. Троцкизм выявлялся в сущности лишь в статьях и брошюрах. Вокруг т. Троцкого почти не было последователей.

Идеология троцкизма отражала некоторые интеллигент-

ские течения социал-демократии. Очень типичны для троцкизма свойственные интеллигенции пышные революционные фразы, часто прикрывающие пустоту содержания. Против этих пышных революционных фраз неустанно восставал Ленин, когда он касался выступлений Троцкого.

В чем же выявлялись характерные особенности троцкизма?

Первая особенность—это типичная недооценка роли крестянства в России. Мы видим эту недооценку особенно ярко в теории перманентной революции. Она повторяется непрерывно в течение всей деятельности Троцкого и в той или иной форме сказывается все время. Мы знаем, что одним из главнейших завоеваний ленинизма является как-раз правильная оценка роли и значения крестьянства в деле борьбы пролетариата за власть.

Второй особенностью троцкизма является слишком упрощенное, абстрактное представление о путях социальной революции. Ленин подходил к этому вопросу, учитывая все конкретные особенности обстановки, и осторожно намечал пути к диктатуре пролетариата через демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Ленин указывал, что пути мировой революции очень сложны и разнообразны, и что мы увидим перед собой годы и десятилетия национальных войн и ряд переходных ступеней между империализмом и коммунизмом. Троцкий не отдавал себе отчета в сложности переходной эпохи. Ему казалось, что мировая революция поддержит русский пролетариат чуть ли не в 1906 году. Он отрицал возможность национальных войн. Он упрощенно представлял будущие конфликты между империалистическими державами (например, он предсказывал, что весной 1924 г. непременно произойдет война между Америкой и Японией, аргументируя это, главным образом, тем, что в этот период будет закончена известная военно-морская программа японцев и американцев).

В-третьих, троцкизм отрицательно относился к большевистскому подходу к организации партии. Он возражал против строгого централизма, против железной дисциплины, против суровых требований к теоретической выдержанности и т. д. До 1917 г. Троцкий рисовал Ленина не как величайшего организатора рабочего класса, а как человека, разлагающего и дезорганизующего российский пролетариат.

В связи с таким отрицательным отношением к большевистским организационным принципам стояло недоверие Троцкого к большевистским лидерам. Это недоверие выявилось сперва по отношению к Ленину, а после 1917 г., когда авторитет Ленина был совершенно непререкаем, это недоверие стало направляться против других вождей большевизма. Выступления Троцкого в 1923—24 г. имели главной целью дискредитировать вождей большевизма, указать на возможность их реформистского перерождения, подорвать в молодежи доверие к испытанным вождям большевистской партии и т. д.

В-четвертых, троцкизм отличался величайшей снисходительностью к оппортунизму и, бичуя его на словах, обычно поддерживал его делом. Эта типичная центристская позиция соглашательства с правым крылом оппортунизма резким образом противоречит большевистскому подходу к вопросу. Сейчас уже совершенно ясно, что только благодаря резкой непримиримости большевизма ему удалось создать теоретически выдержанную и монолитную партию. Совершенно бесспорно, что только на основе резкого разрыва не только с социал-шовинистами, но и с центристами (Каутский и пр.) возможно было создать III Интернационал. Большевизм все время боролся за строгую однородность и сплоченность партии. Троцкизм всегда отличался стремлением объединить под флагом партии самые разнородные группы и группочки, фракции и фракцийки.

Наконец, характерной особенностью троцкизма является его преувеличенное подчеркивание роли отдельных личностей в борьбе пролетариата. Эта особенность сугубо выявилась в статье «Уроки Октября», где совершенно забыта роль партийных центральных органов, и величайший период нашей революции изображается, как эпизод, разыгранный среди отдельных вождей движения. В этом преувеличении опять сказывается интеллигентский характер троцкизма

Троцкизм по объективному своему смыслу являлся и является отражением непролетарских элементов в партии, и 13-я партийная конференция была совершенно права, характеризуя выступления т. Троцкого, как проявления мелкобуржуазного уклона в партии.

Троцкизм не совместим с ленинизмом.

В предыдущем изложении многих вопросов нам пришлось коснуться лишь очень кратко, о многих не говорить совсем. Мы не имели также возможности включить в нашу работу рассмотрение всей той гигантской деятельности, которую нес Ленин на своих плечах в качестве руководителя Советской власти. Все это требует специальных книг.

Нашей задачей было лишь привлечь внимание к основным положениям ленинизма, как они выработались в огне двух войн и трех революций, и дать толчок молодым членам партии к дальнейшему, углубленному изучению подлинных работ Ленина.

Библиография.

Ссылки, сделанные в каждой главе, укажут читателям на те работы Ленина, к которым следует обратиться в первую очередь по тому или другому вопросу. По существующим указателям и программам изучения марксизма, а также пользуясь сборниками статей Ленина на определенные темы, теперь уже нетрудно подобрать и более подробную литературу по отдельным вопросам ленинизма.

В целях облегчения работы тех читателей, которые хотят пользоваться полным собранием сочинений и перечесть в нем в первую очередь самое важное, я привожу ниженапечатанный список.

Конечно, провести строгое и бесспорное разделение, что именно следует читать в каждом томе в первую очередь, в высшей степени трудно. Это, прежде всего, будет определяться уровнем читателя, его специальными интересами, его подготовленностью и т. д. Составляя примерный указатель первоочередных статей и брошюр, я исходил из того, чтобы выделить преимущественно тот материал, который более связан с периодом после Октябрьской революции, а также все, что отмечает основные вехи в создании большевизма и в истории нашей партии.

Избранные работы Ленина

(по „Собранию сочинений").

I т. *Стр.*

Что такое друзья народа . . . . . 61—237
Задачи русских социал-демократов . . . . . 341—362
Протест российских социал-демократов . . . . . 363—374
Проект программы нашей партии . . . . . 375—397
Проект программы . . . . . 404—432

II т.

Экономическое содержание народничества . . . . . 7—158

III т.

Развитие капитализма в России (весь том) . . . . . 1—498

IV т.

Насущные задачи нашего движения . . . . . 11— 16
Рабочая партия и крестьянство . . . . . 25— 32
С чего начать? . . . . . 32— 39
Беседа с защитниками экономизма . . . . . 72— 79
Политическая агитация и классовая точка зрения . . . . . 84— 89
Письмо к товарищу о наших организационных задачах . . . . . 159—174
Национальный вопрос в нашей программе . . . . . 239—247
Речи на 2-м съезде . . . . . 287—304
Почему я вышел из редакции „Искры" . . . . . 318—324

V т.

Что делать? . . . . . 115—274
Шаг вперед, два назад . . . . . 303—490
Чего мы добиваемся? . . . . . 491—499
Для Бориса . . . . . 505—509

VI т.

	Стр.
Земская кампания и план „Искры“	8— 23
Падение Порт-Артура	34— 35
Рабочая и буржуазная демократия	46— 53
Две тактики	74— 81
Новые задачи и новые силы	100—108
Пролетариат и крестьянство	111—115
О нашей аграрной программе	116—120
Социал-демократия и временное революционное правительство	120—133
Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянство	133—140
Доклад на 3-м съезде об участии эс-де во временном революционном правительстве	168—180
Демократические задачи революционного пролетариата	234—240
Борьба пролетариата и холопство буржуазии	249—255
Революционная армия и революционное правительство	266—272
Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры	278—283
Две тактики социал-демократии в демократической революции	301—401
Предисловие к брошюре: „Рабочие о партийном расколе“	402—407
Бойкот булыгинской думы и восстание	408—415
В хвосте у монархической буржуазии	430—439
Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа	451—455
Мир и реакция	456—461
Революция и контр-революция	481—493
Мелкобуржуазный и пролетарский социализм	543—550

VII т. 1 ч.

О реорганизации партии	8— 15
Пролетариат и крестьянство	16— 19
Партийная организация и партийная литература	19— 24
Революционная канцелярщина	30— 33
Умирающее самодержавие	33— 37
Социалистическая партия и беспартийная революционность	40— 46
Платформа большинства	55— 58
Русская революция и задачи пролетариата	72— 81
Победа кадетов и задачи рабочей партии	85—150
Речь об аграрном вопросе (на объединительном съезде)	156—163
Доклад об объединительном съезде	181—231
Кадеты, трудовики и рабочие партии	268—272
Как рассуждает Плеханов о тактике с.-д.	272—289
Пусть решают рабочие	294—297
Еще о думском министерстве	330—333

VII т. 2 ч.

Роспуск думы и задачи пролетариата	7— 23
О бойкоте	28— 34
Уроки московского восстания	47— 53

Стр.

Партизанская война . . . . . 77— 86
Опыт классификации русских политических партий . . . . . 86— 91

VIII т.

Борьба с кадетствующими с.-д. . . . . 21— 24
Кризис меньшевизма . . . . . 33— 51
Значение выборов в Петербурге . . . . . 186—189
Предисловие к „Письмам Маркса к Кугельману“ . . . . . 190—197
Большевики и мелкая буржуазия . . . . . 233—236
Аграрный вопрос и силы реакции . . . . . 321—324
Речи на Лондонском съезде . . . . . 381—409
Отношение к буржуазным партиям . . . . . 410—427
Памяти графа Гейдена . . . . . 427—434
Против бойкота . . . . . 434—461
Предисловие к сборнику „За 12 лет“ . . . . . 473—487
Революция и контр-революция . . . . . 488—495

IX т.

(Сюда не внесены указания на статьи, помещенные и в других томах «Собрания сочинений».)

К деревенской бедноте . . . . . 317—374
Пересмотр аграрной программы . . . . . 389—413
Аграрная программа социал-демократии в русской революции . . 411—617

X т.

(Он труден, но желательно его прочесть целиком).

XI т. 1 ч.

О „природе русской революции“ . . . . . 49— 53
Марксизм и ревизионизм . . . . . 53— 61
К оценке русской революции . . . . . 72— 83
О некоторых чертах современного распада . . . . . 89— 98
Воинствующий милитаризм . . . . . 104—113
Лев Толстой, как зеркало русской революции . . . . . 113—118
Об оценке текущего момента . . . . . 154—165
На дорогу . . . . . 209—217
Цель борьбы пролетариата в нашей революции . . . . . 217—234
О фракции сторонников отзовизма и богоискательства . . . . . 300—330

XI т. 2 ч.

К единству . . . . . 5— 13
За что бороться? . . . . . 24— 29
Уроки революции . . . . . 109—114
Л. Н. Толстой . . . . . 115—119
И. В. Бабушкин . . . . . 130—133

Стр.

Разногласие в европейском рабочем движении . . . . . 133—138
О некоторых особенностях исторического развития марксизма . . 138—142
Пятидесятилетие падения крепостного права . . . . . 219—222
По поводу юбилея . . . . . 230—238
Памяти Коммуны . . . . . 275—279
Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России . . . . . 292—308
О новой фракции примиренцев . . . . . 370—387

XII т. 1 ч.

Всероссийская конференция РС-ДРП . . . . . 41— 44
Аноним из „Форвертса“ и положение дел в РС-ДРП . . . . . 79— 89
Землевладение в Европейской России . . . . . 105—108
Экономическая и политическая стачки . . . . . 157—164
Революционный подъем . . . . . 184—190
Итоги полугодовой работы . . . . . 241—253
Заработки рабочих и прибыль капиталистов . . . . . 258—260
Обновленный Китай . . . . . 321—322

XII т. 2 ч.

Исторические судьбы учения К. Маркса . . . . . 43— 46
Три источника и три составных части марксизма . . . . . 54— 59
Спорные вопросы 1 ст. . . . . 83— 87
„ „ 2 „ . . . . . 90— 93
„ „ 3 „ . . . . . 113—116
„ „ 4 „ . . . . . 119—122
„ „ 5 „ . . . . . 125—128
„ „ 6 „ . . . . . 128—131
Отсталая Европа и передовая Азия . . . . . 116—118
Капитализм и налоги . . . . . 132—134
Маевка революционного пролетариата . . . . . 151—159
А. Бебель . . . . . 176—181
Роль сословий и классов в освободительном движении . . . . . 188—190
Марксизм и реформизм . . . . . 202—205
Либералы и демократы в вопросе об языках . . . . . 228—230
Язык цифр . . . . . 231—236
Гарри Квелч . . . . . 240—242
Два пути . . . . . 242—246
О культурно-национальной автономии . . . . . 272—276
Политические партии в госуд. думе . . . . . 280—284
Карл Маркс . . . . . 317—337
Письмо в редакцию . . . . . 350—351
Английские либералы и Ирландия . . . . . 403—406
Система Тэйлора . . . . . 406—408
Распад августовского блока . . . . . 410—413
О нарушении единства, прикрываемом криками об единстве . . . 445—463

	Стр.
Заключение к сборнику „Марксизм и ликвидаторство“	478—486
О праве наций на самоопределение	487—543
К итогам „дня рабочей печати“	554—561
Рабочий класс и рабочая печать	566—573
Как В. Засулич убивает ликвидаторство?	577—596

XIII т.

Война и российская социал-демократия	5— 12
Положение и задачи социалистического Интернационала	12— 17
Мертвый шовинизм и живой социализм	19— 25
О национальной гордости великороссов	25— 29
Что же дальше?	29— 36
О борьбе с социал-шовинизмом	74— 78
О поражении своего правительства	78— 83
Социализм и война	91—129
О лозунге Соединенных Штатов Европы	130—133
Крах II Интернационала	133—182
Первый шаг	198—203
Несколько тезисов	207—209
О двух линиях революции	210—214
О программе мира	233—239
Империализм, как новейший этап капитализма	243—336
Итоги дискуссии о самоопределении	398—434
О брошюре Юниуса	435—448

XIV т. 1 ч.

Первый этап революции	5— 13
О задачах пролетариата в данной революции	17— 21
О двоевластии	24— 26
Письма о тактике	26— 37
Задачи пролетариата в нашей революции	37— 64
Солдаты и земля	87
Наши взгляды	90— 94
Уроки кризиса	108—111
Неумное злорадство	115
Значение братанья	130—132
„Кризис власти“	135—137
Открытое письмо	153—156
Речь на 1-м крестьянском съезде	156—173
Неминуемая катастрофа	193—198
Речь на 1-м съезде Советов	261—271
Восемнадцатое июня	277—279
Съезд Советов и петербургские рабочие	281—283
О войне (речь на съезде Советов)	307—319

XIV т. 2 ч.

	Стр.
К лозунгам	12— 18
О конституционных иллюзиях	19— 31
Письмо в ЦК	95— 97
О компромиссах	97—102
Пугают гражданской войной	113—125
Задачи революции	125—133
Большевики должны взять власть	133—135
Марксизм и восстание	135—140
О героях подлога	140—145
Грозящая катастрофа	177—214
Удержат ли большевики государственную власть?	217—257
Письмо в ПК и МК	266—267
Советы постороннего	269—271
Письмо к товарищам	271—288
Государство и революция	297—410
Речи на апрельской конференции	413—450

XV т.

Об Октябрьской революции	11— 12
О мире	12— 13
Декрет о мире	14— 15
Заключительное слово	15— 19
О земле	19— 20
Речи на заседании ВЦИК	25— 29
Союз рабочих с трудящимися крестьянами	37— 39
Объявление кадетов врагами народа	46— 48
Речь о роспуске Учр. Собрания	58— 63
Тезисы о мире	63— 69
Доклад о деятельности Совнаркома (и заключительное слово)	73— 92
О революционной фразе	100—108
Странное и чудовищное	109—116
Доклады на 7-м съезде (о мире, о программе)	123—158
Очередные задачи Советской власти	193—225
Доклад об очередных задачах Соввласти	225—244
О левом ребячестве	255—280
Борьба за хлеб	310—325
Доклад Совнаркома на 5-м съезде Советов	367—382
О характере наших газет	418—420
Пролетарская революция и ренегат Каутский	445—525
О международной революции	546—558
Ценные признания Пит. Сорокина	559—566
Речь на съезде земотделов	589—599
О хозяйственных задачах	599—606
О демократии и диктатуре	607—612

XVI т.

	Стр.
О профсоюзах	12— 25
Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.	36— 52
Успехи и трудности Соввласти	60— 87
Речи на 8-м съезде	95—161
III Интернационал	180—187
Об обмане народа лозунгами свободы и равенства	192—225
Привет венгерским рабочим	225—229
Великий почин	241—261
Письмо к рабочим и крестьянам	300—307
Экономика и политика	347—356
Речь на конференции работниц	356—362
Доклад Совнаркома на 7-м съезде Советов	403—430
Выборы в Учр. Собрание и диктатура пролетариата	439—459
Письмо к рабочим Украины	459—465

XVII т.

Годовщина Коминтерна	39— 46
Речь на съезде водников	52— 57
Отчет ЦК на 9-м съезде РКП	62— 85
Речь на 3-м съезде профсоюзов	101—106
Речь на собрании МК	110—112
Детская болезнь „левизны“	115—198
Тезисы по национальному вопросу	211—216
Тезисы о задачах второго конгресса Коминтерна	229—244
Доклад на II конгрессе Коминтерна	253—269
О вхождении в британскую соц. партию	301—306
Задачи союзов молодежи	313—329
К истории вопроса о диктатуре	349—368
О концессиях	382—399
Доклад на 8-м съезде Советов	403—430

XVIII т. 1 ч.

О профсоюзах	7— 28
Кризис партии	28— 37
Еще речь о профсоюзах	38— 72
Об едином хозяйственном плане	81— 89
Речи на 10-м съезде	103—167
Речь на съезде транспортников	171—184
О продналоге (речь)	187—200
О продналоге (брошюра)	202—235
Доклад о продналоге	255—281
Защита тактики Коминтерна	302—311
Тезисы о тактике РКП	311—312
Речь о тактике	319—337

Стр.

Письмо Мясникову . . . . . 338—342
Новые времена . . . . . 352—359
К четырехлетней годовщине Октябрьской революции . . . . . 361—370
Речь на съезде политпросветов . . . . . 370—368
Речь на Московской партконференции . . . . . 386—408
О значении золота . . . . . 409—416
Доклад на 9-м съезде . . . . . 421—452

XVIII т. 2 ч.

(Этот том следует прочесть весь целиком (1—150 стр.), а из дополнений, к нему приложенных):

Речь на совещании политпросветов . . . . . 178—186
Речь на Московской губпартконференции . . . . . 186—203

XIX т.

(В список не помещены статьи, имеющиеся и в других томах и уже приведенные выше, напр. „Итоги дискуссии о самоопределении" и др.)

Критические заметки по национальному вопросу . . . . . 38— 63
Социалистическая революция и право наций на самоопределение . 168—180

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Автономия культурно-национальная — 210, 211.
Автономизм в партии—см. Партия.
Аграрная программа с.-д. — 30, 132 — 141
Аграрное движение — 80.
Аграрный вопрос — 123, 127.
Антисемитизм — 208.
Апрельская конференция—см. Конференции.

Б.

Базельский конгресс—см. Интернационал.
Белостокская конференция 1902 г.—см. Конференции.
Бернштейнианство — 51, 53, 54, 56, 164.
Бернская конференция—см. Конференции.
Большевизм (ки)—(также см. Партия)
и блок с другими партиями — 62, 68, 71, 72, 74 — 80.
— организационные принципы — 59, 60, 92, 98 — 101, 104, 106, 107, 109, 114 — 118, 236, 275.
— тактика — 104, 113, 152 — 157, 163, 173, 175, 254.
— тактика в первой революции — 63, 67, 157 — 165.
— тактика при отступлении — 154, 164, 165, 172 — 180, 250, 259, 265.
— тактика при наступлении — 165 — 171, 179.
и компромиссы — 155.
Брестский мир — 29, 172 — 177, 264, 283.
Буржуазия (русская) — 9, 39, 78 — 80, 82.
Буржуазные революции в Европе — 6, 205.
Буржуазная демократия — 237 — 243.
«Бунд» — 99, 100, 208 — 211.

В.

Война:
гражданская (лозунг) — 187, 188, 283.
гражданская и массы — 189, 196, 263.
империалистическая — 36, 185 — 192, 202, 282.
оборонительная — 189, 191, 192.
революционная — 174, 192.
Восток — 12 — 14, 217 — 221.
Вожди и их роль — 72.
Вооруженное восстание — 78, 83, 85, 103, 106, 157 — 161, 165, 168 — 171
» » и резолюция, принятая на 3-м съезде партии — 159.
Военный коммунизм — 179, 249, 256, 260.

«Вперед» — 102.
Временное революционное правительство — 82 — 84, 130, 161.
Временное правительство Керенского — 166.
«Вся власть советам» — 167.

Г.

Государство:
буржуазное — 226.
определение его — 227.
советское — 226, 239 — 242.
учение о нем — 225 — 231.
Государственная дума—см. Дума государственная.
Государственный капитализм — 249, 251.
Группа «Борьба» — 277.
Группа «Освобождение Труда» — 14, 70, 128, 133, 233, 258.

Д.

Двоевластие в 1917 г. — 231.
Девятое января — 130.
Демократия буржуазная—см. Буржуазная демократия.
День рабочей печати — 112.
Диалектический метод — 22 — 25.
Диктатура:
— и демократия — 233.
— над народом — 85, 86, 231.
— необходимость диктатуры пролетариата — 233, 234.
— пролетариата — 81, 83 — 87, 229 — 237, 239, 248, 262.
— пролетариата и крестьянства — 81, 82, 277.
Дискуссия о профсоюзах—см. Профсоюзы.
Дума:
— булыгинская — 88, 76, 161.
— государственная I — 68, 139, 160, 163.
— государственная II — 68, 163, 164.
— государственная III — 74, 140, 155, 163, 164.
— государственная IV — 155.
— бойкот ее — 29, 31, 110, 161 — 165.
— фракция (думская) — 113, 164, 165.

Е.

Еврейские погромы — 11

Ж.

Женщина в революции — 270 — 273.

З.

Заводские комитеты — 97.
«Заря» — 135, 136.
«Звезда» — 111.
Земская кампания — 67.

И.

Империализм — 16, 17, 181 — 185, 218.
Интервенция — 263.

Интернационал.
I — 193.
II — 118, 181 — 187, 193 — 195, 197.
Конгрессы II Интернационала:
— Базельский — 187.
— Копенгагенский — 258.
— Франкфуртский — 117.
— Цюрихский — 186.
— Штутгардский — 118, 187.
III — 155, 181, 196 — 201, 236, 237, 242, 283, 285.
Конгрессы III Интернационала:
1 — 198, 242.
2 — 50, 198, 258.
3 — 151, 199.
4 — 201.
«Искра» — 94, 95, 102, 129, 135, 136.

К.

Кадеты — 79, 80, 131, 139.
Капитализм:
— в России — 7, 44 — 46, 181.
— в сельском хозяйстве — 123 — 126.
Как изучать Ленина — 3.
Колонии—см. Национальный вопрос, см. Восток.
Комитеты бедноты — 143.
Коммуна 1871 г. — 6, 84, 129, 193, 228, 229.
Коммуны земельные — 260, 261.
Коммунистическое общество — 247, 248, 254.
Конгрессы—см. Интернационал.
Концессии — 251, 264, 265.
Конституционные иллюзии — 85.
Контроль над производством—см. Рабочий контроль.
Конференции:
— Апрельская 1917 г. — 166, 197, 203.
— Белостокская 1902 г. — 158.
— Бернская 1915 г. — 188.
— Кинтальская — 155, 196.
— Пражская 1912 г. (январская) — 110, 281.
— Циммервальдская — 155, 196.
Кооперация — 150, 151, 257 — 262.
» » и народники — 257, 258.
Корниловское восстание — 167.
Красная армия — 177, 262, 263.
Кризисы в политической жизни и их положительная роль — 98.
Крестьянство — 10, 11, 46, 122 — 152.
— и гражданская война — 144, 145.
— в Европе — 10.
— и капитализм — 123 — 126.
— и меньшевики — 132, 138, 139, 141, 151.
— и Октябрь — 140, 142.
— и народники — 122.
— и национальный вопрос — 10 — 12, 151.
— пролетаризация его — 11, 46, 123 — 126.
— в первой революции — 67, 80, 127 — 133.
— и пролетариат — 11, 67, 76, 77, 79, 126, 129, 130, 132, 138, 141 — 151, 157, 200, 234, 235, 250.
— расслоение его — 123 — 126.
— и Советская власть — 146, 147.

Кружковщина — 92, 93.
Культурно-национальная автономия—см. Автономия культурно-национальная.
Культура — 253, 254, 266 — 270.
Кулацкое восстание — 143.

Л.

Ленин:
— вождь — 5, 6, 73, 143, 145.
— об изучении истории партии — 27, 28, 103.
— о массах — 73, 90, 91.
Ленинизм (также см. Большевизм, Партия, Пролетариат и крестьяне):
— корни его — 17.
— определение его — 21, 22.
— и марксизм — 20 — 22.
— предвидение — 32 — 37.
— революционность — 37 — 42, 115.
— самокритика — 30 — 32.
— тактика (также см. Большевизм) — 113, 152 — 157, 173, 280.
— и троцкизм (см. Троцкизм) — 275 — 286.
Левые коммунисты — 173 — 177.
Ленский расстрел — 11, 281.
Либералы — 75, 76, 80.
Ликвидаторы — 106 — 108, 280.
«Луч» — 112.

М.

Марксизм:
— извращение его — 21.
— легальный — 50, 51, 69.
— и Ленинизм — 20 — 22.
— на Западе — 15.
— появление в России — 11 — 16, 50.
Массовая стачка — 165.
Меньшевизм (также см. Партия) — 58, 59, 66, 67, 69, 74, 132, 138, 139, 141, 151, 159, 204.
Молодежь в революции — 270 — 273.

Н.

Народники — 27, 43, 44, 46, 47, 122, 123, 257.
Национальный вопрос — 12 — 14, 208 — 224.
— в колониях — 208, 217 — 221.
— в Европе — 11 — 12, 210.
— в царской России на окраинах — 11, 12, 212, 222.
— в Советской России — 221 — 224.
— и крестьянство — 10 — 12, 151.
— и пролетариат — 208, 213, 223.
— и программа большевиков — 209 — 211.
— на Востоке — 12 — 14, 217 — 221.
Национализм — 208.
Национальные партии — 210.
Национализация — 256.
Натурналог — 146.
«Новая Жизнь» — 138.
Нэп:
— причины перехода к нему — 32, 141, 148, 151.
— значение его и итоги — 177 — 180, 199, 201, 250, 252, 256, 257, 260.

О.

Оборончество — 189, 191, 192.
Оппортунизм — 6, 7, 37, 49 — 56, 64, 116, 164, 193, 194, 195, 272, 285.
Отзовизм — 110.
Отрезки — 133 — 137.

П.

Парламентская республика — 226.
Партия (также см. Большевизм, Ленинизм):
— автономизм — 60, 61.
— в первой революции — 65, 101 — 106.
— ее дисциплина — 100, 101, 115, 116, 236.
— ее зарождение — 51, 69, 92.
— ее единство — 117, 118.
— ее нелегальный аппарат — 98, 104, 106, 107, 109.
— ее печать — 94, 95, 102, 111, 112, 158.
— ее тактика (см. также Большевизм) — 152 — 154, 156, 157, 163, 173, 175, 254, 255.
— и война — 185 — 190, 195, 196.
— и захват власти — 113, 167 — 171, 239, 244.
— и класс — 89, 90, 108, 116, 198, 243.
— и крестьянство (см. также Пролетариат и крестьянство) — 127, 141 — 144, 154.
— и профсоюзы — 118 — 121, 157.
— съезды—см. Съезды партии.
— централизм ее — 60, 98 — 100, 209.
— федерализм — 60, 100.
Перманентная революция — 109, 132, 277 — 279.
Пораженчество — 189, 190, 283.
«Правда» — 111, 112, 141, 281.
«Право наций на самоопределение» — 209, 211.
Пражская конференция (январская) — см. Конференции.
Продналог — 147, 250.
Пролетариат (см. также Партия):
— и буржуазия — 21, 62, 63, 67, 68, 70, 73, 81.
— и война — 185 — 190.
— и государство — 225 — 246.
— и интеллигенция — 9, 48, 78,
— и крестьянство — 11, 67, 76, 77, 79, 127, 128 — 132, 138, 141 — 151, 157, 200, 201, 235, 250.
— и национальный вопрос — 208, 213, 223.
— на Западе — 8, 9.
— роль его в буржуазной революции — 33, 65, 66, 70, 71, 74, 75, 131.
— сельскохозяйственный — 124.
Профсоюзы — 118 — 121, 236.
— и диктатура пролетариата — 120, 221.
— дискуссия о них — 116, 121.
— и оппортунизм — 119.
— и партия — 118 — 121.
— роль их — 96, 97, 119 — 121.
Проект программы партии:
— 1896 г. — 74, 133, 134, 181.
— 1900 г. — 75, 129, 134.
— 1919 г. — 259.

Р.

Рабкрин — 242.
Рабочий контроль над производством — 255, 256.
Рабочая оппозиция — 117.
Рабочий съезд — 105.
Расслоение деревни — 123 — 126.
Революция:
— ее основной закон — 41, 42.
— и буржуазия — 39, 67, 73, 78.
— и массы — 38, 39, 73, 243, 246.
— и реформа — 39, 40.
— на Востоке — 13.
— социальная — 174, 201 — 207, 249.
Революционный подъем 1912 г. — 111 — 113.
Революционеры — профессионалы — 95 — 98.

С.

Система Тейлора — 269.
Советы 1905 г. — 87, 88.
Социализм — 146, 198, 203, 252, 267.
Социальная революция—см. Революция.
Социал-демократы—см. Партия, Большевизм, Меньшевизм.
Спецы и их использование — 253, 254.
С.-р. — 48 — 50.
СССР — 247 — 273.
— национальный вопрос в нем — 221 — 224.
— экономическое строительство — 252 — 257.
Стихийность и сознательность в рабочем движении — 56 — 58.
Съезды партии:
— II — 59 — 63, 76, 101, 102, 129, 135, 274, 275, 277.
— III — 83, 103, 136, 137, 159.
— IV — 118.
— V — 73, 74, 118, 119, 151, 279.
— VI — 255.
— VII — 232, 241.
— VIII — 143, 144, 259.
— X — 116, 117, 131, 139, 145.
— XIII — 257.

Т.

Теория — важность ее изучения для партии — 18 — 20.
Террор индивидуальный — 49, 91, 156.
Троцкизм — 109, 121, 132, 190, 277 — 286.
— и война — 248.
— и ликвидаторы — 280, 281.
— на II съезде партии — 274, 275.
— на XIII съезде партии — 283.
— о крестьянстве — 277 — 279, 284.
— о чистой рабочей диктатуре — 277, 278.
— теория перманентной революции — 109, 132, 277 — 279.
— «Уроки Октября» — 283.

У.

Ультиматисты — 110.
Устав партии — 59, 61.

Ф.

Федерализм—см. Партия.
Федерация — 117.
Франкфуртский конгресс—см. Интернационал.

Ц.

Циммервальдская конференция—см. Конференции.
Цюрихский конгресс—см. Интернационал.

Ч.

«Черный Передел» — 136.

Ш.

Шовинизм — 223.
Штуттгартский конгресс—см. Интернационал.

Э.

Экономизм — 52, 53, 56, 58, 69, 118
Эрфуртская программа — 81.

Я.

Якобинцы — 64.
Январская (пражская) конференция 1912 г.—см. Конференции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
	Предисловие Н. К. Крупской	2
	От автора	4
Глава I.	**Историческая обстановка.**	
	1. Ленин — вождь миллионов	5
	2. Пролетариат в России	6
	3. Крестьянство и национальный вопрос в России	10
	4. Россия и Восток	12
	5. Марксизм в России	14
	6. Крах империализма	16
Глава II.	**Некоторые элементы ленинизма.**	
	1. Важность теории	18
	2. Марксизм и ленинизм	20
	3. Диалектический метод	22
	4. Реализм	26
	5. Самокритика	30
	6. Предвидения	32
	7. Революционность	37
Глава III.	**Борьба с оппортунизмом.**	
	1. Народники и эс-эры	43
	2. Легальный марксизм	50
	3. Экономизм	52
	4. Меньшевизм	58
Глава IV.	**Большевизм в первой революции.**	
	1. Гегемония пролетариата	70
	2. Отношение к буржуазии	74
	3. Диктатура пролетариата и крестьянства	81
Глава V.	**Организация партии.**	
	1. От кружковщины к партии	89
	2. Организационные принципы большевизма	93
	3. Партия в первой революции	101
	4. Между двумя революциями	106
	5. Партия у власти	113
	6. Профсоюзы	118

Стр.

Глава VI. **Крестьянство в революции.**
1. Крестьянство в России 122
2. Крестьянство и первая революция 127
3. Аграрная программа социал-демократии 132
4. Союз рабочих и крестьян 141

Глава VII. **Тактика ленинизма.**
1. Основные черты большевистской тактики 152
2. Тактика большевизма в первой революции 157
3. Борьба за власть (тактика наступления) 165
4. Тактика при отступлении 179

Глава VIII. **От II Интернационала к Коминтерну.**
1. Империализм 181
2. Мировая война 185
3. Крах II Интернационала 193
4. III Интернационал 196
5. Социалистическая революция 201

Глава IX. **Национальный вопрос.**
1. Пролетариат и национальный вопрос 208
2. Право наций на самоопределение 211
3. Восток и колонии 217
4. Союз Советских Республик 221

Глава X. **Пролетариат и государство.**
1. Учение о государстве 225
2. Диктатура пролетариата 231
3. Буржуазная демократия и советский строй . . . 237
4. Массы в революции 243

Глава XI. **Создание Союза Республик.**
1. Переходная эпоха 247
2. Экономическое строительство 252
3. Кооперация 257
4. Борьба на внутреннем и внешнем фронтах . . . 262
5. Культура 266
6. Женщины и молодежь в революции 270

Глава XII. **Ленинизм и троцкизм.**
1. Троцкий в период 2-го съезда 274
2. Теория перманентной революции 277
3. После первой революции 279
4. В эпоху мировой войны 282

Библиография 287
Предметный указатель 296
Оглавление 303